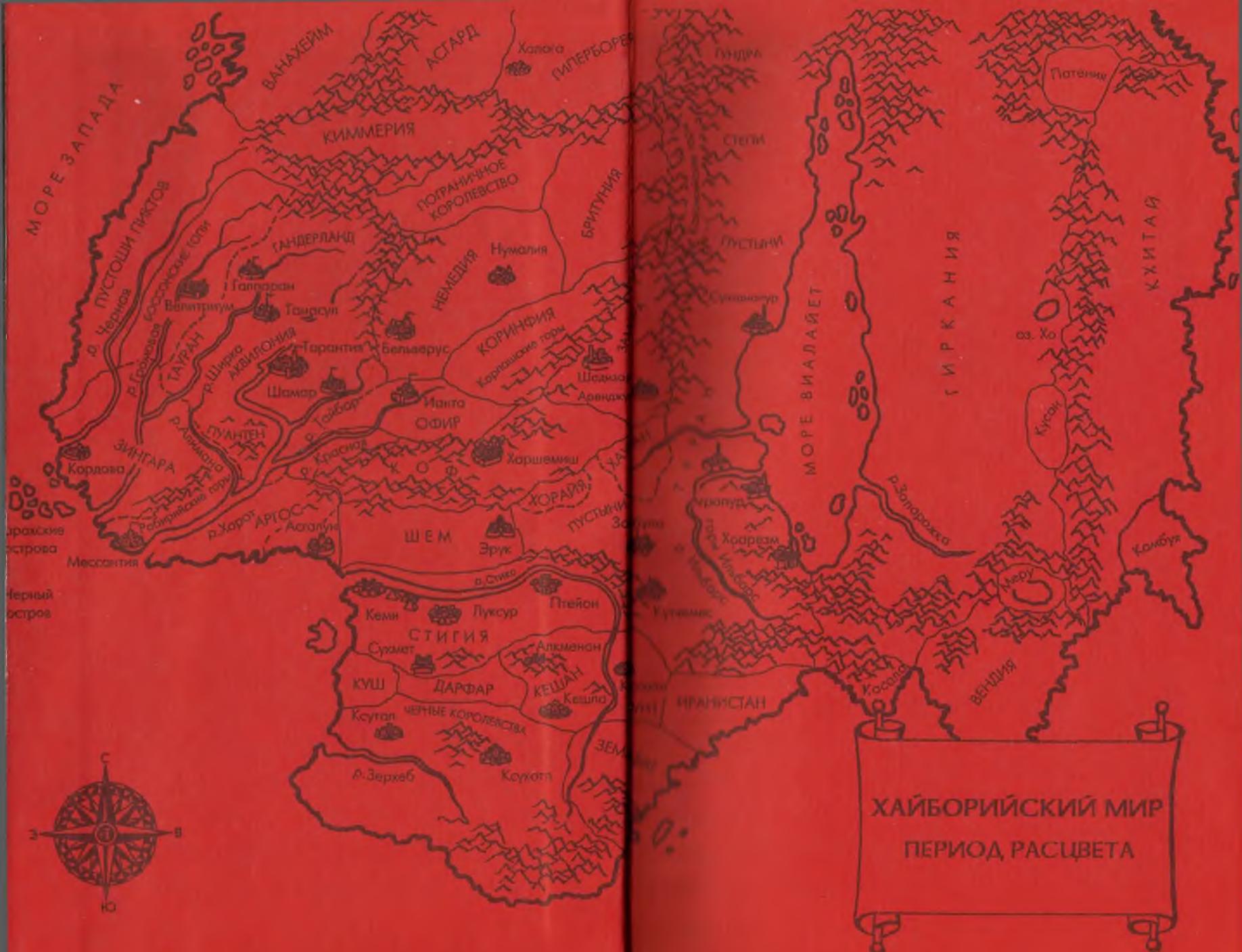

РЫЖАЯ СОНЯ™

РЫЖАЯ СОНЯ
И КОЛЬЦО
СУДЬБЫ

Северо-Запад®

РЫЖАЯ СОНЯ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КОЛЬЦО
СУДЬБЫ

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1999

УДК 820
ББК 84(7США)
Р 93

Авторские права защищены.

*Запрещается воспроизведение этой книги или любой
ее части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

Р93 Рыжая Соня и Кольцо Судьбы.: Роман./ Пер.
с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1999. — 448 с.

ISBN 5-83765-051-9

УДК 820
ББК 84(7США)

ISBN 5-87365-051-9

© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

Глава первая

После побега из Логова Белой Волчицы¹, Соня затаилась в лесу, ожидая, что вот-вот услышит звуки погони, однако ночную тишину нарушал только слабый ветерок, нежно теребивший медные пряди ее волос. «Ветер свободы», — невольно подумалось ей, и от этой сладкой мысли сердце забилось чуть сильнее. Она бездумно растерла пальцами несколько иголок и с наслаждением вдохнула горьковатый, терпкий аромат хвои.

Понимая, что расслабляться нельзя, девушка быстро взяла себя в руки и внимательно посмотрела на звездное небо, проглядывавшее сквозь ветви деревьев: серп молодой луны завис прямо над головой, словно указывая путь. Ее дорога лежала на закат, к выходу из долины, а затем на север, в Ханумар, где ее ждали Сурхан и Альво.

Она снова прислушалась. Тишина. Похоже, о ее побеге в Логове пока не узнали. Хватит терять

¹См. Дж. Бейли «Владыка падших»

время. Пора уходить. В кромешной тьме, да еще среди деревьев, вряд ли ее сможет кто-нибудь заметить. Жаль вот только, что коня нет. Пешком придется потратить несколько дней, а это плохо, ведь утром наверняка начнется переполох. Ее будут искать, причем старательно, а ей нужно не только обмануть преследователей, да еще и где-то спать и что-то есть... Правда, у нее есть лук, но охотиться днем было бы безумием. Впрочем, и ночью тоже.

А может быть...

Мелькнувшая в голове мысль показалась привлекательной, и глаза девушки загорелись радостью. Пусть ее ищут, а она тем временем укроется в пещере, в которой они провели вместе последнюю ночь. Через два-три дня охранники Логова решат, что беглянка обошла все заставы и сумела вырваться, и если даже не прекратят поиски, то уж стараться-то не будут. Отлично! До рассвета она должна добраться до южного хребта Граскаала, а по дороге неплохо бы подстрелить какую-нибудь дичь да набрать воды.

Соня осторожно раздвинула ветви ельника и бесшумно двинулась вперед. Через пару десятков шагов подлесок кончился, и она застыла на его границе, всматриваясь в исполинские стволы вековых сосен и елей. В таком открытом лесу засаду можно заметить издалека, но зато и сама она в лунном свете видна как на ладони.

Бросив быстрый взгляд по сторонам, девушка добежала до первого ствола, от него — к следующему и еще к одному, когда сердце впервые ехнуло, заставив ее насторожиться. Она прижалась

к шершавой коре, словно хотела слиться с ней. Сердце стучало в горле, но глаза будто стали стократ зорче, и Соня без труда рассмотрела, что на одном из деревьев выступает подозрительный нарост.

Похоже, не все так просто... Соня осторожно двинулась вправо и через десять шагов, отделявших ее от соседнего дерева, снова остановилась, чтобы оглядеться. Нарост, что привлек ее внимание, пропал, и это очень не понравилось девушке. Деревья не люди. Они не расправляют сгорбленных спин, не меняют поз.

Впрочем, что бы это ни было, не сидеть же ей теперь под деревом, ожидая, когда за ней придут. Она выбрала свой путь и возвращаться не собиралась. Беглянка направилась вперед такими же короткими перебежками, как и прежде, и успела уйти довольно далеко, когда слабый шорох за спиной вновь заставил ее насторожиться.

Соня замерла на полу шаге и резко обернулась. На этот раз она увидела не исковерканный наростом ствол, а нечто живое, метнувшееся в сторону. Кто-то явно преследовал ее и теперь попытался спрятаться. Не обернись она столь внезапно, и замершая в отдалении тень осталась бы незамеченной. Так, значит, она здесь вовсе не одна, и побег ее уже не тайна! Ее преследуют умело, скрытно. Быть может, даже направляют по определенному пути. Она испуганно взглянула вправо и влево: там застыли похожие тени. Что делать?!

На миг девушка замерла, мечтая лишь о том, чтобы ее не заметили, прошли мимо, и почувство-

вала, что зловещее кольцо врагов вокруг нее зашевелилось и начало неумолимо сжиматься, но не видела выхода. Рука ее потянулась к оружию, и вдруг...

Соня не сразу поняла, что происходит. Откуда-то сверху донеслось странное шипение, но она не успела поднять голову, потому что в следующий миг хвоя, равномерным слоем устилавшая землю, взлетела в воздух. Девушка почувствовала, как земля уходит из-под ног, и сообразила, что падает, но упасть не успела. Ее подхватило что-то мягкое, и через два удара сердца она повисла, плавно раскачиваясь всего в паре локтей над землей. Соня попробовала вырваться из опутавшей тело сети, но усилия оказались напрасными: со всех сторон к ней уже бежали вооруженные люди. Десятки рук подхватили ее и понесли обратно в Логово.

Скоро Соня перестала вырываться, справедливо рассудив, что ни к чему смешить людей и понапрасну тратить силы. Какая же она дура! Стояла и радовалась свежему ветерку, запаху хвои, даже не задумываясь о том, что среди деревьев легко спрятаться не только ей, но и стражам, а свежий ветер несет к чутким носам ее запах! Она упивалась ощущением свободы, а эти твари затаились среди ветвей и ждали, когда она доберется до ловушки. Даже пугнули ее, тонко и умело, когда она пошла не в ту сторону!

Ее торжественно внесли в ворота, и тут Соня со стыдом и удивлением увидела, что, несмотря на глухую ночь, ее встречают, едва ли не торжественно.

Десять стражников освещали факелами обширное пространство рядом с плацем, на котором выстроилась вся гнусная верхушка: Халима, Ханторек, Кучулуг, Север и, конечно же, сама мать-настоятельница. За их спинами толпились наставники.

Только что они о чем-то переговаривались, но, когда беглянку внесли и бросили на землю, как тюк грязного белья, умолкли. Все, как по команде, уставились на нее будто на некую диковинную зверюшку, пойманную в лесу. Лицо Разары, правда, ничего не выражало, зато Ханторек и не пытался скрыть своего ликования, и Соня с ужасом поняла, что попала-таки в его власть. Халима ехидно улыбалась: наконец-то все убедились в ее правоте. Кучулуг злобно скалился. И лишь на лице Севера она прочла мрачное сочувствие, но, как ни странно, его участие лишь пробудило в ней былью ненависть.

Соня смерила каждого из присутствующих злобным взглядом и отвернулась. Она не видела, как пристально смотрит на нее Разара. Ей хотелось, чтобы все поскорее закончилось, что бы ни ждало ее впереди.

— В клетку ее! — От резкого, как удар плети, приказа матери-настоятельницы девушка невольно вздрогнула.— Пусть там дожидается утра!

Те же люди, что принесли беглянку в Логово, вновь подхватили ее и понесли дальше. «В клетку? В какую еще клетку?» Соня видела, что ее несут по аллеям парка, приближаются ко дворцу... «Куда дальше?» В это мгновение ее опустили на землю, но на этот раз поставили на ноги. Девушка уви-

дела, что находится в странной беседке, между двумя бронзовыми статуями — лучника и копейщика. Пока она осматривалась, ее тщательно обыскивали и только после этого освободили от сетей.

— До утра тебе придется побывать здесь, — сказал ей Вамматар, кивнув на защищенную стенами часть павильона.

Пожав плечами, пленница шагнула внутрь и, услышав за спиной громкое шипение, резко обернулась. Толстые бронзовые стержни перегородили проход. В промежуток между ними Соня едва смогла бы просунуть руку.

— Очень остроумно, — хмыкнула девушка, подходя к решетке, по другую сторону которой стояли Вамматар и Север в окружении воинов.

Вожак едва заметно пожал плечами и обернулся к начальнику наружной стражи:

— Пусть Вулоф постережет ее до утра.

— Ты боишься, что я попытаюсь перекусить прутья? — фыркнула Соня.

Один из стражников тут же отправился выполнять приказ Вожака. Сам же Север спокойно посмотрел на девушку и молча отошел в сторону. Соне захотелось вдруг узнать, о чем он сейчас думает, но по его невозмутимому лицу ничего нельзя было прочесть.

Вулоф явился гораздо раньше, чем она ожидала.

— Мы сейчас уйдем, — сказал Вожак, и девушка, решив, что он заговорил с ней, собралась уже сказать какую-нибудь колкость, но он равнодушно отвернулся и закончил фразу, обращаясь к волку: — С ней не должно случиться ничего дурного.

— Да, — хрипло выдохнул Вулоф.

Север кивнул ему, взглянул на девушку и, забрав с собой Вамматара и стражу, ушел. Соня опустилась на скамью. Вот и все. Где же она просчиталась? Она ведь всегда тщательно готовилась к каждому из своих дел, никогда не шла вперед, не перепроверив все тысячу раз. Сама же хвасталась перед Хантореком своей осторожностью! О, Бел! Именно он предупреждал об опасностях ее ремесла, а она небрежно отмахнулась от его слов, как от наивного лепета непосвященного. А этот негодяй как в воду глядел! Соня не сомневалась, что уж теперь-то отец-настоятель наверняка попытается отыграться.

Она застонала от бессильной ярости. «Боги! За что вы помутили мой разум?! Как же я решилась положиться на слепую удачу в игре, где на кону оказалась моя собственная жизнь? Это же Логово Белой Волчицы! Ведь знала, что сюда не первый год заманивают самых удачливых из воров. И до меня многие наверняка уже пытались бежать. Да они на ловле беглецов поднаторели!»

Она устало вздохнула, подошла к решетке, взялась ладонями за толстые прутья и прижалась к ним пылающим лицом. За ними два воткнутых в землю факела образовывали островок света, окруженный кустами. Вдаль убегала посыпанная песком дорожка. Вулоф сидел в локте от решетки и не мигая смотрел на нее. Казалось, зверь чувствовал, что творится в душе пленницы, и жалел ее. Соня не сомневалась, что волчья стая помогала поймать ее, но не сердилась на зверя. Быть может, потому, что понимала: он всего лишь

невольник, которому просто некуда деваться. В отличие от людей...

Она невесело улыбнулась ему, как товарищу по несчастью. Волк нервно потоптался на месте, но взгляда не отвел.

— Меня убьют? — спросила девушка.

Зверь судорожно глотнул. Он явно волновался.

— Накажут.... — хрипло прорычал он.

Накажут! Соня непроизвольно ската решетку побелевшими от напряжения пальцами. Ей впервые стало действительно страшно. Альрику ведь тоже... Наказали!

«Что же ты наделала, Соня? Ведь еще бритунка говорила о том, что не стоит торопиться с побегом. Быть может, следовало дождаться первого задания, но не из Логова, не из долины Волчицы, где за каждым деревом притаились стражи! Почему же ты перестала прислушиваться к голосу разума? Уж в любом случае, раз решилась на побег, следовало затаиться до рассвета, когда глаза не подведут, а не бродить по ночному лесу...»

Соня простояла у решетки до самого утра. Она не заметила, как один за другим потухли оставленные людьми Севера факелы и окружающий мир погрузился во тьму и тишину. Всего один раз ей показалось, что она услышала в темноте какой-то шорох, но Вулоф тут же насторожился и недовольно заворчал. Все стихло, и Соня вернулась к своим невеселым мыслям. Она продолжала ругать себя, пока небо на востоке не заалело.

Через некоторое время невдалеке послышались шаги, вслед за которыми раздался громкий удар

колокола, заставивший пленицу вздрогнуть и очнуться. Начинался новый день. Что он принесет ей?

Вновь послышались шаги, легкие и торопливые. Кто-то быстро шел по усыпанной песком дорожке, и Вулоф опять насторожился, но через мгновение, когда увидел подбежавшую Аванту, успокоился. Зингарка метнулась к клетке и, остановившись в шаге от решетки, взялась за прутья.

— Зачем? Ну зачем ты сделала это? — воскликнула она, когда взгляды их встретились.

— Я не могла больше находиться здесь,— устало ответила Соня, пытаясь убедить себя, что это действительно так.

Она вымученно улыбнулась, протянула сквозь решетку руку и погладила подругу по щеке. Та прижалась к ее ладони, и Соня увидела, как глаза девушки наполнились слезами.

— Ну что ты? Не надо,— прошептала плениница.

— Они убьют тебя,— всхлипнула Аванта.

— Нет. Только накажут,— как-то равнодушно ответила шадизарка, и Аванта, не выдержав, разрыдалась.

— Ну что ты? Не надо,— отрешенно повторила Соня, вытирая влажные дорожки на щеках подруги.

Вулоф недовольно заворчал, и почти сразу вслед за этим вновь послышались шаги. Отряд наружной стражи во главе с Вамматаром быстро приближался с южной стороны парка. Когда охранники подошли ближе, Соня увидела среди них и Кучулуга.

С громким шипением решетка ушла в землю. Аванта вскрикнула от неожиданности и отскочила на шаг. Пленница вышла наружу, и Вулоф лизнул ее руку, но Вамматар, не проронив ни слова, строго посмотрел на волка, и тот, опустив голову, поплелся прочь. Следом за ним ушел и гипербореец.

— Иди к своим,— мельком глянув на Аванту, глухо приказал Кучулуг.

Девушка в последний раз посмотрела на подругу и побежала по дорожке парка.

К удивлению Сони, Кучулуг вел себя сдержанно и даже старался не смотреть в ее сторону.

— Идем,— коротко бросил он и направился ко дворцу.

Они вошли в центральное здание и спустились в подвал. Девушка даже не удивилась, попав в уже знакомую камеру. Она остановилась посредине и замерла, молча слушая, как закрывается за спиной дверь и поворачивается ключ в замке.

Факелы, как и в прошлый раз, ярко пылали в держателях на стенах. Соня невольно вздохнула: «Вот ты и вернулась к тому, с чего начинала. И что теперь? Теперь тебя ждет наказание, как сказал Вулоф».

Наказание... Она стиснула зубы, припомнив искашенное ужасом лицо Альрики утром, когда бедняжка вернулась в свою комнату, и опустевший, лишенный жизни взгляд подруги вечером того же дня.

Наверняка, с ней попытаются проделать что-то подобное. Может ли она избежать этого? Ско-

рей всего, нет. Но пусть даже не надеются, руки на себя она не наложит.

* * *

Когда Север вошел в покой матери-настоятельницы, Ханторек нервно расхаживал из угла в угол.

— Почему так долго? — раздраженно спросил он.

— Ты звала, повелительница?

Словно не слыша вопроса отца-настоятеля и даже не удостоив его взглядом, Вожак сдержанно поклонился Разаре. Халима увидела, как налилось кровью бледное лицико Ханторека, и едва сдержала готовый было вырваться ехидный смешок. Всего-то пара седьмиц прошло со времени проведенного ею ритуала, а как изменился отец-настоятель! Куда девалась его сдержанность? Упорно скрываемая злоба вырвалась наружу, подчинив себе все его существо! Да и внешне он стал другим. Отдаленное сходство с хорьком теперь было явным.

— Да, Север,— ответила Разара, точно так же, как и он, не обращая внимания на пунцового от злости и стыда отца-настоятеля.— Как ты понимаешь, нам предстоит определить судьбу послушницы.

— Конечно, понимаю,— кивнул Север.— Равно как и ответ на этот вопрос не вызывает у меня ни малейшего сомнения.

— И ты, безусловно, уверен в своей правоте? — прошипел Ханторек.

— Ты, как всегда, проницателен, отец-настоятель,— спокойно ответил Север, едва взглянув на Ханторека, словно только что заметил его.

— И что же ты предлагаешь? — поинтересовалась мать-настоятельница.

— Отпустить ее! — Север пожал плечами. — Чего ж еще? Пусть вернется в свою комнату, выспится, а завтра с утра отправляется на занятия.

— Благодетель... — хмыкнула Халима негромко, но так, чтобы ее слышали остальные.

Разара кивнула, но не успела и рта раскрыть, как вмешался Ханторек.

— Похоже, Вожак готов простить рыжей послушнице любую провинность! — воскликнул он.

— Вовсе нет, — равнодушно возразил Север. — Просто не вижу ее особой вины. Она поступает так, как должен поступать нормальный человек. Любой личности невыносима неволя. Она же, несомненно, личность сильная, хотя, быть может, и не осознает своей силы. Но именно потому так ярок ее протест. Я был бы разочарован, поступи она иначе.

— Ах вот как! Личность! — закричал Ханторек, всплеснув руками. — В Логове нет личностей, кроме настоятелей и наставников! Послушникам же еще только предстоит заслужить право на уважение.

— Оставим пустые споры! — оборвала его Разара. — Что ты предлагаешь? — Она обернулась к отцу-настоятелю.

— Казнить ее перед строем послушников! — брызга слюной, заверещал он. — Чтобы у других никогда больше и мыслей о побеге не возникало!

— Никогда? — удивленно переспросил Север. — Никогда — это слишком долго, — усмехнулся он. — А ты не боишься, что своей жестокостью мы и

остальных заставим думать о побеге? Если не сейчас, так на первом же задании?

— Нет, не боюсь, — прошипел Ханторек. — Послушники просто узнают, какая кара ждет непокорных! Они поймут, что пока все они лишьсмертники, а исполнение приговора отложено на неопределенный срок. Пусть жизнь их научит покорности! — выкрикнул он, оскалив острые зубы, и вызывающе посмотрел на Севера.

— Что-то я тебя не понимаю, — спокойно возразил Вожак. — Сперва ты ратовал за то, чтобы любой ценой сохранить девушке жизнь, а теперь всеми силами пытаешься спровадить ее к праотцам. А когда я чего-то не понимаю, то противлюсь этому.

— Все очень просто. — Ханторек попытался взять себя в руки. — Я считал, что она станет для нас ценным приобретением, а теперь вижу, что ошибся, и чем дальше, тем больше убеждаюсь в собственной досадной оплошности.

Разара молчала. Молчала и Халима, наблюдая за спором мужчин с легкой улыбкой.

— Не сочти мои слова за оскорбление, — вновь возразил Север, — но не тебе судить о том, какой она воин. — Он поднял руку, упреждая возражения. — Ты прекрасно сделал свое дело — отыскал ее. Я видел послушницу в деле и по-прежнему не сомневаюсь, что твой выбор был правильным.

Ханторек зло посмотрел на него, а Халима едва заметно кивнула: молодец, Вожак, похвалил хорька!

Отец-настоятель стиснул кулаки и умолк.

— Чем же ты тогда объяснишь случившееся? — помолчав, спросил он.

— Рутина.— Север пожал могучими плечами.— Тот, кто честно делает дело, знает, что всегда что-нибудь идет не так, как задумано.— Он подождал, пока эта простая мысль дойдет до отца-настоятеля, и закончил: — К тому же она женщина.

— Ага! — с новой силой взъярился Ханторек.— Вот мы и подобрались к сути!

— Верно! — кивнул Север, словно не понял его.— Женщины гораздо чаще сопротивляются до последнего. В этом их сила, но,— добавил он, подумав,— в этом же и их слабость.

«Молодец,— мысленно похвалила его Разара,— какой же ты умница! Ведь именно поэтому я и ищу тебе спутницу! И все же... Уж больно девчонка строптива!»

— А ты не подумал,— вдруг заговорила Халима,— что решат остальные, если твоей рыжей воспитаннице побег сойдет с рук?

— У меня есть простое правило.— Теперь Север говорил только с ней, хотя и обращался ко всем.— Не перед людьми, перед собой будь чист.

— А люди?! — вновь вскипел отец-настоятель.— Наше мнение, значит, ничего не стоит!?

— Если мысли чисты, не намного, но так, чтобы это заметили все,— повысил голос Север,— то люди поймут. Впрочем,— с усмешкой поправил он себя,— если помыслы черны, то люди поймут тоже,— закончил он и пристально посмотрел на своего противника, ожидая его ответа.

Разара сдержанно кивнула, Халима хмыкнула, а Ханторек закусил губу. Все молчали. Вожак, по-

хоже, не считал нужным добавлять к сказанному еще что-то, а отец-настоятель, хоть ярость и слепила его, понял, что возражать нечего.

— Ну что же,— заговорила Разара,— позиции мужчин мне ясны. Отпустить или убить. Что скажешь ты, Халима? — спросила она, оборачиваясь к настоятельнице.

«Убить? — подумала гирканка.— Ну нет! Это слишком просто и быстро!»

— Убить? — переспросила она вслух.— Ну нет! Это слишком жестоко. Но и оставлять преступок без последствий я бы не советовала. На мой взгляд, вполне достаточно ограничиться наказанием.

— Как странно,— ядовито произнес Ханторек, глядя на бывшую любовницу.— Всего-то две семьи прошло, а как переменилась твоя позиция!

— Как и твоя,— усмехнулась она, спокойно выдержав его ненавидящий взгляд.

— Не о чем спорить! — повысила голос мать-настоятельница.— Все вы высказались. Теперь мне решать, а я еще хочу подумать.— Она обвела суровым взглядом всех троих.— Пример послушницы, которая повесилась у себя в комнате, ничему не научил пленницу. Быть может, собственный опыт окажется действеннее? — Север попытался возразить, но Разара жестом остановила его.— Молчи. Я ценю тебя, твое мнение и даже твою доброту, которую подчас считаю чрезмерной, но на этот раз наказания твоей подопечной не избежать! Что делать дальше? — спросила она вслух и задумалась, впрочем не надолго.— Что делать дальше, посмотрим!

* * *

Погруженная в тяжкие думы, Соня сидела на огромном ворохе соломы, обхватив колени руками и прикрыв глаза. После тяжелой ночи хотелось забыть обо всем, но заснуть она не могла. Пленница давно перестала обращать внимание на шаркающие шаги тюремщика в коридоре, но эвон ключей заставил ее вздрогнуть. Дважды со скрежетом ключ провернулся в замке, дверь отворилась, и девушка, подняв голову, встретилась взглядом с Севером. Вожак прикрыл за собой дверь и остановился в шаге от входа.

Не произнося ни слова, они долго смотрели друг на друга. Как ни странно, Соня обрадовалась его приходу, хотя с первого взгляда поняла, что Вожак пришел не затем, чтобы выпустить ее из тюрьмы. Тем не менее сердце ее учащенно забилось.

«Зачем?» — безмолвно спрашивали его глаза.

Но девушка не знала, что ответить. Сейчас мотивы ее поступков казались ей самой мелкими и незначительными, и Север именно это прочел в ее горестном взгляде.

«Что они сделают со мной?»

«Не знаю. — Вожак всего лишь едва заметно качнул головой, но Соня прекрасно поняла его. — Я ведь всего-навсего воин».

«Но ведь ты не можешь не знать больше меня!» — едва не воскликнула она вслух, и щека ее болезненно дрогнула.

«И все-таки это так, поверь», — отвечали его глаза, и промелькнувшее в их глубине искреннее со-

чувствие показало девушке, что он не лжет и надеяться не на что.

* * *

Конная сотня остановилась перед воротами Логова, и зычный голос потребовал отворить. Стражники, однако, не торопились, ожидая прихода Кучулуга. Даже присутствие среди сотни Вамматара с его людьми не убедило их немедленно исполнить приказ незнакомца. Север появился раньше гирканца. Он вышел в приоткрытые ворота и остановился перед могучим воином, восседавшим на неправдоподобно огромном коне.

Почерневшая от времени кольчуга защищала его мощное тело, высокий рогатый шлем оставлял открытым только лицо, грубое и горбоносое, с жестокими бесцветными глазами. Верзила явно терял остатки терпения. Север понял это, когда всадник вместо приветствия хрюпlo прорычал:

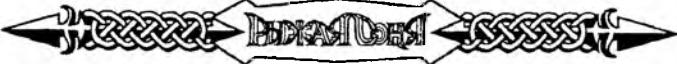
— Я вижу, вы тут обгадились от страха!

Поддерживая своего предводителя, сотня дружно загоготала. Вамматар поморщился, но смолчал.

— Приветствую тебя, Горза, — пропуская грубость мимо ушей, ответил Север. — Не надо путать трусость с осторожностью. Не забывай, здесь Логово, а не Похиола, — напомнил он.

— Ты угрожаешь мне, Вожак? — прогудел Горза и, нахмурившись, уставился на Севера.

Его люди тут же смолкли, а стражники у ворот мгновенно насторожились, ожидая худшего, но Север жестом успокоил их.

— Я лишь напоминаю, что Логово в отличие от Похиолы окружено врагами, и мы здесь, к сожалению, слишком часто сталкиваемся с ними. Так что оставь пустые обиды, слезай с коня и пойдем.

Не дожидалась ответа, он развернулся и вошел в открытые теперь настежь ворота. От такой бесцеремонности лицо Горзы налилось краской гнева, но перед ним уже маячила удалявшаяся спина Вожака. Он сжал чудовищные кулаки и обернулся к всадникам.

— А вы чего ждете, пожиратели коровьих лепешек?! — заорал он, срывая злость на своих людях. — Всем спешиться и вперед!

Он спрыгнул на землю и, не заботясь о коне, отправился вслед за Севером, который успел уже отойти на полсотни шагов и остановился перед подоспевшим Кучулугом.

— Я полагаюсь на тебя, — негромко произнес Вожак. — Горза зол, и раздражение его, похоже, передалось всей сотне. Скажи своим людям, чтобы избегали стычек.

— Ты хочешь, чтобы мы выглядели перед похиольцами трусами? — глядя в сторону, прошел Кучулуг.

— Я хочу избежать большой драки, — возразил Север, — но если кого-то из наших сильно заденут, защити его сам! Я знаю, ты справишься с любым из сотни. Но помни: я говорю о поединке. Остальные должны остаться зрителями!

— Не обо мне ли вы тут говорите? — поинтересовался подоспевший гипербореец.

— О твоих людях, — уклончиво ответил Север. — Кучулуг позаботится, чтобы всех накормили и присмотрели за лошадьми. — Он усмехнулся. — Мне не хочется, чтобы твои люди вспоминали о Логове как о пристанище негостеприимных трусов.

Вожак кивнул на прощание Кучулугу и пошел дальше. Горза хмыкнул и направился вслед за ним. Догнав его, гипербореец спросил:

— Что? Дела и вправду так плохи?

— Хуже, чем хотелось бы, — признался Вожак. — Не меньше десяти раз в год в Логово пытаются проникнуть, но до сих пор враги присыпали одиночек. Никому из них еще не удалось пробраться в долину. Люди Вамматара пока на высоте.

— Тогда чем вызвана столь странная встреча? — удивился гость.

— Ты помнишь последний визит матери-настоятельницы в Похиолу? — Гипербореец кивнул, и Север продолжил: — Так вот, на обратном пути нас поджидали.

— Где? — насторожился Горза.

— Так ты ничего не знаешь? — удивился Север.

— Нет, — мотнул головой гипербореец. — Лухи хочет встретиться с Разарой. Мне приказано сопровождать ее. Это все, что мне известно.

— Тогда понятно, — кивнул Вожак. — В том-то и дело, что напали на нас в Гиперборее, в четырех лигах от входа в ущелье, но, согласись, это мало что меняет.

— Ты сказал — поджидали? — помолчав, переспросил Горза.

— Примерно четыре десятка конных латников устроили нам засаду.

— Не преувеличиваешь? — недоверчиво покосился на него гипербореец.

— Если бы! — Вожак нахмурился.— Сам понимаешь, когда на нас навалились, я не считал нападавших, но не думаю, что ошибся больше чем на двух-трех человек. Да и не меняет это ничего! Латник есть латник. И поджидали они нас! Это я понял по тому упорству, с которым преследовали отряд. Даже когда в предгорьях дозоры Бамматара пришли нам на помощь, они не отступили и полегли все до единого. Теперь ты понимаешь, почему тебя так встретили? — Он пристально посмотрел на великана, но тот оставался невозмутимым.— Я знаю тебя в лицо, а остальные — нет.

— Ладно,— отмахнулся гость,— пес с ним! Скажи лучше, как вы прорвались?

— Прорвались не то слово,— поправил его Север.— Все погибли. Уцелели я и Разара. Мать-настоятельницу, хвала Волчице, даже не задело, да и я отделался малой кровью. Два десятка царапин — мелочь, о которой и говорить не стоит. Но посмотрел бы ты на карету. Когда мы влетели в ворота, она больше всего походила на ежа! Нам просто повезло, что ни одного из коней упряжки не подстрелили.

— Дела...— покачав головой в рогатом шлеме, проворчал гость.

Остаток недлинного пути прошли молча, но посередине парка Горза внезапно остановился и ехидно посмотрел на Севера:

— А если честно, что ты сказал Кучулугу?

— От тебя ничего не скроешь,— улыбнулся Север.

— Конечно,— ухмыльнулся гипербореец.— Я ведь знаю тебя не первый год, и сейчас мне интересно, не ошибся ли в своих предположениях.

— Думаю, что не ошибся,— вновь ухмыльнулся Вожак.— Мне не понравилось твое настроение, и я велел Кучулугу угомонить любого из твоих парней, кто полезет на рожон, но при этом не допускать всеобщей свалки.— Он испытующе посмотрел на гостя.— Ну как? Я тебя не разочаровал?

Гипербореец покачал головой.

— Жаль, что ты остался в этой дыре,— заметил он, глядя в глаза Северу.— Хочешь, я поговорю о тебе с Лухи?

— Пока не стоит. Но за предложение спасибо.

— Ты все-таки подумай,— настаивал на своем Горза.

— А знаешь?..— Север и впрямь задумался.— Ты натолкнул меня на мысль. Есть у меня послушница, способная необыкновенно. Ее и учить-то ничему не надо, но и строптивицы такой я еще не видел. Ты не поверишь, но за седьмицу она умудрилась поссориться со всеми наставниками, а также с Кучулугом, Халимой и Хантореком. Прошлой ночью попыталась сбежать, но ее поймали, и теперь попробуют сломать. А сломанный человек...— Вожак покачал головой, и, хотя мысли не закончили, воин в рогатом шлеме прекрасно понял его.

— Одним словом, ты хочешь, чтобы Лухи поинтересовалась, что за пленица попыталаась бежать в ночь перед нашим приездом?

— Именно! — Улыбнувшись, Север по-дружески ткнул Горзу кулаком в плечо.— Сошлись на мои слова о том, что ее ни в коем случае нельзя потерять.

— И так, надо понимать, чтобы Разара не догадалась откуда ветер дует? — ухмыльнулся гипербоец.— Добавь еще, что ее смазливая мордашка пришла тебе по душе, и считай, что убедил меня!

— Как ни странно, ты не ошибся и в этом,— улыбнулся Север, совсем чуть-чуть подыгрывая гостю.

* * *

В коридоре послышались шаги, и, прежде чем ключ скрипнул в замке, Соня вскочила на ноги, словно почувствовав, что на сей раз это не Север. Неужели за ней пришли? Так скоро! Дверь открылась, и в камеру вошел Ханторек в сопровождении охранника, удивительно похожего на заросшего щетиной осла. Девушка смерила обоих презрительным взглядом и отвернулась.

— Ты посмотри на нее,— прохрипел отец-настоятель, обращаясь к охраннику.— Эта рыжая стерва воротит от меня морду!

Пленница будто и не заметила его хамства, хотя и обратила внимание, что Ханторек не только внешне стал чем-то походить на животное, но и манеры его сделались скотскими. Охранник же, видимо, находя поведение отца-настоятеля вполне естественным, хрюпло захохотал. Девушка поняла, что в покое ее не оставят, и обернулась.

— Ты не поверишь, Ханторек,— доверительно сообщила она и, окинув его оценивающим взгля-

дом, брезгливо поморщилась,— я только что подумала, что хуже уже не будет, и тут приходишь ты!

— Она еще шутит, господин,— сиплым голосом заметил охранник, и Соня подумала, что и голос у него под стать внешности — как у осла.

— Запомни, шлюха, шучу здесь я! — прошипел отец-настоятель.— И заруби на носу: это лучше уже не будет! А хуже может быть всегда! — Пальцы Ханторека судорожно сжались в кулак, словно он собирался ударить девушку, но, пересилив себя, он заговорил опять: — Однако все еще можно изменить, если ты согласишься на предложение, от которого отказалась.

— Ах ты, прокулятый негодяй! — вспылила она и вдруг улыбнулась, но лучше бы ему не видеть этой улыбки.

Соня медленно двинулась к отцу-настоятелю, и, хотя меч у нее отобрали еще ночью, во взгляде отливающих сталью глаз Хантореку почудилась смертельная угроза. Камера показалась ему неожиданно тесной, как собачья конура,— не спрятаться, не убежать. Отец-настоятель бросился наутек, выпихнув перед собой охранника, но в дверях все же обернулся и злобно прошипел:

— Если что понадобится, не стесняйся, зови, пока тебе язык не отрезали!

* * *

Прошло пол-луны, и все повторилось сначала. Запряженная шестериком карета остановилась перед входом во дворец, и дверь распахнулась, пропуская внутрь мать-настоятельницу. Как и в тот

раз, десять всадников, четыре спереди и шесть сзади, замерли, готовые сопровождать повелительницу до Похиолы. Правда, на этот раз эскорт оказался гораздо внушительнее. Сотня присланных Лухи конных воинов поджидала карету у плаца, чтобы при выезде из ворот присоединиться к отряду. Им же через несколько дней предстояло сопровождать Разару обратно, но уже только до передовых постов Вамматара в ущелье.

Вожак подал матери-настоятельнице руку, помогая взойти по ступеням подножки. Она уселилась и, когда дверца кареты захлопнулась, улыбнулась Северу.

— На этот раз ты мне не понадобишься, друг мой. Ты заслужил отдых.

— Что ожидает послушницу?

Разара вздохнула, но ответила:

— Думаю, для нее все кончится очень плохо, но давай об этом после.

Север понял, что изменить он ничего уже не может, и потому промолчал, надеясь, что Горза сдержит слово. В следующий миг он вскочил в седло и поскакал во главе отряда навстречу гиперборейской сотне. Остановившись рядом с сотником, он наклонился к его уху.

— Дело худо,— коротко шепнул он.— Вся надежда на тебя.

— Да не волнуйся же так! — Горза заговорщически подмигнул Северу и тоже наклонился к его лицу.— Спасем мы твою рыжую красотку.— Он посмотрел на удивленное лицо Вожака и, не выдержав, расхохотался.— Ну что ты на меня так

смотришь?! — Отсмеявшись, он понизил голос до шепота.— Я успел лишь слегка перекусить, но за это время мне такого понарассказали! Не сомневайся, я все сделаю как следует.— Он шлепнул Севера по плечу и, обернувшись к своим, зычно взревел: — Первая полусотня — вперед!

Кони взяли с места в карьер, и возница взмахнул кнутом, пытаясь нагнать всадников. Колеса, разгоняясь, прогромыхали по каменным плитам плаца, и карета скрылась за воротами. Следом тронулась вторая половина гиперборейской сотни, и вскоре лишь затихающий в отдалении перестук копыт напоминал о покинувшем пределы Логова отряде. Север смотрел вслед удалявшимся всадникам, но думал лишь об одном из них.

Горзу он действительно знал давно, но так до конца и не понял этого человека. Может, просто виделись они редко. Север знал, что гипербореец искусный воин. Иногда он проявлял чудеса проницательности, но потом вдруг показывал себя тупым, грубым скотом, гораздо худшим, чем сегодня утром. И вот очередной поворот... Ну что ж, хвала, как говорится, Белой Волчице!

* * *

Соня покорно шла, примериваясь к неторопливым шагам стражника, топавшего впереди. Перед выходом ей связали за спиной руки, так что на побег надежды не осталось. Впрочем, пленница и не надеялась, что ей предоставят такую возможность. Из камеры ее повели не налево, к выходу, а в обратную сторону, где шагов через десять

коридор сворачивал на юг, а затем они долго шли прямо. Однако где-то на полпути — по крайней мере, Соне показалось, что они прошли под землей не меньше половины Логова,— стражник неожиданно остановился у неприметной двери в правой стене. На его стук дверь отворилась, и хотя ни единого звука не донеслось изнутри, он посмотрел на девушку и махнул рукой, мол, ступай.

За дверью оказалось значительно темнее. Девушка пожала плечами и шагнула вперед. Дверь за ней тут же закрылась, и замок щелкнул, запираясь. Почувствовав, что рядом кто-то есть, она резко обернулась: на нее в упор смотрели тускло мерцавшие в глубине опущенного на лицо капюшона красные глазки. От неожиданности она отпрянула и едва не вскрикнула. Существо недовольно заворчало и неспешно двинулось к девушке.

Соня замерла, с ужасом чувствуя, как цепенеет тело и отвратительный холодок страха бежит вдоль спины, лишая ее воли. Красноглазый приблизился на расстояние шага. Его дыхание вырывалось с хрипом, и волна зловония то и дело обдавала лицо девушки, но она не могла даже поморщиться, следя расширившимися от ужаса глазами, как поднимается к ее лицу покрытая густой черной шерстью когтистая лапа. Вот она остановилась, и...

— Ид-ди,— с видимым трудом прохрипело существо, указывая рукой в глубь прохода.

Хриплый голос вывел девушку из оцепенения. Сама не своя, она точно во сне побрела вперед, только теперь заметив, что перед ней шагает, рас-

качиваясь, точно такая же фигура в сером балахоне с островерхим капюшоном на голове.

Вслед за Серым пленница вошла в полутемный зал с огромной круглой жаровней посередине. Никакого ложа она не увидела, лишь тяжелое, каменное на вид кресло темной громадой высилось в двух шагах сбоку от края жаровни. Серый остановился, совершенно не обращая на нее внимания, словно находился здесь один. Соня встала рядом.

Кроме западного входа, через который они сюда вошли, внутрь вели еще три таких же. Из каждого прохода изливались потоки мягкого света. Только они да огонь жаровни освещали зал. Больше девушка ничего увидеть не успела. Из правого хода донеслись легкие шаги, и почти сразу в зал вошла еще одна фигура в сером. Вновь пришедший сильно отличался от того, что привел сюда Соню. Он оказался гораздо ниже ростом и намного уже в плечах, чем его более крупные собратья, двигался легко и дышал без одышки. К тому же пленница заметила, что у него не светятся глаза.

Она успела подумать, что это странно, но тут существо сделало какой-то жест, и ее проводник шагнул назад. Девушка подумала, что его отпустили, но тут же почувствовала на запястьях холод стали. Она не успела даже испугаться, как ощутила, что руки ее свободны, хотя по-прежнему на них висели остатки веревочных петель. Она сорвала с рук обрывки и бросила их на пол, когда услышала за спиной удаляющиеся шаги и обернулась: покачивающаяся спина Серого удалялась.

Соня осталась вдвоем с низкорослым незнакомцем. Только он не стоял без дела, как ее только что ушедший провожатый, а размахивал каким-то странным предметом, похожим на прикрепленную к тяжелой цепи курильницу, из которой вился слабый дымок. Существо молчало, не проявляя к девушке ни малейшего интереса. В какой-то миг ей показалось, что в курильнице время от времени вспыхивает красный огонек. Она присмотрелась и поняла, что так оно и было.

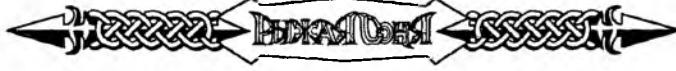
— Сядь в кресло!

Тихий шепот неожиданно вызвал долгое эхо, многократно отразившееся от стен. Не задумываясь над тем, что делает, Соня двинулась вперед и, подойдя к креслу, ощутила на лице жар пылающих углей. Она медленно опустилась на сиденье и вцепилась в подлокотники, словно опасалась, что упадет. Взгляд ее остановился на жаровне, и пленница почувствовала странную легкость внутри. Краем глаза она заметила, как сбоку выплывает серая фигура и встает перед ней, по другую сторону жаровни.

— Посмотри на меня,— вновь раздался шепот, но на этот раз он показался девушке зловещим.

Она еще сильнее стиснула пальцами подлокотники и, стараясь не выдать своего страха, посмотрела на Серого. Она знала, что не увидит пылающих угольками глаз, но когда убедилась в этом, вдруг поняла, что это существо без лица страшнее красноглазого, быть может, потому, что очень похоже на человека.

— Слушай меня и запоминай,— вкрадчиво вещал он.— Запоминай и выполняй. Делай, как я

говорю! Подчиняйся... Замри! — внезапно скомандовал он.

Пленница собралась было посмеяться над дурацким приказом, но лишь слабо застонала. Девушка не мигая уставилась в темный провал капюшона, а Серый вдруг как-то слишком быстро обогнул огромную жаровню и встал рядом с креслом. Надвигающийся страх мешал думать, и, прежде чем Соня успела понять, что происходит, перед ее лицом пронесся маленький флакон. Чуть сладковатый, дурманящий запах заставил затрепетать ноздри. Девушка судорожно вдохнула его, с ужасом осознавая, что делать этого ни в коем случае нельзя, но было поздно. Она тут же окаменела, превратившись в неподвижную куклу, которая может только смотреть и слушать... И испытывать боль. Последняя мысль испугала ее, но в этот миг вновь зазвучал завораживающий шепот.

— Отныне ты дерево! — торжествующе загремело эхо зловещего голоса, и приговоренная вдруг осознала, что незнакомец вновь стоит на своем месте, у жаровни напротив ее.— Отныне ты можешь делать лишь то, что я тебе прикажу! — Существо умолкло, но вскоре заговорило снова: — Ты, вероятно, думаешь, что ничего страшного с тобой не случится? — Серый засмеялся, тоненько и невыразительно, но эхо старательно подхватило смех, усилило его и разнесло по залу.— Твоя подружка осталась жива,— продолжил он, успокоившись,— и следов на ее теле не было? — Соня именно так и думала и потому испугалась по-настоящему.— Рано радуешься! Ее пример ничему не научил тебя, и ты

так просто не отделаешься! Слушай меня. Ты дерево! Дерево хорошо горит в огне, так сгори же и ты!

Девушка не успела осознать, что же изменилось, но вдруг поняла, что сидит уже не в кресле, а на краю жаровни, и ее голые ступни касаются пылающих углей. Сначала она не почувствовала ничего, кроме жары, но, стоило ей перевести взгляд на свои ноги, как пронзительная боль скрутила ее. Ни звука не сорвалось с ее губ, хотя девушке почудилось, что она зашлась нечеловеческим криком. В ноздри ударили тошнотворный запах паленного мяса. Она уже не могла отвести глаз от пузырившейся, лопавшейся кожи, от крови и пота, которые испарялись с громким шипением. «О, боги! Неужели это происходит со мной?»

Мясо на голенях обуглилось, ноги превратились в две пылающие палки. Мир перед глазами закружился. Размытый слезами облик серого плача поплыл, и девушка погрузилась в спасительное небытие, избавившее ее от мучений.

* * *

Ночь напролет отряд мчался во весь опор, словно отчаянно нагоняя потерянное время. Только две короткие передышки позволили всадники себе и коням, стремясь вторую ночь провести под защитой городских стен.

За последнюю сотню лет Похиола сильно разрослась, превратившись в неприступную крепость, надежно защищавшую отстроенный заново дворец Лухи с многочисленными казармами, конюшнями и складами. Отряд пронесся сквозь город-

ские ворота, запираемые только на ночь, и копыта коней застучали по центральной улице, небрежно вымощенной колотым булыжником.

Жизнь в городе шла своим чередом, и никто не обратил внимания ни на отряд, ни на карету, украшенную барельефом с изображением оскаленной волчьей головы, хотя большинство торговцев и видели ее совсем недавно. Многие знали и Горзу, возглавлявшего личную охрану Лухи, а в последнее время и все расквартированные в Похиоле войска. Суровый воин делал головокружительную карьеру и потому все реже появлялся на улицах города в одиночку, не по служебным делам.

Едва отряд показался на главной улице Похиолы, ворота старого города начали отворяться: стража на стенах заметила всадников и узнала своего предводителя. Карета ворвась внутрь и, развернувшись, остановилась у гостевого крыла.

Дворец Лухи выглядел немного необычно. Он унаследовал традиционные для Гипербореи приземистость и небрежность, и вместе с тем в постройках чувствовалось странное стремление к аргосской архитектуре с ее просторными помещениями и стройными, устремленными в небо колоннами.

Разара вышла из кареты и огляделась. Слуги отворили перед ней высокую двустворчатую дубовую дверь с грубыми барельефами Волчицы и склонились в поклоне, ожидая, когда владычица Логова войдет в отведенные для нее покоя.

Не один десяток раз ходила Разара этими коридорами, и потому мрачная, варварская пыш-

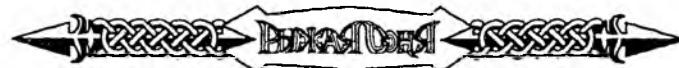
ность их убранства давно не производила на нее никакого впечатления. Вот и сейчас она равнодушно шагала мимо вырезанных на стенах картин охоты, мимо гобеленов с вытканными на них магическими рунами, мимо многочисленных треножников с лампами, заправленными свежим жиром.

Наконец она вошла в свои покои и устало опустилась в кресло. Все здесь напоминало ее апартаменты в Логове, и за время, прошедшее с последнего визита, ничто не изменилось. Впрочем, все это не интересовало ее. Зачем ее вызвали? На первый взгляд ответ очевиден. Причина в последнем письме, отосланном с Вестницей. Вот только какие выводы из него сделали приближенные Лухи? Отправляя послание, она надеялась посеть тревогу среди предводительниц Ордена. Но могло ведь получиться и наоборот. Как бы не обвинили ее в паникерстве.

За окном сгущались сумерки. Разара вздохнула и решила не ломать понапрасну голову: всему свое время, а сейчас неплохо бы перекусить и отправиться спать. Ночь, проведенная в карете, утомила ее.

Утро следующего дня и в самом деле все расставило по местам. Лухи приняла Разару в своих покоях, упрятанных в подземельях дворца. Глаза старой колдуньи давно уже не выносили дневного света, и в немалой степени именно этим объяснялась странная планировка дворца, который снаружи выглядел меньше, чем оказывался изнутри.

— Ну так что там у тебя произошло, моя девочка? — дрожащим старческим голосом осведомилась колдунья.

Говорили, что Лухи минуло веков десять, но мало кто в это верил до тех пор, пока не встречался с ней лицом к лицу. И тогда все сомнения исчезали, потому что выглядела она как раз на свой возраст. И неудивительно, что она считала Разару девочкой.

— О том, что произошло, я тебе писала,— сухо ответила мать-настоятельница и тут же пожалела о сказанном: ее слова могли счесть за дерзость, но, к счастью, этого не случилось.

— А ты расскажи поподробнее, раз уж приехала,— попросила колдунья,— мне, старухе, интересно.

Разара еле слышно вздохнула и начала рассказ. Постепенно она увлеклась воспоминаниями и поведала обо всем: о том, как напоролись они на засаду, о битве, о погоне, о карете, утыканной стрелами, и об отрубленной руке.

— Если бы не Север,— закончила она,— не стоять бы мне сейчас перед тобой.

— Он что, действительно так хороший, этот твой Север? — прокрипела Лухи.

— Он лучше всех,— убежденно ответила мать-настоятельница.

— Лучше моего Горзы? — не унималась колдунья.

— Лучше,— не колеблясь, кивнула Разара, и на некоторое время воцарилось молчание.

— Кстати, о Горзе,— помолчав, прошамкала старуха.— Пока он отдыхал в Логове, ему там уши прожужжали об этой... Как ее... О Соне. Какова она на самом деле?

Разара взглянула на Лухи, и у нее мелькнуло сумасшедшее подозрение: а не шадизарской ли

воровке обязана она своим вызовом в Похиолу? Нужели она в прошлый раз перестаралась и представила пленницу в таком свете, что старая ведьма все-рьез заинтересовалась ею? Если так, а по возвращении выяснится, что она убила девушку, дело плохо.

— Она идеальная пара Северу,— честно ответила мать-настоятельница. Она не знала о том, что известно Владычице, и потому предпочла не рисковать и говорила только правду.— Не могу передать своей радости, когда поняла это. К сожалению, и неприятностей с ней хватает.

— Что так? — подняла голову колдунья.

— У девчонки совершенно необузданный нрав. Я решила подвергнуть ее Испытанию Огнем. Думаю, сейчас уже все кончено.— Разара замолчала, ожидая, что скажет ее собеседница.

Та, однако, не торопилась с ответом. Тщедушная фигурка в белом, как и у Разары, балахоне застыла в неподвижности. Лицо главы Ордена тонуло в тени надвинутого на голову капюшона. Лухи избегала даже света факелов. Лица ее никто не видел уже много лет, а Разара до этой встречи — никогда.

Неожиданно для матери-настоятельницы колдунья зашевелилась, подняла руки с неправдоподобно тонкими пальцами, обтянутыми полупрозрачной бурой кожей, и сбросила капюшон. Разара только стиснула зубы и крепче вцепилась в кресло побелевшими от напряжения пальцами, когда ухмыляющийся череп уставился на нее.

— Годы не красят, верно? — спросила колдунья.— А мимо меня пролетела едва ли не вечность!

Разара продолжала молча разглядывать Владычицу Гипербореи. Тонкая, трупно-серая с многочисленными бурыми пятнами кожа обтягивала лысый череп, лишенный малейших признаков плоти. Не будь ее, и Лухи ничем не отличалась бы от скелета.

— Теперь ты понимаешь, почему уже долгие годы меня никто не видит? Виной тому вовсе не свет. Он лишь более или менее правдоподобная причина моего затворничества. Я должна жить, пока не отыщу себе достойную замену...— Она посмотрела на гостью.— Ты, моя дочь, станешь ею!

— Твоя дочь? — невольно повторила Разара, не в силах скрыть удивления.

Ее сердце забилось сильнее, а сама она едва заметно подалась вперед.

— Не совсем так, как ты думаешь, девочка,— прошамкала Лухи,— но дочь. Не я выносила тебя,— пояснила она,— но я создала тебя такой, какая ты есть. Правда, знают об этом только Посвященные.

— Что ты имеешь в виду? — прошептала Разара.

— Ты Первая Посвященная! — ответила Лухи, и даже ее скрипучий голос прозвучал торжественно в тишине зала.— Ты вобрала в себя лучшее от человека и зверя. Ты Белая Волчица. Не божество, нет. Ты Проводница воли покровительствующих нам богов! Наши единоверцы ставят под сомнение главенство Ордена. Поэтому я говорю: пришла пора действовать! Орден должен показать сомневающимся свою силу!

— Чего ты от меня ждешь? — с присущей ей прямотой спросила Разара.

— Сделанного не воротишь, — вздохнула Лухи, — но если окажется, что строптивицу не сломил огонь, она должна стать напарницей Севера. — Разара кивнула. — Если она оказалась слаба, срочно найди другую. Мы должны первыми отыскать подземелье, и ты знаешь, что для этого нужно.

— Это все?

— Нет. Им, да и тебе тоже, понадобятся помощники. У тебя сейчас две Вестницы и Стая Вулофа?

— Не совсем так, — поправила ее Разара. — Стая понесла серьезные потери, а одну из Вестниц подстрелили.

— Насмерть? — спросила Лухи, и Разара кивнула. — Тем более, — продолжила колдунья. — Пока я еще могу помочь тебе, но силы мои иссякают. О нет! Умру я еще не скоро, но к тому времени, когда это произойдет, ты должна доказать на деле свое право возглавить Орден. Помни об этом!

* * *

Открытые глаза смотрели в высокий сводчатый потолок, не видя его. Они вообще ничего не видели, эти огромные серые глаза. Ни одна мысль не светилась в них, потому что измученный болью разум пребывал в блаженном небытии. Она лежала долго, не шевелясь и даже не мигая, до тех пор пока не начала различать свет.

Однако даже после этого Соня осталась неподвижной. Ее мозг ожила, но по-прежнему ни одна

мысль не посещала его. Девушка бездумно водила взглядом по каменным сводам, не понимая еще, на что смотрит. Более того, она не помнила, что с ней произошло, не соображала, где находится. Соня даже не осознавала, кто она такая, но это ничуть не тревожило ее. Ею управляли инстинкты, которые не торопились возвращать ни память, ни сознание, ни способность управлять телом.

Тем не менее скоро и этот миг настал. Девушка едва слышно застонала и с удивлением поняла, что лежит на спине и смотрит в потолок. Однако мысли текли неторопливо, и она лениво размышляла о том, кто она, где находится и что с ней было.

Сначала пришел ответ на второй вопрос. Соня начала узнавать это место — свою тюрьму. Так и есть. Она в камере, где провела первую свою ночь в Логове, куда ее обманом заманили... Когда? Сейчас ей казалось, что это было очень давно. Но ведь она уже не пленница! Память о проведенных в Логове днях вернулась почти сразу, породив больше вопросов, чем ответов.

Инстинкты по-прежнему берегли ее, и потому воспоминания всплывали медленно, по одному. С мыслями о Логове вернулось и осознание, кто она такая. Она вспомнила свою прежнюю жизнь. Такую короткую, но насыщенную событиями, о многих из которых лучше и не вспоминать. Но она окунулась в них с наслаждением, словно боялась приступить к самому страшному и оттягивала его.

Она вспомнила свою семью и детство, проведенное в Майране, небольшом городке на побережье моря Вилайет. Больше половины жизни про-

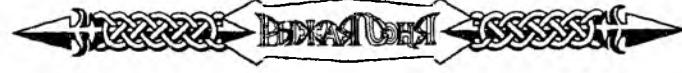

вела она в Туранской провинции, и воспоминания о той поре, когда она беспечно гонялась со сверстниками, больше походя на мальчишку-шалопая, заставили сердце сладко замереть.

Дальше все пошло не так хорошо. Соня ухитрилась связаться с дурной компанией, влипла в неприятности, и отец решил не рисковать и отправил дочь к своему другу, влиятельному вельможе. Так она впервые рассталась с семьей... Здесь девочку обучили манерам и немножко наукам, хотя ее больше интересовали фехтование, стрельба из лука, верховая езда: она все еще оставалась сорванцом.

Эта мысль заставила ее очнуться. Она обвела взглядом камеру. Вот чем закончились ее приключения! Тюрьмой! Она вдруг вспомнила, что пыталась бежать и ее ждет наказание. Как Альрику. И вот тут — о, боги! — она вспомнила все.

Что же они с ней сделали, негодяи?! Как ей теперь жить?! Она сжала кулаки и попыталась успокоиться. С трудом и не сразу, но это ей удалось. Она глубоко вздохнула, поднесла руки к лицу и принялась разглядывать их, словно увидела впервые в жизни. Пальцы целы, значит, она сможет драться. Соня потянулась к поясу, к тому месту, где в чеканных ножнах висел кинжал, но оружия при себе не нашла. Вот, звери! Она чуть не разрыдалась с новой силой и прижала трясущиеся руки к бедрам, пытаясь унять дрожь. Она гладила их, жалела, ласкала, словно маленьких несправедливо обиженных детей, благодаря богов за то, что не испытывает боли. Зато душа болела нестерпимо. Память жгло каленым железом, и девушка чувствова-

ла, что долго этой пытки не выдержит. «Альрика продержалась день», — услужливо подсказала память.

И тут она словно проснулась. Но ведь если ее наказали так же, с ней ничего не случилось! Над телом ее никто не измывался, хотя память и истекала кровью при воспоминании о пытках!

Медленно, осторожно, боясь опустить взгляд и увидеть вместо стройных ножек обгорелые кости, она потянулась рукой... Все дальше и дальше. Вскоре ей пришлось сесть... Она долго сидела, поначалу лишь робко ощупывая себя, потом обхватила колени руками, зажмурившись, уткнулась в них лицом и вновь заплакала, на этот раз от счастья.

* * *

В тот же день Разара покинула Похиолу. Как и накануне, ее сопровождала сотня Горзы, но такая забота мало волновала мать-настоятельницу. Все ее мысли занимал разговор с Лухи, который потряс ее до глубины души.

Что ни говори, а никому еще не доводилось услышать о себе то, что узнала она. Оказывается, она не человек! Или, вернее, не совсем человек, но именно поэтому она выше, сильнее прочих — обычных людей! Сердце ее наполнилось невыразимым восторгом. Почему же эту весть так долго скрывали от нее?!. Как много она могла сделать, узнай о своем предназначении раньше!

Разара выглянула в окно кареты: вдали уже показались поросшие лесом северные отроги Граскаляя. Это значит, что скоро она вернется домой, сможет хорошенько отдохнуть и осмыслить все заново.

* * *

Прошло время, и Соня пришла в себя. Она снова и снова возвращалась мыслями к тому, что произошло, и уже слегка оправилась от потрясения, когда дверь в ее камеру отворилась и в проеме появился Ханторек, на этот раз в сопровождении двух дюжих стражников. Девушка поняла, что прошлая их встреча не прошла для него даром. Первыми в камеру вошли стражники и остановились по бокам распахнутой двери. За ними следом прошел отец-настоятель и, выйдя чуть вперед, остановился. Он окинул девушку наглым взглядом, надменно кивнул и тут же, поморщившись, схватился рукой за горло.

— Что, горло болит? — участливо поинтересовалась девушка.

— Да,— просипел он.

— Хорошо,— удовлетворенно кивнула она.

Соня ехидно улыбнулась в ответ на скользнувший по ней злой взгляд, медленно встала и принялась ждать, когда же он скажет, зачем пришел. Ожидание не затянулось.

— Я пришел,— заговорил он напыщенно,— чтобы освободить тебя от твоих страхов и от дальнейших неприятностей.— С той памятной встречи, произшедшей здесь же, Соня не видела Ханторека и не разговаривала с ним, и теперь чувствовала, как при звуке его голоса неприятный холодок страха пробежал по спине.— Я пришел, чтобы позаботиться о тебе,— закончил отец-настоятель.

— Спаситель, значит? — Соня взяла себя в руки, окинула его снисходительным взглядом и улыб-

нулась, словно ребенку-идиоту.— А что, если я сейчас тебе, спасителю, штаны на макушку натяну и завяжу узлом на затылке?

Она угрожающе двинулась вперед, с удовлетворением отмечая, как, забыв об охране, стремительно отпрянул к двери отец-настоятель.

— Ах ты, сука! — злобно прошипел он, почувствовав себя в безопасности.— Все никак не утомишься?!

— Заткнись и слушай! — оборвала его красотка.— Трус, слепленный из навоза! От тебя и несет-то как от кучи дерьяма!

— Я вижу, ты так ничему и не научилась! — прорычал он уже из коридора.— Думаешь, это все? Легко отделалась?! Не слишком радуйся! Я уж постараюсь придумать для тебя еще что-нибудь веселенькое!

— Гораздо больше дурацких угроз меня страшит смрад из твоей пасти! Так что будь добр, избавь меня от своего присутствия.

Ханторек зарычал и щелкнул зубами, как упавший добычу хорек.

— Если ты, навозная дрянь, еще хоть раз сунешься ко мне,— пригрозила она, не обращая внимания на ошалевших от их перепалки стражников и угрожающе подступая к отцу-настоятелю,— я задушу тебя!

Ханторек пустился было прочь, но, развернувшись, совершенно неожиданно ткнулся в широкую грудь Севера.

— Ты как сюда попал?! — взвизгнул он.

— Спустился по лестнице,— спокойно объяснил Вожак и обернулся, провожая насмешливо-

удивленным взглядом рванувшегося к выходу отца-настоятеля.

Он покачал головой и направился дальше, жестом приказав охраннику не запирать. Когда он вошел, девушка уже вернулась к своей охапке соломы, но, почувствовав, что не одна, обернулась. Ярость переполняла ее, но даже она не смогла до конца изгнать душевной боли. К тому же слова Ханторека пробудили в ней страх, и сейчас она с возрастающим ужасом подумала: «Неужели это еще не конец?!» И хотя Север сохранил свое обычное спокойствие, ей, в ее состоянии, он неожиданно показался слишком жизнерадостным. Этакий сильный, благородный, уверенный в себе!

— А ты чего приперся?! — звонким голосом.— Убирайся! Хочешь узнать последние новости, догони этого вонючего мерзавца — он тебе все расскажет!

Север не стал спорить, спокойно развернулся и вышел.

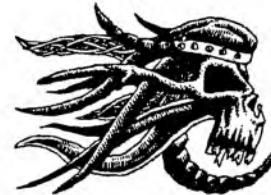
— Главное, не противоречить женщине,— сказал он поджидавшему в коридоре охраннику.— Запирай.

— Далась же она тебе! Проку от нее не будет,— поворачивая ключ в замке, усмехнулся тот.

— Может, ты и прав,— явно думая о своем, рассеянно пробормотал Север и направился к выходу.

Глава вторая

Сотня Горзы сопроводила отряд до предгорий Граскааля и, сдав с рук на руки дозорам Вамматара, повернула обратно. Остаток пути проделали без приключений. Ворота Логова отворились, и карета, сопровождаемая десятью всадниками, прогрохотала колесами по плитам плаца и остановилась у дверей дворца.

Наблюдавший за ее возвращением Ханторек хищно ухмыльнулся. Сейчас его вызовут, чтобы сообщить последние новости. Он подождет денек, а перед отъездом в Немедию переговорит с Разарой насчет строптивой послушницы. Он в нетерпении заметался из угла в угол, пока не раздался долгожданный стук в дверь.

— Мать-настоятельница вернулась и желает видеть тебя,— объявил вошедший и тут же покинул комнату.

Ханторек не заставил себя упрашивать и пошел за ним, едва сдерживаясь, чтобы не побежать. Он надменно кивнул Халиме, с которой чуть не столкнулся в коридоре, и направился дальше. Она

остановилась, недовольно посмотрела ему в спину и двинулась следом.

Когда она вошла в покой матери-настоятельницы, там уже были Ханторек и Север. Разара тут же начала говорить:

— Я собрала вас не просто так. Сегодня особенный день. Можно сказать, переломный день в жизни Логова. До сих пор мы в основном занимались лишь тем, что организовывали новые Следы. Это важно. Каждый из Следов уже обеспечил приток в наши ряды тысяч приверженцев возродившейся веры. К тому же Следы поставляют нам средства и послушников. Долгие годы в наших подземельях мы пытались вывести разумных животных и, хотя поставленной цели в полной мере добиться не удалось, получили ценных помощников. Не за горами тот час, когда мы начнем совершенствовать расу людей. Человек получит силу, которой не обладал доселе, и покорит наконец мир, по праву принадлежащий ему!

Смысла последней фразы Север не понял. С кем воевать, если мир и так принадлежит человеку? Говорят, в древние времена существовали и другие расы, но люди победили всех и без особой силы. Тем не менее Вожак промолчал, решив, что говорила мать-настоятельница, скорее всего, о странах, которые не признают их веру.

Разара обвела присутствующих внимательным взглядом.

— Вы спросите, — продолжила она, — что же должно измениться прямо сейчас? Я отвечу: Ордену нужно золото. Логову тоже нужно золото.

Это наша первостепенная задача. Наши Следопыты тщательно собирают сведения обо всех крупных состояниях, хотя начнем мы и не с них. Сперва предстоит проверить на деле способности каждого. — Она помолчала. — Итак, золото. Эта задача для нас главная, — повторила она, — но не единственная. В Похиоле всерьез встревожены тем, что враги все чаще пытаются проникнуть в Логово. Наши Следопыты выявляют по всей Хайбории не только крупные состояния, но и наших убежденных противников.

— Мы передавим их! — с ненавистью прошипел Ханторек.

— Кого ты собрался давить, глупец? — взвилась Разара. — Перебить сотню-другую крикливых идиотов, чтобы те, кто поумнее, расположились по нормам? Те, кто думает головой, а говорит шепотом?

Она бросила на него столь яростный взгляд, что отец-настоятель тут же прикусил язык, вовремя сообразив, что злость Разары вызвана не его словами, а тем, что он посмел прервать ее речь.

— Так что работы хватит всем, — продолжила Разара, когда убедилась, что до Ханторека дошло, кто в этой комнате говорит, а кто слушает. — Мы должны повсюду разослать своих людей, выявить всех до последнего, и вот тогда и только тогда настанет время говорить о том, кого давить, а кого, быть может, и не трогать до поры до времени! Конечно, нам понадобятся помощники, и первых из них я привезла с собой.

Мать-настоятельница нагнулась и подняла с пола небольшую клетку, сквозь частые прутья

которой ничего нельзя было рассмотреть. Разара поставила клетку на стол, откинула плетеную крышку, и оттуда показались длинные черные усы, затем черная бусинка носа, а следом за ней и любопытная крысиная мордочка. Север невольно улыбнулся и протянул руку к клетке.

— Можно? — спросил он, обернувшись к Разаре.

— Если она признает тебя, — ответила та.

Вожак кивнул и подошел к столу.

— Ну? Пойдешь ко мне? — спросил он.

Над краем клетки появились когтистые лапки, и усы пощекотали ладонь воина. Блестящий нос ткнулся в палец, и зверек взобрался на руку. Голый розовый хвост свесился с края ладони.

— Ф-фу! — брезгливо сморшившись, фыркнула Халима, крыса мгновенно развернулась и, встав на задние лапы, уставилась на молодую женщину.

— Напрасно ты так, — укоризненно заметила Разара. — Они наши помощники, и скоро их станет много.

— Так, значит, мне не показалось, — заметил Север.

— Не показалось, — подтвердила мать-настоятельница. — Это первый опыт, и, если разумные особи смогут давать разумное потомство, их станет еще больше. Они сильно облегчат нашу задачу: проберутся куда угодно, услышат и увидят все, что нужно.

— И когда? — спросил Север, гладя пальцем черную шерстку на спине зверька.

— Со дня на день, — коротко ответила Разара. — Ты возьмешь ее к себе, — обратилась она к насто-

ятельнице, — и проследишь, чтобы с ней ничего не случилось.

— Она что же, так и останется в этой коробочке? — спросила Халима. — Я не люблю крыс, — тут же добавила она, заметив кривую ухмылку Севера, — но понимаю, что и звери должны жить в нормальных условиях.

— Нет, конечно, — ответила Разара. — Клетку для нее уже готовят. Тебе останется только кормить ее и присматривать за ней. Когда крысята подрастут, вместе с мамашей обучишь их, как до сих пор обучала Вестниц.

— А что, кстати, с ними? — поинтересовалась гирканка.

— Ближе к концу лета нам пришлют выводок, — ответила мать-настоятельница.

Ханторек слушал и смотрел то на одного из говоривших, то на другого, и в душе у него закипала злость. Злость на Севера, которому непонятно почему сходит с рук решительно все. Злость на Халиму, быть может, особенно сильная именно оттого, что он сам отверг ее, а она не простила обиды. И, наконец, злость на мать-настоятельницу, которая завела себе любимчиков, а он — увы! — к ним не относится. «Ну ничего, — подумал он, — настанет день, и все вы у меня еще поплащете! Вот только разделяюсь с шадизарской девкой!»

* * *

Халима стояла у окна и смотрела вслед уходившему по дорожке парка Северу. Она заметила, что в последнее время мысли об этом мужчи-

не настигают ее все чаще, но, что самое главное, у нее нет сил бороться с ними. Впрочем, она невесело усмехнулась, и желания тоже.

Близился вечер. Они только что расстались, покинув мать-настоятельницу, а его образ все никак не шел у нее из головы. Высокий, хотя по сравнению с гигантом Кучулугом и не казался великанином, необыкновенно могучий... Воин. Именно такой, каким она всегда представляла себе настоящего мужчину.

Халима зажмурилась, как сытая кошка, и в тот же миг в дверь постучали. Она недовольно обернулась на стук. Дверь отворилась, и вошел послушник, неся в руках огромную, чуть не в полстола, клетку, а следом — еще один с небольшой плетенкой в руках.

— Мать-настоятельница велела все это принести к тебе, — сказал первый послушник. — Куда поставить?

— На стол!

Халима коротко махнула рукой и отвернулась к окну. Почти сразу дверь хлопнула снова, и девушка вновь осталась одна. Она закрыла глаза, и услужливая память тут же воскресила перед мысленным взором облик могучего воина. Ей представилось вдруг, что он спешит к ней на свидание, входит во дворец, поднимается по лестнице... Идет по коридору... Подходит к двери, открывает ее.

Сердце красавицы бешено заколотилось в груди, когда она услышала вдруг, что дверь и впрямь отворилась. Человек медленно вошел, закрыл ее за собой и задвинул засов. Кучулуг... Злые слезы

брзнули из глаз, но Халима не открыла их, словно боялась разрушить мечту, все еще туманившую взор. Она даже не пошевелилась, просто продолжала стоять и слушать, как он подкрадывается к ней сзади.

У нее дыхание перехватило от одной только мысли, что на месте Кучулуга мог оказаться Север. Халима запрокинула голову, и гирканец начал покрывать поцелуями ее высокую шею, точенные плечи.

— Ты плачешь, любимая? — неожиданно нежно прошептал он, поворачивая девушку лицом к себе.

Прежде он никогда не говорил таких слов, и это так не походило на Кучулуга, что ее затрясло от возбуждения. Дрожащими руками она принялась срывать с него одежду, желая только одного: чтобы все произошло как можно быстрее, пока не рассеялась иллюзия.

То ли что-то изменилось в самом гирканце, то ли заметная перемена отношений так подействовала на него, но сегодня он вел себя не как обычно. Он стал мягче и нежнее, что еще больше взволновало Халиму. Она стонала объятиях Кучулуга, хотя видела перед собой Севера, но даже это не охлаждало ее, а наоборот, добавляло остроты ощущениям. Она и представить не могла, что и Ханторек когда-то представлял на ее месте Соню.

Под утро они успокоились.

Халима лежала на смятых простынях и думала о том, что после сегодняшней ночи не угомонится до тех пор, пока рядом с ней вместо гир-

канца не окажется Север. И Кучулуг поможет ей в этом...

Если бы тот, к кому так пренебрежительно относилась девушка, мог прочесть ее мысли, он тут же свернул бы на сторону ее хорошеньюю головку. Но он ни о чем не догадывался, и его грубая душа ревела от дикого восторга, потому что он наконец-то почувствовал, что провел ночь с любящей женщиной, а не просто с человеческой самкой, удовлетворяющей похоть.

Как ни странно, оба к утру поняли, что влюбились. Только Кучулуг полюбил ту, которую обнимал, а Халима того, о ком мечтала. Но об этом знала только она.

* * *

Свою вторую ночь в темнице Соня провела не в пример лучше первой, хотя бы потому, что знала: она жива и здорова. По крайней мере, тело ее здорово. Девушку по-прежнему мучил вопрос о том, что же они с ней сделали.

Она прекрасно помнила лопавшуюся кожу на ногах и запах горящей плоти. Даже сейчас стоило подумать об этом, как она ощущала жар пламени и дикую боль, скрутившую тело.

Шумно выдохнув, она встала. В коридоре послышались шаги, и пленница невольно насторожилась. Как она устала от этих шагов за дверью темницы, от постоянного страха за себя и мыслей о том, что ждет ее завтра. Сегодня... Сейчас!

Дверь отворилась, и в камеру вошел Север. Подняв голову, Соня с вызовом посмотрела на него.

— Я же велела тебе убираться, — прожигая его взглядом, напомнила девушка. — Или ты забыл?

— Как же, помню. — Север едва заметно кивнул. — Но прошла ночь. Я надеялся, что ты переменишь решение. Я хочу поговорить с тобой.

— Неплохо бы узнать, хочу ли этого я, — язвительно заметила девушка. — А у меня нет ни малейшего желания. Убирайся!

— Ну уж нет! Я пришел говорить с тобой и буду говорить, нравится это тебе или не нравится!

— О, боги! — взмолилась Соня. — За что мне такое наказание?!

Она обернулась к Северу, готовая выплеснуть ему в лицо все, что накопилось на душе, но, когда взгляды их встретились, руки девушки безвольно опустились, и голова поникла. Долго копившаяся злость мгновенно исчезла, оставив после себя неприятную пустоту.

— Говори, — устало вздохнула она.

— Посмотри мне в глаза, — попросил он.

— Да?! — вскинулась она с новой силой. — Может, еще поцеловать тебя, дорогой?

— Мне нравится твоя откровенность, — усмехнулся Север, — да и мысль, признаюсь, хороша. Но это после. Сначала дело.

— Ах, ты... — прошипела Соня, и щеки ее вспыхнули.

— Успокойся. — Вожак взял ее за плечи и тихонько встрыхнул. — Я просто хочу, чтобы ты не только услышала, но и поняла все, что я скажу тебе.

— Хорошо, — неожиданно согласилась девушка, — говори. Только не стоит убеждать меня, что

Разара мне как мать, Халима как сестра, ну и так далее.

— Да я не собирался даже упоминать о них,— удивился Север.— С чего ты взяла?

— О чём же тогда?

— Да о тебе! О ком же еще? Ты должна выжить. Я хочу этого,— добавил он чуть тише.

— Неужели? С чего это вдруг такая трогательная забота?

— Ну,— он пожал могучими плечами,— у меня есть свой интерес.

— Какой это?

— Мне давно подыскивают напарницу...

— Напарницу? — перебила его девушка, впервые позабыв о раздражении.

— Именно,— подтвердил Вожак.— Мать-настоятельница считает, что мужчина и женщина составляют идеальную пару для предстоящих дел, но ты — первая, кто, по ее мнению, равен мне.

— Ого! — усмехнулась Соня.— Какого ты высокого о себе мнения!

— Я ведь сказал: по ее мнению,— мягко поправил девушку Север,— а не по моему.

— Ну, надеюсь, ты хоть не обиделся? — Она ехидно улыбнулась.

— Да нет, шути на здоровье,— в тон ей отозвался Север и тут же посерезнел.— До сих пор я работал один, но вчера мать-настоятельница вернулась из Похиолы, и, судя по ее рассказу, нас ожидают бурные времена. Это значит, что мне недолго оставаться одному, и я хочу, чтобы моим напарником стала ты.

— Он хочет! — опять вспылила Соня.— А у меня ты спросил?!

Она явно стремилась хоть на ком-то сорвать накопившуюся злость.

— Вот я и спрашиваю.

Девушка вздрогнула и так растерянно посмотрела на него, что ему даже показалась: она не выдержит и расплачется.

— Ты не говори пока ничего,— поспешил добавить он, поняв, что она наконец-то начала воспринимать его слова всерьез,— просто послушай, что я расскажу. Не хочу пугать тебя, но скажу прямо: дела твои плохи. Ханторек продолжает наставлять на твоей казни, а Халима хоть и защищает тебя на словах, но я ей не слишком верю. Мать-настоятельница не говорит ни «да», ни «нет», но, похоже, до крайности раздражена твоим непокорством.

— Видно, песенка моя спета,— невесело усмехнулась Соня.

— Согласись,— попросил Север,— и я попробую отстоять тебя.

— А если нет, так, значит, нет?! — вспылила Соня, и Вожак сокрушенно покачал головой: ну что за характер!

— Да пойми ты наконец! — повысил он голос.— Если ты говоришь «да», то я знаю, какие доводы мне привести, а если «нет», то понятия не имею, как убедить мать-настоятельницу сохранить жизнь послушнице, от которой вреда больше, чем пользы! Ну?!

— Да-а-а!!! — рявкнула она.

— Вот и прекрасно,— спокойно сказал Север.

Он коротко кивнул девушке и вышел. Прямо из подвала Вожак поднялся к матери-настоятельнице, но, когда вошел, понял, что время для визита выбрал не совсем удачное. Разара беседовала с Хантореком.

— Прошу прощения.— Север остановился на пороге.— Я не знал, что не вовремя.

— Нет, нет, Север. Останься,— ответила Разара.— Отцу-настоятелю пора. Карета давно ждет его.

— Все-таки я могу надеяться? — начал было тот, но договорить так и не успел.

— Ты все узнаешь, когда вернешься,— грозно возвысив голос, произнесла мать-настоятельница таким тоном, что любой бы понял: настаивать бессмысленно.

Однако Ханторек, видимо, не считал себя «любым». Он открыл рот, явно намереваясь продолжить спор, когда мать-настоятельница, потеряв остатки терпения, гаркнула: «Карета ждет!!!» — и указала рукой на окно. Отец-настоятель осекся и, посмотрев на Разару, сообразил, что если сейчас не выйдет в дверь, то через мгновение вылетит в окно. Проглотив раздражение, он молча поклонился и вышел. Север изумленно смотрел на Владычицу. Никогда еще ему не приходилось видеть ее в таком состоянии: лицо пунцовое от гнева, глаза горят, руки мелко трясутся.

Вожак налил в кубок вина и подошел к ней.

— Возьми, Владычица,— сказал он.— Тебе надо успокоиться.

Она кивнула, принимая кубок, и некоторое время задумчиво стояла, потягивая вино малень-

кими глотками. Север остановился рядом. Карета с гербом Волчицы на дверях двинулась вперед в сопровождении на сей раз двух десятков всадников, вооруженных арбалетами. Вожак подумал, что, окажись у них в тот раз не два, а десять арбалетов, они, возможно, сумели бы отбиться.

— Ханторек стал просто невыносим,— заявила мать-настоятельница, когда карета скрылась за воротами Логова.— Сегодня я вдруг поймала себя на дикой мысли: а не перестал ли он вообще понимать человеческую речь?

— Стал? — Север усмехнулся.— Да он всегда был невыносимым! Просто раньше действовал исподтишка, а теперь открыто. Быть может, почувствовал силу? — Он вопросительно посмотрел на Разару.— Впрочем, ты права. Он и в самом деле изменился.

— Да, да,— поспешило согласилась мать-настоятельница.— Если так пойдет и дальше...

Она не закончила мысль, но Север и так все понял.

— Я ведь предупреждал тебя,— напомнил он,— что Ханторек меняется. Помнишь? Голос. Бритые уши, а теперь и этот отвратительный запах изо рта... Словно он разлагается изнутри.

— Я заметила,— рассеянно кивнула мать-настоятельница и вдруг повернулась к Северу: — Ты представляешь, он потребовал, чтобы шадизарскую строптивицу принесли в жертву. Говоря по правде, я и сама склоняюсь к тому же, но что за спешка? И потом... Требовать у меня!..— Она покачала головой.

— Ну, на этот вопрос я, пожалуй, могу ответить без труда.— Север усмехнулся.— Вчера он получил очередной отказ...

— Тогда понятно,— кивнула Владычица.— Так ты, значит, слышал их разговор?

— Нет, я спустился к самому его окончанию, но о том, что произошло, могу судить по тому, что сполна досталось и мне тоже.

— Понятно,— едва заметно улыбнулась Разара.— Кстати, ты сам-то зачем ко мне пожаловал?

— Да по тому же поводу, только вот чувствую, что не вовремя,— усмехнулся Север.

— Да нет, ничего,— возразила она и вопросительно посмотрела на Вожака, ожидая его разъяснений.

— Да в общем-то все просто. Я пришел, чтобы поинтересоваться судьбой пленицы.

— Не знаю,— солгала мать-настоятельница.— Чем дальше, тем больше убеждаюсь я в ее непослушании. Быть может, Ханторек и прав, настаивая на своем. Плохо то, что Лухи узнала о пленице больше, чем следовало, и считает, что я все-таки должна использовать ее.— Она посмотрела Северу в глаза.— Скажи мне честно: ты и в самом деле считаешь, что она может стать нашей сторонницей?

— Не сомневаюсь в этом,— твердо ответил Вожак.— Если не возражаешь, я объясню.

— Ну что ж, я готова выслушать тебя,— кивнула Разара.

— Все очень просто,— начал Север.— Сперва она мстила за погибших друзей, потом за покон-

чившую с собой подругу. Это не более чем нормальные человеческие чувства.

— Слишком сильные,— заметила Разара.

— Быть может,— согласился Север.— Но что же из того?

— Чувства надо уметь скрывать,— сказала она и осеклась, припомнив, как ее только что довел Ханторек.

— Возможно,— вновь не стал спорить Вожак, сделав вид, что ничего не заметил,— но сдержанности можно научить. Преданности не научишь.

Сказав это, он замолчал, но теперь уже мать-настоятельница удивленно смотрела на него.

— Что ты имеешь в виду?

— Мысль проста. Ни на кого из послушников положиться нельзя. Все они могут просто сбежать на первом же задании. Но если и нет, я почти уверен, что никто из них не станет прикрывать нас, когда попадется. Но самое главное — никого из них я не смогу обвинить в предательстве, ведь все они здесь вопреки своим желаниям.

— Что это ты говоришь? — негодующе воскликнула мать-настоятельница.— Они рабы, а раб должен исполнять волю своего хозяина!

— Именно это я и имею в виду,— согласился Север, окончательно сбив ее с толку.— Предать можно только друга, и такое случается не редко. Но верный раб — явление и вовсе исключительное.

— Значит, все-таки...

— Да,— кивнул Север,— такое встречается, но очень редко и всегда подразумевает особые отно-

шения между рабом и господином: любовь или некое подобие дружбы.

— Так ты считаешь, что все наши усилия обречены на провал? — задумчиво спросила она.

— Не обязательно,— поспешил успокоить ее Север.— Если они почувствуют, что нужны, что здесь их ждут и готовы в случае неудачи прийти на помощь, даже вытащить из беды, что они не рабы, а делают дело, в которое верят... Вот тогда они не предадут! По крайней мере, большинство из них.

— Но ты ведь только что говорил, что предадут...

— У них появится, что предавать, а это уже немало! — воскликнул Вожак.

Мать-настоятельница недоверчиво покачала головой и отошла к столу. Похоже, до сих пор она об этом не думала.

— Ты знаешь, в твоих словах что-то есть... Но почему ты мне прежде об этом ничего не говорил?

— Да я только об этом и говорю уже несколько лет.— Север усмехнулся.— Начать хотя бы с того, что мы отбираем послушников настолько жестоко, что с самого начала даже выживших отпугиваем от себя и тем самым порождаем у них мысли о побеге!

— Да, ты говорил об этом,— согласилась она,— но... Я подумаю... Но давай вернемся к Соне. На сколько я поняла, ей ты склонен доверять.

— Верно.

— Позволь спросить, почему?

— Начнем с послушников,— сказал Север.— Все они видели, что произошло с Альрикой.

— С этой бритункой? — уточнила Разара.

— Именно. Они повздыхали, покачали головами, пособолезновали Соне и разошлись. Кто они? Сдержаные или равнодушные? Если первое, хорошо, но если второе... На равнодушного нельзя положиться в бою. Он подведет. И уж в любом случае смерть новенькой не заставила их сильнее полюбить Логово.

— Ну а Соня? — недовольно поморщившись, спросила Разара.

— Она не смирилась со смертью друзей, не скрывала своего желания бежать. Все это мы знаем. Она испугалась, когда я объяснил ей, куда завела ее собственная несдержанность. И это тоже нормально! Ничего не страшится только дураки. Они и гибнут первыми. Но когда погибла ее подруга, она вновь не сдержалась!

— И это плохо! — воскликнула Разара.

— Плохо, да, но это нормально! И мы сами во многом виноваты. Мы словно специально подталкивали ее к такому шагу! И я ничего не мог поделать — почти все время находился в разъездах...— Он помолчал и вздохнул, прежде чем вновь заговорить.— Не подумай, что я оправдываюсь. Основная вина все равно на мне. Мне следовало бросить все дела и заняться ею лично, а я даже не подумал об этом.

— Я ценю,— Разара усмехнулась,— что ты не упоминаешь о том, что я просто не оставила тебе такой возможности.

— Не имеет значения,— Север упрямко мотнул головой,— я ведь даже не попытался убедить тебя.

— Что ж, может, ты и прав. Тонкая работа требует кропотливости. Будем считать, что все мы виноваты. Что дальше?

— Что дальше...— задумчиво повторил Вожак.— Соня несдержанна и неравнодушна. Первое преодолимо — об этом мы уже говорили. А за второе я готов простить ей все, что угодно. К тому же ее и учить-то ничему не нужно.

— Хорошо. Что ты предлагаешь?

— Беда в том, что все в Логове словно договорились доказать ей, что жизнь — штука непростая. Боюсь, если мы ее сейчас вернем к послушникам, то к добру это не приведет.

— Чего ты опасаешься?

— В одиночку она бежать уже пробовала и знает, что это невозможно,— начал он рассуждать вслух.— Остается подговорить остальных послушников, перебить стражу, захватить коней и бежать всем сразу.

— У нее ничего не получится,— уверенно возразила мать-настоятельница.

— Только потому, что мы знаем, чего ждать! — отрезал Вожак.— А так бы непременно получилось. Она девушка умная. Так что не сомневайся.

— М-да...

— Впрочем, мы можем избежать неприятностей,— сообщил Север и после паузы добавил: — Я и хотел предложить, как это сделать.

— Говори! — кивнула она.

— Освободи меня от всех дел и дай сроку в две луны. Я увезу девушку из Логова в уединенное место и постараюсь привлечь на нашу сторо-

ну. Если мне это удастся, то ты сама говорила, что лучшей напарницы мне не найти. Уже осенью ты сможешь поручить нам любое дело.

— Звучит заманчиво... А ты сам-то веришь в то, что говоришь?

— Я уверен, что если она примет наши цели, то должно произойти нечто очень серьезное, чтобы вновь отвратить ее. А это уже зависит только от нас.

— Что ж, наверное, ты прав,— медленно проговорила Владычица.— Если только она не сбежит до того, как ты добьешься от нее понимания.

— Я возьму с нее слово.

— Ты веришь людям на слово? — удивилась Разара.

— Если разрешишь, возьму для подстраховки Вулофа с Вилвой.

— Ты считаешь, что этого хватит?

— Вполне.

— Что ж, будь по-твоему. Ты получишь двух волков, две луны и одну пленницу,— разрешила мать-настоятельница, весьма довольная тем, что все так удачно получилось.

Ей даже не пришлось менять своего решения. Она ведь склонялась к тому, чтобы принести пленницу в жертву и имела неосторожность обмолвиться об этом в разговоре с Халимой. Теперь же все выглядит так, что она просто позволила себя уговорить! Зато если все получится, она к нужному времени окажется во всеоружии.

— Остается еще один вопрос,— заговорил Север, оторвав мать-настоятельницу от приятных мыслей.— Кто заменит меня в Логове?

— Чем тебе не подходит Кучулуг? — удивилась Разара.— Или затаил на него обиду?

— Обида здесь ни при чем,— возразил Вожак.— Он пожелал оспорить мое первенство, и это нормально, но когда я вспоминаю, во что он превратил лицо девушки, мне становится не по себе.

— Об этом не беспокойся,— заверила его мать-настоятельница,— уж я позабочусь о том, чтобы он не только себе такого не позволял, но и за другими присматривал.

— Тогда все складывается как нельзя лучше. Мне остается только пожелать себе удачи,— он улыбнулся,— потому что осуществить то, о чем мы с тобой говорили, наверняка окажется гораздо сложнее.

— Ну что ж,— улыбнулась ему Разара,— удачи тебе, Вожак. Когда думаешь ехать?

— Завтра же отправлюсь.

* * *

Утро следующего дня выдалось солнечным, к чему, впрочем, уже успели привыкнуть. За всю весну и начало лета не прошло ни одного дождя. Лишь изредка облака затягивали небо, да и то в основном по ночам. Солнце с каждым днем поднималось все выше и грело все сильнее. О том, что здесь Граскааль, а не Карпации, напоминали разве что только ели да вековые сосны.

Соня, выйдя из дворца, сладко потянулась всем телом, подставив лицо жаркому солнцу.

— Постоим немного? — попросила девушка и, подумав, добавила: — Хорошо...

— Да ты никак с жизнью прощаешься,— хмыкнул Север, останавливаясь.

— Не прощаюсь,— она нахмурилась и посмотрела на него исподлобья,— а здороваюсь!

— С чего бы это?

— Так мне ведь Ханторек пообещал, что это только начало.

— Приятный он человек, верно? — насмешливо спросил Север, и Соня возмущенно фыркнула в ответ, а он, не смущившись, закончил мысль: — Держаться вот только от него надо подальше.

— Верно,— ответила она,— и желательно с наветренной стороны.

Теперь уже Вожак хмыкнул и покачал головой.

Дверь дворца отворилась, и вышел послушник, который, брезгливо морщась, что-то нес в вытянутых руках. Он увидел Соню, Севера и кивнул им, намереваясь пройти мимо.

— Что это у тебя? — поинтересовалась она.

— Крыса, которую привезла мать-настоятельница, принесла потомство да померла,— сообщил он.— Нергал ее знает от чего. Крысят родилось всего три. Один вон совсем слабый. Настоятельница велела утопить его.

— Ну-ка, покажи!

Соня дотронулась до руки парня и заглянула ему в ладони. Рядом с окровавленным черным трупом матери шевелился крошечный крысенок, голый и большеголовый. Он неуклюже крутил головой, пытаясь открытым беззубым ртом нашарить сосок. Соня не знала, что на нее нашло. Слезы

подкатили к глазам, и рука сама потянулась вперед. Быть может, избежав неминуемой смерти, она хотела отдать долг — спасти кого-нибудь?

— Дай его мне,— тихо попросила девушка.

— Не могу, Соня.— На лице парня появилось виноватое выражение.— Халима велела утопить его, и если я ослушаюсь, мне не поздоровится.

— Ну, об этом не беспокойся,— вмешался Север.— Скажешь, что я забрал крысенка с разрешения матери-настоятельницы.

— А она разрешила?

— Экий ты недоверчивый,— ухмыльнулся Вожак.— Похоже, Халима сильно запугала тебя.

— Верно,— кивнул юноша.

— Не разрешила, так разрешит,— заверил его Вожак.— Хочешь убедиться, идем с нами. Бери,— кивнул он Соне.

Девушка взяла из рук послушника маленькое тельце и попыталась согреть его. Она почувствовала, как бьется в руке чужая жизнь, и подумала: что бы там ни сказала мать-настоятельница, она не позволит ее уничтожить.

— Ты подожди нас здесь,— велел Вожак послушнику, когда они добрались до места, без стука толкнул дверь и вошел внутрь.

Соня остановилась у порога, но Север, обернувшись, сказал:

— Подожди-ка и ты вместе с ним. Я думаю, так получится быстрее.

Соня, казалось, не слышала его. Все ее внимание занимал маленький чуть теплый комок, беспомощно барабанящийся в ладони. Неожиданно

дверь отворилась, и Север, взяв девушку за руку, втянул ее в комнату.

— Зачем он тебе? — услышала Соня.— Он все равно не выживет.

— Может быть,— ответила Соня,— но я хочу попытаться.— Она перевела взгляд на мать-настоятельницу.— Вожак хочет,— она кивнула в сторону Севера,— чтобы я жила в Логове добровольно. Оставь мне крысенка, и я попробую...

Некоторое время обе не отрываясь смотрели друг другу в глаза, пока наконец Разара не вздохнула.

— Не понимаю, зачем это тебе? — недовольно проворчала она, пожимая худыми плечами, но Север понял, что она уже сдалась и просто не знает, как признаться в этом.

— Мир не терпит пустоты,— пришел он на помощь девушке.— Горбун зачастую отличается недюжинной силой, слепой — повышенной чувствительностью, а слабый телом почти всегда оказывается силен духом и умен.

— Что ж, будь по-твоему,— подумав, согласилась она.— И что ты теперь собираешься делать с ним?

— Выкормлю,— ответила Соня и осеклась.

— Вот именно,— улыбнулась мать-настоятельница, подошла к шкафу, открыла дверцу и взяла с полки небольшую фляжку.— Будешь пить его вот этим. Здесь месячная норма. Первые три дня придется кормить его дюжину раз по три капли. Каждый третий день число кормлений уменьшается на один, и каждый день порция увеличивается вдвое. Справишься?

— Чего проще? — ответила Соня забирая из рук Разары фляжку.

Девушка вышла из комнаты, и Север поманил послушника.

— Скажешь Халиме, что я разрешила,— сказала парню мать-настоятельница.— Иди.

Север быстро нагнал Соню.

— Ты куда? — поинтересовался он.

— К себе,— удивленно ответила девушка.

— Смотри-ка,— поддразнил он,— у тебя здесь и дом появился.

— Глаза б мои его не видели,— беззлобно огрызнулась она.

* * *

Они не видели, что из окон дворца за ними следили внимательные глаза. Халима стояла у окна и наблюдала за мужчиной и женщиной, идущими по парку. Кучулуг покинул ее на заре и ушел заниматься с послушниками, а она осталась одна. Работа уже не приносila ей прежнего успокоения. Тревожные мысли ни на миг не оставляли ее. Настоятельница вдруг подумала, что все началось с приходом рыжей воровки, которая словно перевернула всю жизнь Логова. Ханторек отверг ее, она, в свою очередь, сошлась с Кучулугом, потом влюбилась в Севера, а он... А он идет сейчас по парку с этой дрянью и чувствует себя прекрасно! Быть может, неприступный Север влюбился в послушницу? Шадизарская шлюха красива — Халима никогда не отрицала этого. Неужели дрогнуло суроное сердце благородного воина?

«Нет, не может быть! — попыталась убедить она себя.— Северу нужно нечто большее, чем просто красота».

Настоятельница вздохнула и взглянула на книгу, которую похитила из комнаты Севера. Халима отошла от окна, поднесла томик к глазам, и тот словно сам раскрылся на одной из страниц.

И как звезда в ночи встречается с звездою,
Спасая мир от мрака пустоты,
Соединяется Сила с Красотою,
А Мудрость встретится с Мечтою,
И вместе сыщут тайную тропу к Корням Горы...

Она прочла случайно попавшиеся на глаза строчки и задумалась. Это что — слепая игра случая? Всего несколько ничего не значащих фраз, но Халима с первого взгляда узнала в них характеры Севера и рыжей шлюхи! Ее глаза пробежали еще несколько строк — то же самое. Сила и красота... Лед и пламя...

Халима отшвырнула книгу, и та, завертеvшись в воздухе, перелетела через комнату, упала на диван и закрылась. Гирканка с трудом подавила желание разорвать томик в клочья. Чтобы побороть искушение, она отвернулась и вновь подошла к окну, но тут же, будто книга позвала ее, бросилась к дивану, схватила ее и принялась лихорадочно перелистывать страницы, пока не отыскала нужную.

Когда король откроет путь
И в Тайный Град войдет...

Вот оно! Король! Мудрый правитель, благородный государь, могучий воин — не такими ли опи-

сывают королей древние, полу забытые предания?
Но ведь все это можно сказать и о Севере!

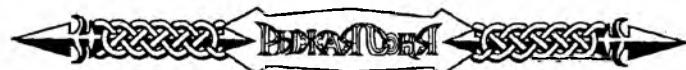
Она вновь схватила томик и прочла:

...Сойдутся в сече острова...

Что за острова? Точно так же, как не сомневалась она в прежних своих озарениях, не усомнилась и в этом — Север родом с каких-то островов. Что за острова? Халима хорошо знала мир, в котором жила, и попыталась угадать, откуда родом Вожак.

Один за другим она перебрала в памяти все известные ей острова, но ни на одном так и не остановилась. Острова Вилайета никак не подходили — все они пустынны, если не считать нескольких жалких рыбачьих деревушек. На Сиптаху никто не суется из-за близости к Стигии. Черный до сих пор хранит свои мрачные тайны, но делать там нечего. Барахтаны? Она усмехнулась. Ну нет. Легче представить козу под седлом, чем благородного Севера беспощадным пиратом. К тому же в стихах говорится о Темном Властелине.

Ни о чем подобном ей даже слышать прежде не приходилось. Впрочем, вполне может статья, что это лишь образ... Нет, и это не подходит. В Хайбории сейчас только один человек представляет собой реальную силу, которая рвется к власти над миром — Горм! Но Темный Властелин... Она поморщилась. Горм — всего лишь дикарь, за которым идут остальные дикари. Его цель разрушать и убивать. И рано или поздно он пройдет по миру, сея разрушения и смерть, пока не захлебнется в крови жертв или не погибнет сам и не погубит своих соратников.

Тут Халима остановилась, почувствовав, что потеряла нить рассуждений. Или наоборот, обрела? О чём это она? Ах, да. Темный Властелин. Что ж, быть может, кто-то и управляет стихиями, но если даже и так, она об этом ничего не знает.

* * *

Дверь комнаты закрылась, и Соня внимательно посмотрела по сторонам. Все вроде бы осталось на своих местах. Впрочем, что же могло измениться? Север стоял у двери, и девушка наконец обернулась к нему:

— Ну и что теперь?

— Думаю, для начала стоит покормить твоего питомца,— посоветовал Вожак.— Смотри, он уже не шевелится.

— Ах, чтоб тебя...— пробормотала девушка.

Она засуетилась, положила крысинку на подушку, поставила на стол фляжку, выдернула из неё затычку и замерла.

— Да как же я ему три капли-то дам?

— Уж постараися.— Север пожал плечами.— Капни в рот, а после что-нибудь придумаем.

Девушка недоверчиво посмотрела на него, но он кивнул ободряюще. Она взяла крысинку в руку и, осторожно наклонив фляжку, капнула в рот, который оказался едва ли не меньше упавшей в него капли. Через мгновение тельце дернулось, язычок шевельнулся, и Соня уронила в открытый рот вторую каплю. Челюсти сомкнулись, язычок облизал губы. После третьей капли шевельнулись лапки, а рот принялся искать сосок.

— Может, еще капнуть? — задумчиво произнесла Соня.

— Думаю, не стоит.— Север покачал головой.— Ты его покормила, он ожил. Посмотрим, что будет дальше.

Соня кивнула, заткнула фляжку и повернулась к Вожаку.

— Ну и что теперь? — повторила она вопрос.

— Сейчас нам принесут поесть...— начал было он.

— Да я не об этом,— поморщившись, оборвала его девушка.— Что меня ждет вообще?

— Во-первых, расслабься,— посоветовал он,— и отдай крысенка. Раздавиши.— Он взял из рук девушки беспомощное тельце и уселся на вторую кровать, напротив.— Теперь избавься от воспоминаний. Они лишь отвлекают тебя, не дают сосредоточиться.

— Не так это просто,— мрачно возразила она.

— Попытайся,— попросил Север.— Хотя бы на время нашего разговора, а то ты похожа на него.— Он кивнул на притихшего в ладони зверька.

— Ах, ты!..— Соня задохнулась от возмущения.

— Вот видишь,— заметил он с мягкой укоризной.— Он хочет есть и вслепую ищет сосок матери. Тебя обидели, и ты рвешься в бой, вместо того чтобы выяснить, кто повинен в твоем несчастье. Кстати, не мешало бы подумать о том, как отплатить обидчику и, наконец, выбрать подходящее время для ответа.

Он посмотрел на нее, но девушка молчала.

— Я понимаю, тобой руководили чувства, но, согласись, не стоит рисковать жизнью понапрасну. А для этого запомни на будущее простое пра-

вило: попав в безвыходное положение, постараитесь выиграть время.

— Ладно, не беспокойся,— наконец заговорила она.— Мне уже надоело изображать мишень для Халимы, Ханторека, Кучулуга, наставников — для всех!

Север с сомнением покачал головой:

— Что-то мне не верится, что ты сумеешь держать себя в руках.

Соня смерила его гневным взглядом, но вдруг успокоилась.

— Наверное, ты прав,— со вздохом согласилась она,— но обещаю, что постараюсь.

Дверь отворилась, и в комнату вошли послушники с подносами. Под суровым взглядом Вожака они переставили блюда, кувшины и кубки на стол и вышли, не проронив ни слова. Соня не хотела есть, но, увидев еду, поняла, что голодна, и пододвинула к себе жаркое.

— Не торопись,— посоветовал он,— но учти, что остаток дня мы проведем в седлах.

— Это еще зачем? — перестав жевать, поинтересовалась девушка.

— Ты ешь,— едва заметно улыбнулся Север.— Я ведь тоже подумал о том, что тебе вряд ли удастся просто сделать вид, что ничего не произошло. Да и другие не забудут об этом. Так что после обеда мы с тобой уезжаем.

— Куда? — спросила она, вновь принимаясь за жаркое.

— Есть у меня в горах местечко, о котором не знает никто,— ответил он.— Там мы проведем вдвоем две луны.

— Ты что это задумал, Вожак?! — насторожилась красавица и подозрительно взглянула на него.

— Ты ешь, ешь! — снова улыбнулся он.— А заодно постарайся понять: если бы я замыслил то, о чем подумала ты, то лучшего места, чем Логово, для этого и не подберешь.

— Ну извини,— проворчала она.

— Да ничего,— снисходительно кивнул он,— но ты должна дать мне слово, что, пока мы не вернемся, не попытаешься бежать.

— Это еще зачем? — снова насторожилась она, прерывая трапезу.

Соня уже покончила с мясом и теперь взялась за фрукты.

— Просто для моего спокойствия,— терпеливо объяснил Север.— Я ведь знаю, что если ты пообещаешь, то не побежишь. Ну? Что скажешь?

Она зыркнула на него исподлобья и нехотя пробубнила:

— Ладно. Не побегу.

— Вот и славно! — С нарочитым восторгом воскликнул он.— Прямо гора с плеч.

— А вот этого не надо! — разъярилась девушка.

— Хорошо, не буду,— согласился он и посерезнел.— Если все пройдет гладко, то приказывать тебе смогут только я и мать-настоятельница. Я это говорю лишь для того, чтобы ты поняла: если мы с тобой найдем общий язык, ни Ханторек, ни Кучулуг не посмеют и пальцем прикоснуться к тебе.

— Что-то я не очень верю...

— Мне?

— Твоим словам.

— Ну и ладно,— неожиданно легкомысленно отмахнулся Север.— Ни к чему тропить события. Да и поздно уже спорить — кони ждут.

От неожиданности Соня опешила:

— Так скоро?

— Если ты против, мы можем остаться.

— Нет уж, поехали,— решительно заявила она.— Надеюсь, оружие мне вернут?

— Вернут, не беспокойся.

Когда они появились на плацу, послушники прекратили занятия и вместе с наставниками вышли провожать их. Мила побежала к подруге, но в присутствии Севера спрашивать ее о чем-либо побоялась.

— Все в порядке,— улыбнулся ей Вожак,— через две луны вернется твоя Соня. Соскучиться не успеешь.

Вамматар, собравшийся сопровождать их до выхода из долины, подвел пару великолепных вороных, но в это время подошла и сама мать-настоятельница, и все притихли.

— Возьми.— Она протянула Соне небольшую клетку, не слишком удобную, но вполне пригодную для того, чтобы держать в ней какое-то время зверька, и повернулась к Северу.— Удачи тебе и помни: если она смоется, тебе несдобровать.

— Точно сбегу,— ухмыльнулась девушка, садясь на коня.

Мать-настоятельница сокрушенно покачала головой, совсем как сердобольная мамаша. Север тут же развернулся.

— Вулоф! Вилва! Ко мне! — крикнул он.

Два огромных волка выскоцили из-за толпы, заставив послушниц взвизгнуть от неожиданности. Огромный, ростом с теленка, Вулоф остановился чуть ближе к Северу. В шаге позади него замерла Вилва. Почти черная, она совсем немногого уступала Вулофу ростом и так же преданно смотрела в лицо Вожаку. Говорить в отличие от Вулофа она не умела, но человеческую речь понимала не хуже любого другого волка Стai.

— Следите, чтобы она... не потерялась,— приказал Север.

— Да,— коротко ответил волк.

Оба зверя встали по бокам ее коня, заставив того нервно озираться. Девушка же фыркнула и надменно вздернула подбородок.

Одним быстрым движением Север вскочил в седло, шлепнул своего вороного ладонью по крупу, и тот рванулся вперед. Почти сразу сорвался с места и конь Вамматара. За ними отправилась Соня, сопровождаемая волчым почетным эскортом. Всего несколько мгновений скачки — и лес, раскинувшись за стенами Логова, поглотил маленький отряд.

Словно по чьей-то безмолвной команде, все разошлись. Послушницы отправились на плац, а мать-настоятельница вернулась во дворец.

Соня скакала, уставившись в спину Севера, и злость медленно поднималась в ее душе. Она привыкла первенствовать во всем. Даже в Шадизаре с его грубыми нравами она чувствовала себя в центре внимания, где бы ни появлялась. Нигде ей не приходилось доказывать своего первенства,

а подтверждала она его постоянно и с завидной легкостью.

То же самое произошло и здесь, в Логове. Едва появившись, она сразу заняла привычное место — на вершине маленького местного мирка. Но вот Север... Как и прочие, он не скрывал своего восхищения прекрасной щадизаркой, но ни разу не высказал этого вслух. Только сейчас она поняла, как зла на него за это. Пожалуй, даже больше, чем на Кучулуга за его мерзкую выходку.

Но злиться вечно не может никто, и скоро Соня успокоилась, а когда отступила злость, девушка почувствовала вдруг, что наконец-то свободна! Это открытие так поразило ее, что она забыла обо всем. Просто ехала и удивленно осматривалась, словно видела этот мир впервые.

Она смотрела на красноватый, с оранжевым отливом песок дороги, на коричневую прошлогоднюю хвою, устилавшую землю на обочинах, на мягкую, золотистую чешую молодых сосен и на темную кору вековых елей со свисающими с нее усами серебристого мха. А над головой, над ярко-зелеными ветвями раскинулось пронзительно-синее небо с плавущими по нему хлопьями белоснежных облаков.

Дважды в этот день они останавливались, чтобы покормить крысенка, который, похоже, чувствовал себя нормально. Он жадно ловил ртом свои три капли и тут же засыпал. Хлопот с ним не было.

К вечеру они добрались до длинного бревенчатого дома у выхода из ущелья, соединяющего долину с севером Бритунии. Соня подумала, что, наверное, это именно то ущелье, о котором гово-

рил ей отец Пайр. Судя по размерам, дом мог разместить в себе до полусотни человек, но, по словам Вамматара, никогда еще столько людей не собиралось в нем одновременно.

Вожак спешился у коновязи, бросил поводья одному из людей Вамматара, который на стук копыт выскочил из дверей дома, но, когда подошел к девушке, та отказалась от его помощи.

— Я не ранена,— гордо заявила она, спрыгивая на землю.

— Вот и хорошо,— примирительно ответил Север и отвернулся.

— Что хорошо? — рассвирепела девушка, положила клетку на землю и подбежала к нему.— Я ведь сказала, что не убегу? Значит, не убегу!

— Верю,— постарался успокоить ее Вожак.

— Ах ты веришь?! — Она разошлась уже не на шутку.— А зачем тогда приставил ко мне этих зверюг, от которых конь всю дорогу шарахался?!

— Я же сказал: чтобы ты не потерялась,— едва сдерживая смех, ответил Север.

— Ах, чтобы не потерялась! — воскликнула она.— Я же сказала, что не убегу!

Начальник наружной стражи, или Лесничий, как между собой называли его обитатели Логова, чтобы не мешать им, отошел подальше и, прислонясь к дереву, с ухмылкой наблюдал за перепалкой, а еще больше за девушкой, которая разгоралась, как пожар на ветру. Однако чем больше она горячилась, тем спокойнее становился Север.

— Но потом ты пообещала смыться,— резонно заметил он.

Вдруг девушка услышала за спиной громкое сопение и резко обернулась. Огромный Вулоф наклонился к самой клетке и шумно втягивал носом воздух, принюювшись новорожденному крысенку.

— А ну пошел прочь, зверюга! — рявкнула на него Соня.

Волк посмотрел на нее долгим взглядом, почти по-человечески сокрушенno вздохнул и поплелся прочь. Вамматар скользнул за дерево, словно опасался, что и ему сейчас нагорит.

— Ты можешь хоть раз ответить честно? — тихо заговорила девушка, наступая, как рысь, в любой миг готовая к прыжку.— Чему ты веришь?

— Конечно, могу.— Север ободряюще улыбнулся ей.— Я верю, что ты не убежишь, но опасаюсь, что смоешься,— ответил он и, дружески улыбнувшись напоследок, скрылся за дверью.

За спиной девушки сдавленно фыркнул Вамматар, но она даже не услышала этого. Она упрямко топнула ногой и с криком: «Нет, ты ответь!» — бросилась вслед за ушедшими Вожаком.

* * *

Остаток дня Разара провела в странном возбуждении. Долгие годы Логово пребывало в состоянии не то чтобы спячки, но монотонной рутины, которой Владычица не видела конца, и вдруг все резко переменилось. Поначалу ее раздражало, что очередная послушница проявляет необузданый норов, вносит в отложенную жизнь никому не нужные волнения.

Правда, сперва она не придала этому особого значения, а когда решила действовать, поняла, что опоздала. Одна из послушниц повесилась, а вторая попыталась сбежать, за что и понесла наказание. Быть может, более строгое, чем заслужила. Пиком же всего оказалось нападение митрианских приспешников, в котором ей благодаря странам Севера чудом удалось уцелеть.

Разговор с Севером о судьбе строптивой послушницы навел ее на мысль о глубинном единстве происходящих событий. Даже и сейчас она еще не понимала, как они связаны друг с другом, однако ни на миг не усомнилась, что и Вожак чувствовал то же самое.

Мать-настоятельница и сама не заметила, как начала рассуждать о Соне, как о своем человеке, а ведь Северу еще только предстояло убедить ее принять их веру. То ли она безгранично верила в способности Вожака, то ли настолько увлеклась мечтами о своих замыслах, что не замечала вставших на пути их осуществления препятствий.

Она уже видела этих двоих парой, перед которой ничто не устоит! Ум, сила, опыт Севера в сочетании с красотой, хитростью и воровскими навыками Сони обещают сделать их грозным оружием в ее руках. Наконец-то она сможет подступить к главному. Гигантские подземелья Города Пурпурных Башен отадут им свои сокровища. Конечно, предстоит еще серьезная работа, но... Дорогу осилит идущий. Так, кажется, говорит Север? Скоро, скоро они пойдут по тернистому пути к желанной цели. Теперь для этого у Логова — у нее! — есть силы.

Глава третья

Как у большинства вспыльчивых людей, у Сони был отходчивый характер. Наутро от вчерашнего раздражения не осталось и следа. Душа пела, а мир, как и накануне, казался карнавалом красок. Таких ощущений она не испытывала уже давно... Мир вновь походил на сказку, и, затаив дыхание, Соня смотрела на него, боясь неловким движением или необдуманной фразой вспугнуть ее.

Она просто скакала на вороном, наслаждаясь солнечным днем, и даже мохнатые сторожа, трусившие справа и слева, не раздражали ее. Она их просто не замечала.

Девушка видела, как вечером Север отправил куда-то верхового с поручением, но не знала, с каким, потому что сам Вожак молчал, а она, к тому времени еще разгоряченная спором, спрашивать не стала.

После полудня они покинули приютивший их на ночь дом и направились к выходу из долины. Вамматар по-прежнему сопровождал их, и Соня

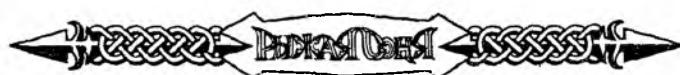

знала, что он распрошается с ними только на территории Британии. Дальше они отправятся вдвоем, если не считать Вулофа с Вилвой.

Теперь ехали не торопясь. По словам Севера, извилистое ущелье, соединявшее долину с Британией, протянулось на полдня пути на юго-восток. Больше всего оно походило на трещину в гранитной скале с почти отвесными стенами, которые кое-где покрывал то седой мох, то бурый лишайник, и лишь изредка попадался чахлый кустарник.

Проход оказался настолько узким, что девушка невольно подивилась тому, как по ней могла проехать карета. Кроме того, дорога, или, скорее, даже тропа, постоянно петляла, то взлетая на кручу, то ныряя вниз, и потому продвигаться по ней можно было лишь шагом.

Дневная жара начала уже спадать, когда впереди показался сосновый бор. Путники остановились на небольшой, в сотню локтей в поперечнике, каменистой проплещине, в которую упирались три дороги. Одна из них уходила на юг, а две другие тянулись на запад и восток вдоль склонов Граскаала. Пока Север осматривался, Соня обернулась и с изумлением обнаружила, что не может отыскать ни малейшего признака прохода в горах, и тут же вспомнила, что, пока они добирались сюда, так и не увидела ни одного наблюдателя, хотя точно знала: проход охраняют. Это с ее-то опытом и привычкой подмечать мелочи! Она покачала головой. Теперь понятно, почему никому так и не удалось похитить кинжал: все смеячики попадались еще на подходе к долине.

— Все хорошо,— сказал Север, прервав ее размышления, и направил коня по дороге, лежавшей слева.

Они рас прощались с Вамматаром и дальше поехали вдвоем. Теперь они передвигались быстрой, и перед глазами замелькала чересплосица теней и золотых пятен солнечного света. Когда солнце склонилось над вершинами Кезанкийских гор, в лесу резко стемнело. Именно в это мгновение дорога свернула, и Соня увидела неподалеку небольшую хижину.

— Вперед! — скомандовал Север.

Кони рванулись по заросшей дороге. Почти сразу послышался яростный лай, и Соня поняла, что псы хозяина дома учゅали волков. Дверь хижины отворилась как раз в тот миг, когда Север соскакивал с коня. На пороге появился высокий, бородатый, русоволосый мужчина с приготовленным к стрельбе луком в руках, но, увидев Вожака, облегченно вздохнул и опустил оружие.

— А, это ты! Жду.— Он окинул девушку удивленно-восторженным взглядом и приветливо кивнул ей, после чего гаркнул: — Хуг! Борс! А ну заткнитесь! — Затем повернулся к Соне: — Не обращай на них внимания. Брешут много, но без них нельзя: слишком много всякой швали болтается по лесу.

Он помог расседлать коней и, задав им корма, все трое прошли в дом. Соня увидела одну огромную комнату, обставленную простой, грубой мебелью, изготовленной, судя по всему, самим хозяином. Впечатительных размеров открытый камин занимал середину дома, и Соня подумала, что без него здесь зимой просто не прожить. Она опу-

стилась в грубо сколоченное, но оказавшееся неожиданно удобным кресло.

— Что за шваль, о которой ты упоминал? — поинтересовался Север, устраиваясь напротив Сони.

— Да седьмицы три назад тут понабежало мрази из Пограничного Королевства,— начал рассказывать хозяин, расставляя на столе нехитрую снедь.— Чуть не за каждой сосновой пряталось по грязному оборванцу с топором.— Соня живо припомнила потасовку в гиперборейской таверне и совершенно неожиданно для себя разволновалась.— Похоже, кого-то поджидали.

— Ну и как? Дождались? — с волнением в голосе спросила девушка.

— А Нергал его знает,— пожал плечами бородач.— Но двоих поймали, это точно. Сам видел,— пояснил он.

— Девушку с парнем,— пробормотала Соня.

— Верно,— кивнул хозяин и удивленно посмотрел на гостью.— А ты откуда знаешь?

— Встречались,— коротко ответила она.

— Ну и как они? — улыбнувшись, спросил бородач.

Но Соня лишь отвернулась.

— Мертвы,— ответил за нее Север, и улыбка сползла с лица хозяина.

— Жаль...— задумчиво сказал он и, помолчав, повторил: — Жаль.

* * *

Проснувшись утром, Соня обнаружила, что в комнате никого нет. Она сладко потянулась и, не

вставая, посмотрела в окно. Судя по тому, что солнце заливало лужайку перед домом, время близилось к полудню. Вставать, однако, не хотелось, и она еще немного полежала, собираясь с мыслями. Вчерашний разговор никак не шел из головы. Трагическая смерть Харала и Альрики осталась уже в прошлом, но неожиданное напоминание о ней сильно взволновало девушку.

Соня задумалась. Что с ней в самом деле происходит? Она всегда гордилась тем, что умеет сохранять хладнокровие, но с тех пор, как попала в Логово, ведет себя как капризный ребенок. Конечно, слишком много неприятностей обрушилось на нее со всех сторон, но разве стоит из-за этого терять голову?

Она вдруг вспомнила о Севере и поняла, что он злит ее именно потому, что ведет себя так, как прежде поступала она, в то время как сама Соня уподобилась тем глупцам, которые обычно остаются в дураках. Она сокрушенно покачала головой. Так вот в чем дело! Это кричит ее уязвленное самолюбие.

Как ни странно, но именно эта мысль вернула ей хорошее настроение, ведь понять свою беду, суметь заглянуть ей в лицо — уже немало.

Соня вышла на крыльцо и, к удивлению своему, увидела на дороге перед домом открытую коляску, в которой расположились трое мужчин. Север и хозяин дома беседовали о чем-то с незнакомцем, чья одежда, лицо и смуглый оттенок кожи выдавали его восточное происхождение. Но на гирканца он не походил. Рядом, в тени сосен, прямо на

земле расположились четверо до зубов вооруженных бритунцев, чьи кони паслись неподалеку.

— Вот та девушка, о которой я тебе говорил, почтенный Чандар,— сказал Север.

Увидев рыжеволосую красавицу, четверка бритунцев осталенела, а незнакомец, беседовавший с Севером, восхищенно зацокал языком.

— Что это ты задумал?! — вскинулась девушка, мгновенно позабыв о том, что собиралась держать себя в руках.

Ей вдруг представилось, что этот толстяк в чалме и странных белых одеждах — работоговец, приехавший оценить предложенный товар. Она ощетинилась, готовая, если понадобится, постоять за себя, но пока только переводила яростный взгляд с незнакомца на Вожака и обратно.

— Ты чего всполошилась? — Север удивленно посмотрел на девушку.— Мой друг Чандар по моей просьбе привез из Келбазы кое-что из одежды и сейчас смотрит, что тебе подойдет.

— Так я, по-твоему, скверно одета?! — вспылила девушка.

— Почему скверно? — невозмутимо возразил Север.— Слишком легко — так правильнее.

— А мне нечего прятать! — гордо заявила она.

— Не спорю,— с улыбкой заметил он.— Твой наряд хорош, но для тех мест, куда мы направляемся, он не подходит.

— Ты что, думаешь, я надену на себя какой-нибудь мешок с дырками для глаз?!

Север ничего не ответил и повернулся к Чандару. Толстяк все это время ходил вокруг Сони и

то воскликнул: «Ах! Какая красавица!», а то вдруг, сокрушенno всплеснув руками, причитал: «Какой характер!!»

— Надеюсь, у тебя найдется все, что нужно? — спросил Вожак у торговца.

— Конечно, господин,— ответил тот, кланяясь.— Впрочем, выбери сам.

Они отошли к карете, откинули крышку стоявшего в ней большого сундука и принялись что-то оживленно обсуждать, время от времени поглядывая на девушку и вполголоса делясь впечатлениями.

— Вы что это там затеяли?! — крикнула она, теряя остатки терпения.

— Выбираем тебе мешок по цветастей,— съязвил Север.

Четверо сидевших в сторонке верзил заржали. Соня возмущенно фыркнула и, закусив губу, отошла к дому. Похоже, она опять сама себя выставила дурочкой. Что бы они там ни делали, только не тряпки перебирали. Во всяком случае, ткани звязать не могут.

Наконец Север закончил переговоры и, подняв с пола кареты холщовый мешок, в который что-то откладывал, пошел к девушке, исподлобья следившей за ним.

— Идем.— Он толкнул дверь, пропуская ее вперед.

Не говоря ни слова, она вошла в дом и остановилась у стола, напряженно следя за Севером, а тот, поймав ее взгляд, усмехнулся.

— Чего это тебе так весело? — насупилась она.

— Тебе говорил кто-нибудь, что в гневе ты становишься еще красивее? — спросил он.— Нет? Странно...

— Что в мешке? — вместо ответа проворчала амазонка.

Она явно не желала мириться, а Север не стал настаивать.

— Здесь одежда,— пояснил он.— У Чандара наметанный глаз, но все-таки сделай мне одолжение — примерь все.

С этими словами он вышел. Соня недоверчиво тронула мешок, заглянула внутрь, и глаза ее засияли.

Девушка отсутствовала довольно долго. Север успел обсудить с Чандаром цену нарядов, отобрал для себя и для девушки два набора метательных ножей, щедро расплатился за все, даже обсудил последние новости. Только после этого дверь отворилась, и Соня вышла к ним, сияя от восторга.

— Я вижу, мешок пришелся тебе впору? — рассмеялся Север, но она лишь улыбнулась в ответ.

Телохранители Чандара приглушенно загомонили. Новый наряд девушки оказался более закрытым, но выглядел ничуть не менее привлекательно, чем прежний.

Верхнюю часть тела защищал панцирь, состоявший из стальных наплечников и лифа, который полностью закрывал грудь и спину, и прикрепленной к нему спускавшейся на живот кольчуги из перекрученных колец. Под холодную сталь была подложена медвежья шкура, белоснежным мехом прилегавшая к телу. Две стальные

лямки с меховой прокладкой удерживали панцирь в нужном положении. Низ кольчуги крепился к стальному поясу, узкому на спине, но постепенно расширявшемуся спереди.

Низ живота закрывал отдельный щиток, крепившийся к поясу ремешками, руки, голени и бедра — панцирь из толстой буйволовой кожи. На предплечьях он имел ту же меховую прокладку. Кожаные штаны на бедрах украшали щитки, а на голенях такие же щитки оказались пришиты к голенищам высоких сапог.

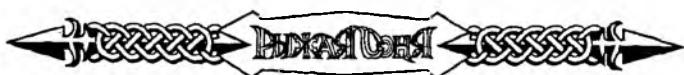
Довершали наряд плащ все из того же белого меха, закрепленный на груди фигурной фибулой, и короткая меховая юбочка, закрывавшая ягодицы. Великолепные доспехи украшал выполненный в едином стиле тонкий узор, искусно отчеканенный на вороненых стальных частях и вытисненный на коже.

Север окинул девушку долгим взглядом и удовлетворенно кивнул. Доспехи не сковывали движений и прекрасно подходили для тех мест, где Соне и Вожаку предстояло прожить две следующих луны.

* * *

Остаток дня путники провели в седлах, сделав лишь несколько коротких остановок. Вулоф с Вилвой бежали рядом, пропадая время от времени из виду, но неизменно нагоняя всадников.

— Ты больше не боишься, что я сбегу? — спросила девушка, когда волки в очередной раз скрылись в лесу.

— Нет,— ответил Вожак,— и никогда не боялся.
— Зачем же тогда тебе понадобилось приставлять ко мне охрану?
— А кто тебя тянул за язык? — резонно поинтересовался он, не оборачиваясь.

Девушка нахмурилась, но почти сразу рассмеялась:

— А ты не привык уступать? Даже женщинам?
— Первенство тут ни при чем,— подумав, ответил Север и посмотрел на нее в упор.
— Что же тогда? — не унималась Соня.
— Жизнь Логова полна условностей,— ответил он,— и далеко не все из них разумны. Одно из правил гласит: в любой ситуации Вожак обязан одержать верх. Нравится мне это или нет, приходится соблюдать неписаные законы жизни в Логове.
— О-у-у! — послышалось откуда-то слева, и Север мгновенно натянул поводья, придерживая коня.— О-у-у! — раздался повторный зов, и Вожак направил коня на север, махнув Соне, чтобы следовала за ним.

Они поскакали, лавируя между соснами, обогнули небольшой ельник и выехали на поляну. Оба волка стояли над только что задранной ланью. Заметив людей, Вулоф уставился на них желтыми глазищами и коротко бросил:

— Ужин.

Север соскочил на землю, поднял туши и переложил на крепкое воронье. Тот недовольно зафыркал, учуяв запах свежей крови, но парой негромких слов, которых Соня не расслышала, Вожак успокоил коня.

— Отлично, Вулоф! — похвалил он и потрепал зверя по холке.

Тот коротко ткнулся ему в руку окровавленным носом.

Вскоре они достигли выдававшегося далеко на запад отрога Карпаш и поскакали вдоль него. Волки больше не убегали: видно, свою задачу выполнили. Солнце уже клонилось к закату, когда за поворотом показалась хижина, больше, пожалуй, чем та, в которой они провели предыдущую ночь. На этот раз никто не вышел их встречать: стук копыт полностью заглушал шум небольшой речушки.

Только когда Вожак остановился напротив окон и спешился, дверь хижины отворилась, и на пороге появился совершенно седой старец с длинными, ниже плеч, волосами и окладистой, до пояса, бородой.

Соня всмотрелась в его изборожденное морщинами лицо, говорившее о нескончаемой веренице прожитых лет, и вдруг встретилась взглядом с его веселыми, под стать двадцатилетнему юноше, живыми глазами. Он приветливо улыбнулся девушке и неожиданно закричал:

— Лорна! Гости смертельно устали, а кони их и того пуще!

Из-под его руки высунулось озорное девчоночье лицо, глаза обшарили окрестности, вспыхнули восторгом, увидев Севера, но тут же побежали дальше и, остановившись на девушке, изумленно округлились.

— Ух ты!!! — выдохнула девочка.

— Хватит гrimасничать! — прикрикнул старик.— Расседлай коней, почисти, напои, задай корма — одним словом, сама знаешь!

Девчонка со всех ног бросилась выполнять приказ, а старик, пока Север свежевал добычу, развел огонь прямо перед домом, в выложенном камнем кострище. И по тому, как Вожак работал — споро, не тратя времени на поиски места и инструментов,— Соня поняла, что он частый и желанный гость в этом доме. Он разделал тушу, засолил шкуры, чтобы они не протухли и хозяин на досуге смог заняться ими, и начал готовить жаркое.

Когда самые аппетитные куски зашипели на вертеле, совсем стемнело, но четверо людей к тому времени уже расположились на свежем воздухе, за выбеленным дождями столом: Соня с Севером по одну его сторону, старый Хэлдир с внучкой Лорной — по другую. Вожак время от времени вставал и поворачивал мясо, чтобы не пригорело, и тогда девушка видела: маленькая хозяйка не сводит с ее спутника глаз. Неожиданно Соня почувствовала болезненный укол ревности, как будто Север принадлежал ей, а этот ребенок заявил на него свои права.

Занятая своими мыслями, она еще раз, уже внимательнее, приглядилась к своему будущему напарнику. В сгустившихся сумерках пламя костра бросало на него алые блики, но, как ни странно, даже они не делали облик Вожака ни зловещим, ни мрачным, как то обычно случается, а наоборот, только подчеркивали его силу и благородство.

— Принеси вина, Север, скоротаем время,— предложил старец.— Ты ведь знаешь, где мои запасы?

Вожак коротко кивнул и скрылся за дверью, а девушки улыбнулась, взглянув на старика.

— Твоя внучка так странно смотрела на Севера,— начала она, и хорошенъкое лицо Лорны вспыхнуло, словно от заслуженной похвалы.

— Он самый сильный... Он самый добрый...— восторженно прошептала девочка.

— Моя внучка влюблена в Севера.— Губы Хэлдира дрогнули в едва заметной усмешке.— Такое частенъко случается с девочками-подростками. Со временем это пройдет.

— Если это пройдет, я умру,— совсем не подетски твердо заявила она вдруг и тут же мечтательно улыбнулась: — Но судьба не допустит этого. Я вырасту, и он женится на мне!

Соня едва не рассмеялась, но старец ничего не ответил, и она вдруг подумала, что Хэлдир, похоже, не впервые слышит подобные высказывания и относится к ним серьезно. Она еще раз посмотрела на старика. Огонь и его черты не сделал ни уродливыми, ни злыми, а как бы высутил глубокий ум и большую духовную силу.

Соня перевела взгляд на маленькую мечтательницу и сделала еще одно открытие, поразившее ее, быть может, сильнее первых двух. Сперва она даже не поняла, что изменилось в облике маленькой строптивицы... О, боги! Перед ней сидела совсем другая Лорна! Пепельные, отливающие серебром волосы обрамляли лицо юной девушки,

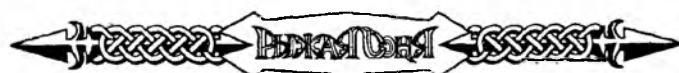

только что вступившей в пору девичества, но уже не ребенка. Пухлые губы слегка приоткрылись, обнажив ровные, жемчужно-белые зубы. Черные, чернее ночи, глаза излучали восторг и любовь.

Соня изумилась настолько, что надолго замолчала и задумалась: «Если Рок желает говорить со смертными, он выбирает для этого чистые детские уста. Как она сказала? Самый сильный! Самый добрый!.. Самый благородный и самый умный,— добавила она от себя и нахмурилась, когда поняла, что чуть не продолжила этот список: — Самый красивый!»

Соня разозлилась. Да что же такое происходит?! Она возмущенно посмотрела на старика, словно он в чем-то провинился перед ней, но увидела только его спину: Хэлдир пошел за дровами. Быть может, это огонь так странно изменяет окружающий мир? Когда-то она слышала, что чистое пламя позволяет заглянуть в человеческую душу. Даже в будущее! Трусливого, жадного, жестокого оно показывает во всей его неприглядности, зачастую придавая ему звериные черты, а хорошего человека делает еще краше. И вот она воочию убедилась, что все это вовсе не бабушкины сказки.

Соня усмехнулась, перевела взгляд на свою юную собеседницу и невольно нахмурилась: Лорна стала вдруг выглядеть еще старше и еще красивее. Теперь по другую сторону стола сидела не девочка и не девушка даже — юная женщина в тонком головном обруче, украшенном переливающимися в ночи самоцветами. Ее взгляд, полный

нежности, был устремлен куда-то за спину красавицы-шадизарки. Соня обернулась, но никого не увидела и вздохнула едва ли не с облегчением.

Какая чушь! Она чуть было не поверила в весь этот бред! Соня вновь посмотрела на Лорну и увидела, как радостно вспыхнули ее глаза. В тот же миг дверь сзади чуть слышно скрипнула, она вновь обернулась и увидела Севера с оплетенной лозой бутылью в правой руке и четырьмя стаканами в левой.

Соня бросила быстрый взгляд на Лорну, но увидела лишь девочку-подростка, влюбленно смотревшую на ее спутника. Прекрасная молодая женщина снова стала двенадцатилетней шалуньей, драгоценная корона испарилась, и только стая светлячков кружилась вокруг хорошенькой головки. Ну и ну!

Почти одновременно с Вожаком старец вышел из темноты, неся на руке горку аккуратно уложенных поленьев.

— Ну как, не соскучились без меня? — поинтересовался он.

— Ты разве уходил? — удивилась внучка.

Старик нахмурился, потом улыбнулся и ничего не сказал. Соня задумчиво покачала головой. Если все это не игра ее воображения, то интересно, как выглядела она сама в очищающем свете пламени? Впрочем, что гадать понапрасну? Ответить-то на этот вопрос все равно некому.

— Сейчас воды принесу, — сказал Север, посмотрев на девочку, и вновь скрылся в доме.

Лорна нахмурилась, а Соня рассмеялась:

— Меня тоже в детстве поили водичкой, и мне было очень обидно, но не расстраивайся! — Она ободряюще улыбнулась девочке.— Хочешь, я составлю тебе компанию?

— У нас не получится компании,— серьезно ответила Лорна.— Мы соперницы!

— Перестань молоть чушь! — нахмутившись, оборвал ее Хэлдир, но Соня жестом остановила его.

— Ну какие же мы соперницы? — мягко спросила она.— Давай лучше дружить.

Она протянула руку через стол, и девочка вдруг улыбнулась:

— Ты права. Ты не соперница мне. Ты сама не знаешь, чего хочешь... — Глаза Сони округлились от удивления.— Я видела,— с детской непосредственностью объяснила Лорна,— ты смотрела во все стороны сразу, не зная, что выбрать! Хотя на него — всего пристальней...

Она растерянно взглянула на девочку, давшую ей не по годам мудрый ответ. Та смотрела серьезно и пристально, словно и в самом деле разобралась в ее переживаниях. Соня перевела взгляд на ее деда, но и он оставался серьезным и уже не одергивал внучку. Тогда она повернулась к огню, будто всерьез надеялась в его пламени прочесть столь необходимые для себя слова, но не увидела ничего, кроме чарующего танца багряных языков пламени.

Чего же ты хочешь от жизни, Соня?!

* * *

Утром следующего дня поднялись спозаранку. Старый Хэлдир, судя по всему, собрался идти с

ними. Соня поняла это, как только увидела его в меховом плаще и странной островерхой шапке без полей. На боку у него висел длинный прямой меч, за спиной болтались лук и колчан со стрелами. В правой руке старец держал длинный, выше своего роста, посох.

— Ты что же, с нами идешь? — на всякий случай спросила Соня и, дождавшись его утвердительного кивка, уточнила: — А как же Лорна? Не боишься за внучку?

— За нее не волнуйся,— улыбнулся старик, и девушка сразу же поняла, что опасаться действительно нечего.— Здесь спокойно, да и не в первый раз она остается одна. Должен же кто-то присмотреть за лошадьми.— Соня недоверчиво покачала головой, и старик вновь улыбнулся.— Да она и не останется совсем одна. Каждые два-три дня я собираюсь навещать ее.

Волки убежали вперед по тропе, которой Соня так и не увидела, даже когда ступила на нее. Она удивленно посмотрела на Севера, и тот пояснил:

— Здесь нет дороги. Надо просто знать, куда идти.

— И куда? — полюбопытствовала Соня.

— Увидишь,— усмехнулся Север,— когда доберемся до места.

— Брось темнить,— нахмурилась девушка.

— Да не темню я.— Вожак остановился и внимательно посмотрел ей в глаза.— Просто хочу, чтобы ты все увидела сама.— Он покачал головой: — И когда ты научишься доверять другим?

— Не раньше, чем пойму, что этим другим можно верить! — отрезала Соня.— Если соскучился

по доверию, тебе лучше оставаться,— насмешливо закончила она и кивнула в сторону стоявшей у хижины Лорны.

Север обернулся, и, увидев это, девочка замахала рукой и едва ли не запрыгала на месте от радости. Взгляд мужчины потеплел. Он улыбнулся и помахал в ответ, а Соня разъяренно фыркнула и направилась дальше одна, злясь на себя за то, что поняла вдруг: она ревнует Севера к этой длинноногой, тоненькой девчонке, которую еще и девушкой-то назвать нельзя.

— Эй! Не туда идешь! — окликнул ее Север.— Ты не беги так,— добавил он, догнав ее.— Хэлдиру непросто поспевать за нами. Он ведь уже не молод, да и торопиться ни к чему: еще до вечера придем на место.

Они остановились, но девушка упорно смотрела в сторону, словно он в чем-то провинился перед ней.

— Посмотри, какая красота вокруг,— вновь заговорил Север.

Несмотря на то что переход едва начался, они успели подняться достаточно высоко. Во всяком случае, вершины сосен сливались у них под ногами в сплошной зеленый ковер, который простирался на запад насколько хватало глаз. Узкий, отвесный с северной стороны отрог уходил от Карпаш на запад и, плавно загибаясь к северу, примерно в лиге от того места, где они стояли, сходил на нет. Склон, по которому они взирались, тянулся на север, но не слишком далеко. Лигах в шести он плавно переходил в горы Граскааля, разделявшие Британию с Гипербореей. Прямо под но-

гами желтела единственная проплешина, на которой приютилась хижина Хэлдира и его внучки. Соня присмотрелась: девочка все еще махала им рукой. «Ему»,— поправила она себя.

— Она нас еще видит,— сказала шадизарка вслух и с неожиданным ожесточением добавила: — Можешь гордиться. Она тебя любит и очень скоро станет настоящей красавицей.

— Здесь нечем гордиться.— Север пошел дальше, остановился вновь уже значительно выше, там, откуда взгляды их не достигали ни хижины, ни поляны, на которой она стояла, и здесь неожиданно заговорил снова: — Эта девочка не видит никого, кроме своего деда и меня. Два-три человека в год, что забредают в эту глушь по делу или по воле случая,— уже много, а кое-кого из них ей бы лучше не видеть вовсе. Так что нет ничего удивительного в том, что она влюбилась в меня. Но если тебе интересно, как я к этому отношусь, то отвечу тебе: меня это скорее волнует, чем радует.— Соня посмотрела на него понимающе. Она вполне разделяла его опасения.— Хэлдир считает, что пройдет три, от силы пять лет, и детская влюбленность выветрится у нее из головы. Она повстречает парня, и на смену ее самообману придет настоящее чувство.— Север взглянул в глаза девушке.— Ты понимаешь, о чём я?

— Понимаю,— кивнула она.

— А вот я опасаюсь, что Хэлдир при всем своем опыте ошибается.

— Ну и что же тебя страшит, воин? — насмешливо спросила Соня, хотя сердце ее при этом бо-

лезненно скжалось.— Неужто любовь прелестной девушки — не то, к чему стремится любой мужчина?

— Любой — быть может,— согласился Север,— но не я.

— Так ради чего ты живешь?!

— А вот этого тебе знать не надо,— ответил он и пошел дальше, оставив ее сидеть на камне.

Там и нашел девушку Хэлдир.

— Ты чего здесь грустишь? Чего это Север бросил тебя тут? Или поспорили о чем?

— Иногда твой Север становится просто невыносимым,— проворчала Соня, поднимаясь, и хмуро взглянула на него. Лицо старца не выражало ничего, кроме безмерного удивления.— Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом.

— Хорошо,— с готовностью согласился он.— И что же ты хочешь узнать?

— Ну, хотя бы долго ли нам еще карабкаться по этому склону?

— Да в общем-то мы уже почти пришли.— Старики остановился рядом с ней и указал посохом на небольшой зубец над их головами, возле которого брал начало журчавший где-то в стороне ручей.— Видишь этот камень? — Соня кивнула.— До него рукой подать. Потом, правда, придется еще пройтись по плоскогорью, но это уже пустяки.

Соня кивнула, и дальше они пошли вместе.

— И чего ради мы вообще полезли в горы? — продолжала ворчать девушка. Она уже успокоилась, но какой-то неприятный осадок от разгово-

ра с Севером в душе остался.— Там что, храм, святыня или какое-то место особенное?

— Если тебе непременно нужен ответ, считай, что там место особенное.

— Да что же такого в этих горах, чего нет там, внизу, рядом с твоим домом? — чуть не выкрикнула она.

— Но ты сама только что ответила,— удивился он.— Здесь горы! Горы — это покой. Здесь кристально чистый воздух!

— Можно подумать, что мы пришли сюда из деревни углежогов,— недовольно проворчала она, но все-таки принюхалась.

Хэлдир покачал головой.

— Наконец,— продолжил он,— здесь высокий уровень магической энергии!

— Так Север — колдун?!

— Вовсе нет! — рассмеялся старец.— И тем не менее это необыкновенно важно. Любому, кто обладает Силой, не так-то просто отыскать человека даже в столь уединенном месте, при условии, что того укрывает мощный естественный фон. Здесь вы можете заниматься хоть год, и вам никто не помешает.

За разговорами они поднялись на самый верх. Плато, куда привела их странная тропа, оказалось зажатым между двумя горными хребтами, сходившимися воедино где-то далеко на востоке. Не менее трех тысяч локтей отделяло его от зеленого моря сосен. Голубая даль на востоке тонула в туманной дымке, а пики Граскаала высились справа, словно одетые в белое исполины. Теперь

Соня без труда отыскала проход в долину, из которой они вышли три дня назад. Впрочем, быть может, ей только показалось это.

Соня бывала в горах и прежде, но так высоко забралась впервые, и вот теперь открыла для себя новый мир, свежий и яркий. Она восторженно рассмеялась и закружилась, раскинув руки, глядя в синее небо, потом вдруг замерла и посмотрела в глаза Хэлдиру, который с доброй усмешкой наблюдал за ней.

— Неужели есть люди, которые всю жизнь живут в таком месте? — восторженно спросила она.

— Есть,— ответил старец, и в глазах его промелькнула странная искорка, словно воспоминание о давно прошедшей боли, но столь мимолетная, что девушка не заметила ее.

— Они, вероятно, необыкновенно счастливы...— задумчиво произнесла девушка.

— Те, кому удается отрешиться от земного, не могут испытать счастья в полной мере, ибо все познается в сравнении. Гораздо счастливей те, кто не страшится невзгод, но за полноту чувств они платят высокую цену, и радость их быстротечна.

— О чём ты, старик? — удивилась Соня.

— Все в этом мире имеет цену, и чем сильнее радость, тем горче боль утраты.

— Твои слова порождают больше вопросов, чем дают ответов.

— Ты права,— кивнул Хэлдир,— я увлекся, а время ответов еще не приспело.

Соня развернулась и пошла прочь, в глубь долины. Туда, откуда навстречу ей огромными прыж-

ками приближался Вулоф. Он остановился в двух шагах и, встряхнувшись по-собачьи, коротко позвал:

— Идем!

— Куда?

— Хозяин ждет,— ответил он и понесся обратно, огромный и страшный, как ночной кошмар.

«Хвала богам,— с удовлетворением подумала Соня,— хоть зверье еще не разучилось разговаривать по-человечески».

Крысенок запищал, напоминая о себе, и Соня, оторвавшись от размышлений, присела на камень и склонилась над корзиночкой. Пошел четвертый день, и зверек уже не походил на того жуткого головастика, которого по приказу настоятельницы нес топить послушник. Теперь его покрывал пушок, да и само тельце заметно выросло и округлилось, а тоненькие лапки налились силой.

— Кто это? — спросил Хэлдир, остановившись рядом.— Я не раз порывался спросить, кого ты прикармливаешь, да как-то не вовремя все оказывалось.

— Это крысенок,— ответила Соня и рассказала всю историю от начала и до конца.

— Ну-ка, дай мне его,— попросил старик.

Соня вынула из клетки крохотное существо и положила его на большую морщинистую ладонь Хэлдира. Старец внимательно осмотрел зверька, словно держал в руках новорожденного младенца. Он поворачивал его и так, и этак, рассматривая со всех сторон, пока наконец не удовлетворил свое любопытство.

— Ну и как? — с улыбкой спросила Соня.— Чего высмотрел?

— Ты знаешь, что в Логове помимо всего прочего пытались создавать разумных животных? — вопросом на вопрос ответил он, чем немало удивил девушку.

— Не знала, пока ты не сказал.— Она пожала плечами.— Впрочем, догадывалась. Все эти волки говорящие... Они ведь не из лесу пришли.

— Верно,— согласился Хэлдир,— не из лесу. Всех их новорожденными волчатами принесли в жертву Белой Волчице, и благодаря проведенному ритуалу они обрели разум. Не такой, конечно, как у человека. Этого невозможно добиться сразу, но все-таки... Да ты и сама можешь судить о результатах!

— К чему ты клонишь? — спросила Соня.

Она начала уже терять терпение. Не то чтобы ей было не интересно, но уж больно неудачное время выбрал старик для разговора. В другой раз она с удовольствием послушала бы эту историю, но теперь... Север ждет, да и Вулоф уже прибегал за ними.

— Все очень просто, и следующий шаг очевиден. Создавать разумных помощников по одной особи скучно и долго. Вот если бы удалось получать разумное потомство... В короткие сроки можно собрать целую армию таких, как Вулоф, бойцов — сильных, умных, быстрых и беспощадных!

— Которые очень скоро смели бы остатки человеческой расы с поверхности земли,— закончила за него Соня.

— Вот видишь,— согласился Хэлдир,— ты сразу поняла, что ожидает людей, если опыт удаст-

ся.— Он помолчал, прежде чем заговорить снова.— Но это потому, что ты не ослеплена идеей. Когда происходит такое, никакие жертвы уже не принимаются в расчет. Счастье еще, что в своем ослеплении эти безумцы забывают кое о чем.

— О чём же?

Соня уже не думала о том, что Север ждет их. Ей не терпелось узнать, зачем старик заговорил об этом. К тому же она подозревала, что и кинжал, который она выкрадала, а потом, спрятав, не смогла найти, имел к обряду самое прямое отношение.

— Они забыли о богах.— Старик по-доброму посмотрел на девушку.— Они отреклись от богов, назвали их недоучками, позабыв в гордыне о том, что сами-то всего лишь игрушки в их руках! Но боги-то от этого не исчезли!

— Ты уверен в том, что говоришь? — спросила Соня.— Я что-то тоже не слишком-то верю ни в Митру, ни в Иштар, ни в Эрлика.— Соня подумала.— Лишь иногда обращаюсь к Белу, и он не подводит меня.

— Вот видишь...

— Да ничего я не вижу,— простодушно возразила Соня.

— А между тем все просто. Нет ничего удивительного в том, что боги отвернулись от людей, которые забыли о них, но это не значит, что они не существуют. Вот ты поминаешь Бела, и он тебе помогает.

— Ну, в моем случае дело, скорее, заключается в умении, позволяющем обойтись и без божественного вмешательства, зато когда оно мне потребовалось, я его так и не получила.

— Это значит лишь, что твоя просьба не укладывалась в божий промысел.

— Да? — насмешливо переспросила Соня.— А зачем мне тогда поклоняться богам, если все мои просьбы перестанут укладываться в... Как ты сказал? Промысел? Ага, в него. Впрочем,— одернула она сама себя,— сдается мне, что мы сильно отвлеклись.

— Похоже,— согласился Хэлдир и покачал головой.— Так вот,— продолжил он,— ты затронула интересную тему. Спорить о ней бессмысленно: у каждого из нас найдется множество доводов. Но я предлагаю тебе решить наш маленький спор иначе.

— Интересно, как это? — спросила девушка, щурясь на клоняющееся к закату солнце и закрепляя клетку с крысенком у пояса.

— Очень просто,— ответил старец.— На земле уже когда-то жили несколько разумных рас. Ты, вероятно, слышала о наагах и лемурийцах, хотя их было больше.

— Ну так и что?

— А то, что выжил только человек, и на пути к выживанию он истребил всех соперников.

— Могли победить и нааги,— заметила Соня.

— Могли,— согласился Хэлдир,— но тогда мы с тобой не разговаривали бы сейчас.

— Пусть так. Что же из этого следует?

— Из этого следует, что ни у Разары, ни у Лухи, ни у кого бы то ни было еще ничего не получится.

— Ты хочешь сказать, что он...— Соня невольно коснулась рукой висевшей на поясе клетки.

— Нет,— успокоил ее Хэлдир,— твой питомец разумен, уверяю тебя. То есть я хотел сказать, что он станет разумным.

— Но ведь ты только что сказал...

— Я не это имел в виду,— остановил девушку старец.— Если все волчицы Логова начнут приносить по шесть разумных щенков в год — это одно, но если за год появится всего один разумный волчонок, то ритуал жертвоприношения при всей его медлительности окажется даже более выгодным для Разары.

— Ну,— легкомысленно отмахнулась Соня,— это когда еще выяснится!

— Гораздо быстрее, чем, быть может, ты думаешь! — возразил старик.— Не забывай, что их интересуют не только волки. Я это говорю не просто так. Если вы с Вожаком составите пару, вам придадут ворона. Так вот, я уже говорил об этом Северу, повторю и тебе: вы должны настоять на том, чтобы птенец попал к вам слепым! Первого, кого видят вороненок, он считает своим родителем. Так вот, если он попадет к вам оперившимся, то будет служить вам, но останется шпионом Разары. Если ты возьмешь его слепым, он никогда тебя не предаст.

Ничего не ответив, Соня пошла вперед, по берегу ручья, уже не обращая внимания на россыпи необычных цветов, на мрачные скалы, увенчанные белоснежными шапками, пока далеко впереди не показалась огромная изба. Девушка даже не поверила своим глазам, пока не подошла поближе.

Четыре исполнинских камня, каждый из которых доставал девушке до плеча, расставленные по

углам, служили опорами. Соня зашла сбоку и посмотрела на венцы: ни один из них она не сумела бы обхватить и за два раза. Когда-то давно стыки между бревнами забили мхом, который, как ни странно, прижился, и теперь стены больше походили на замшелые скалы, что раскинулись вокруг. Крыльцом дому служил покатый настил из бревен средней толщины.

Соня покачала головой и поднялась наверх. Дверь отворилась легко и без скрипа. Тем не менее Север словно почувствовал ее и, не оборачиваясь, проворчал:

— Я уж думал, вы и вовсе не придетете. Вулоф сказал: разговаривают.

— Так оно и было! — рассмеялась Соня и тут же поинтересовалась: — Значит, поселишь ты нас здесь?

— Тебе не нравится?

— Почему не нравится? Просто мне понадобится еще кое-что.

— Например?

— Мне понадобится вода для умывания.

— Вода из ручья тебя разве не устроит? — удивился он.

— Конечно, устроит, но я не это имела в виду. — Соня досадливо поморщилась. — Здесь есть место с удобным спуском, чтобы я смогла умыться или выкупаться?

— Есть. — Север улыбнулся. — И ты увидишь его еще сегодня. Что-нибудь еще?

— Да, — кивнула девушка. — Здесь всего одна комната.

Хэлдир вошел в дом как раз в тот миг, когда Соня заговорила о спальных местах.

— А чего бы ты хотела? — уточнил Север.

— Я хотела бы иметь возможность уединиться.

— Это можно устроить, — ответил Север, — но давай сперва подумаем, стоит ли.

— То есть как это? — не поняла она.

— Можно сколотить деревянную стену. На это уйдет не слишком много времени, но нужно ли возиться? — Он внимательно посмотрел на девушку.

— Я могла бы обойтись и куском материи, — поджав губы, сказала она.

— И что ты станешь делать за этим куском?

— Как что? Переодеваться, конечно!

— Переодеваться?! — Север удивленно всплеснул руками. — Но ведь мы все увидим!

Она покраснела. Ведь и в самом деле — они все увидят! Но что же делать? Не возводить же в самом деле стену?! Она растерянно посмотрела на Вожака.

— Вон там ты сможешь переодеться, а спать можешь где угодно. Годится?

Она с готовностью кивнула. «Как же все-таки это глупо, — подумала она. — Нет, все. С сегодняшнего дня перестаю строить из себя принцессу. По крайней мере, в отношениях с Севером». Она посмотрела на Вожака и улыбнулась ему.

— А ты случайно не хранишь по ночам? — подозрительно поинтересовался тот и ехидно прищурился. — Я этого страсть как не люблю.

— Если так, то плохо дело, — поддержал его старец. — Но ты не горячись понапрасну. Сегодня

посмотрим, а завтра, если что, так и выставить недолго.

— Это куда же? — пролепетала Соня.

— Да к Вулофу с Вилвой,— небрежно отмахнулся Хэлдир.

— Ах, к Вулофу с Вилвой? — Соня наконец-то пришла в себя.— Вот вы туда и покатитесь, коли что-то вам не по нраву!

— Придется терпеть.— Север сокрущенно вздохнул.— Как думаешь? — и вопросительно посмотрел на старца.

— А куда денешься! — горестно поддакнул тот.

Девушка окинула обоих гордым взглядом, вышла и направилась к ручью. Она насчитала не менее сотни шагов, прежде чем прозрачный поток зажурчал прямо у нее под ногами. Девушка присела и, зачерпнув воды, омыла ею лицо. Вода оказалась ледяной, и в первый миг у нее перехватило дыхание, но почти сразу кожа словно разгорелась. Едва ли не сожалением она встала и пошла вдоль ручья к озеру. Здесь узкое плато расширялось. Прямо напротив, с другой стороны ручья, кругой склон образовывал уступ, от самой земли полого поднимавшийся вверх. Скорее, его можно было назвать дорогой или уж, по крайней мере, тропой, по которой свободно прошла бы лошадь с седоком, причем без малейшего риска свалиться вниз. Уступ шел вверх и скрывался за кромкой леса, прятавшего дальнюю часть ущелья. Насколько велик лес, она могла только гадать.

— Любуюешься? — услышала Соня за спиной голос, в котором не прозвучало и тени насмешки.— Я и сам люблю это место,— сказал Север,

останавливаясь рядом и вытирая только что вымытые руки куском чистого полотна.— Пойдем, я хочу показать тебе...

— Все? — насмешливо перебила она, окидывая взглядом озеро и лес, уходивший неизвестно куда.

— Зачем все? — удивился Север.— Для начала хотя бы то, что лежит вокруг дома, а лес увидишь завтра.

— Так ты меня на отдых сюда привез? — едва ли не игриво спросила девушка, и Север с удивлением отметил, что она пребывает в прекрасном настроении.

Они пошли вдоль ручья к берегу озера, и Соня увидела ряд гранитных осколков с плоскими вершинами, явно составлявших опоры несуществующего моста. Две из них врезались в противоположные берега, одна вросла в дно посередине, на локоть вниз по течению.

Девушка остановилась на берегу, совершенно завороженная открывшейся перед ней картиной. Далеко на западе огромным оранжевым глазом повисло предзакатное солнце. Сумерки еще не наступили, но день уходил, хотя Око Митры еще ласкало кожу своим теплом. Соня с наслаждением полной грудью вдохнула чистый и ароматный воздух, словно жаркое лето сменилось преддверием весны, и Север невольно улыбнулся, поняв ее.

Довольно широкое, озеро тянулось вдоль ущелья на восток, а затем поворачивало к югу и разливало свои воды примерно на такое же расстояние, опоясывая прекрасный луг, спускавшийся к самой воде. Соня разулась и пошла босиком по

траве, на которую до сих пор, кажется, не ступала нога человека. Девушка нагнулась и погладила маленькие белоснежные звездочки цветов.

— Это гальдэсы,— пояснил Север.

— Знаю,— кивнула Соня.— Хэлдир говорил мне.— И, подумав, добавила: — Никогда не слышала о таких.

— Конечно,— согласился Север,— ведь это цветы моей родины. Они очень редки здесь.— Он запнулся, словно задумавшись о чем-то.— Эта долина — единственное место, где я сумел найти их.

— Ты, наверное, родился очень далеко? — спросила она.

— Верно,— сказал он и тут же постарался сменить тему.— И я много где побывал. Я видел страны, где даже звезды на небе разбросаны не так, как здесь!

— Даже звезды разбросаны на небе не так...— мечтательно повторила девушка.— Как те, что у нас под ногами? — неожиданно спросила она.

— Нет, конечно.— Север улыбнулся и начал рассказывать: — А ты знаешь, что, когда солнце прогоняет снег, они уже стоят распустившимися и остаются такими на все лето? Ни один гальдэс не умирает, если его не сорвать! Они так и уходят под снег — белые цветки на белом снегу, пока их не засыпает до весны. Некоторые верят, что они так и стоят под снегом, дожидаясь прихода следующей весны.

— А если разгрести?

— Ничего не найдешь. Но на следующее лето все повторяется сначала. Дети верят, что они не растения, а живые существа. Как мы, люди.

Глава четвертая

Никто не будил Соню, но, как ни странно, на следующий день она проснулась рано, как в Логове: солнце еще едва поднялось над горами. Впрочем, девушка не жалела об этом. Мысль о том, что она могла пропустить такое чудное утро, показалась ей просто кощунственной.

Сев на постели, девушка увидела приготовленную для нее одежду — короткое платье изумрудного цвета и тоненький златотканый поясок. Несмотря на внешнюю простоту, платье выглядело необычайно нарядным и пришлося как раз впору, словно его шили по мерке, и Соня тут же вспомнила слова Севера о наметанном глазе Чандара. Или этот наряд выбирал Север? Соня улыбнулась своим мыслям и, тихонько что-то напевая, вышла из дома.

Вожак со старцем сидели за столом на поляне и негромко разговаривали, однако, увидев девушку, замерли в немом восхищении. Она кивнула обоим, словно королева своим придворным, и

собралась пожелать им счастливого дня, но в этот миг Хэлдир покачал седой головой:

— И такую женщину ты собрался гонять по горам!

Соня удивленно посмотрела на старца, а Север лишь рассмеялся:

— Да не собираюсь я ее гонять. Но давай договорим после... И не при ней,— добавил он тихо, но Соня все равно рассыпалась его.

— Опять секреты...— Лицо ее омрачилось.— А я уж подумала, что с этим покончено.

— Никаких секретов! — Север примирительно поднял руки.— Ты все узнаешь... В свое время. Не торопи события,— попросил он, и она кивнула в ответ.

Они не торопясь позавтракали вчерашней добычей волков и легким вином. Насытившись, Север встал, но Хэлдир жестом попросил его сесть и обратился к девушке:

— Тебя гнетет неизвестность? — спросил он и сам же ответил: — Это нормально. Но поверь мне, старику, не стоит ломать голову над тем, о чем ты не можешь ничего знать. Просто поверь мне на слово: к концу лета все опять встанет на свои места.

— Значит, все-таки тайна? — усмехнулась она.

— Все знать невозможно, даже такому старцу, как я! — воскликнул Хэлдир, и, хотя он говорил серьезно, глаза его искрились смехом.

Девушка закусила губу, посмотрела на обоих исподлобья и рассмеялась:

— Ну ладно, хитрецы! Будь по-вашему.

Она встала из-за стола, и, словно из-под земли, тут же возникли Вулоф и Вильва, готовые сопровождать ее.

— Все боишься, что я сбегу? — проворчала девушки, резко оборачиваясь и глядя Северу в глаза.

— Да перестань ты злиться,— не отвечая на вопрос, попросил он.— Ты только причиняешь боль себе, да и нам тоже.

Соня ничего не ответила, а только пожала плечами и пошла к озеру, туда, где видела накануне опоры давно не существующего моста. Север догнал ее, и они долго шли молча.

— Напрасно ты злишься,— повторил он наконец.— Хэлдир ведь сказал тебе: ты все узнаешь в свое время.

— Почти все,— напомнила она.

Север остановился на самом начале скалистого уступа, ведущего от озера к лесу.

— А чего ты хочешь? — спросил он, пристально глядя на нее.— Что ожидаешь услышать? Подумай сама, что ты скажешь, например, на это: мы заманили тебя в Логово, убили твоих друзей, твою подругу довели до самоубийства, саму тебя избили, но этого нам показалось мало, и мы взялись за тебя всерьез, но ты не расстраивайся. Мы тебя просто проверяли. Ты нам подходишь. Так что не злись и возглавь-ка нас! — Она уже открыла рот, чтобы ответить, но он не дал ей заговорить: — Да ты прибьешь меня, если только я произнесу хоть что-то подобное! А всех прочих посчитаешь недоумками, от которых лучше держаться подальше! Разве нет?! — насмешливо спросил он и направился дальше.

Соня же осталась на месте и некоторое время размышляла над его словами, а потом бросилась догонять.

— В том, что ты сказал, хоть что-то похоже на правду? — спросила она, когда они вновь шагали рядом.

— Конечно,— кивнул он.— Сама знаешь.

— Да ты что, нарочно злишь меня?! Издеваясь! Смеешься!

— Смеются и издеваются только враги,— спокойно возразил он,— я лишь подшучиваю, но могу перестать, если тебе это так неприятно.

— Да уж, сделай одолжение,— проворчала она.

Дорога поднималась все выше, слева ограниченная неприступной скалой, а справа — вершинами вековых елей. Несильный ветер раскачивал ветви, и прошлогодние шишки с приглушенным стуком падали на землю. Внезапно девушка, словно решившись на что-то, обогнала Севера и остановилась перед ним.

— А ну-ка выкладывай все! — потребовала она, упервшись руками в его могучую грудь.

Он внимательно посмотрел на нее и покачал головой:

— Правильно, видать, говорят мудрецы: для любой женщины существуют два мнения — ее собственное и неверное.

— Ты опять за свое?!

— Успокойся.— Он ласково взял ее за плечи.

— Руки! — закричала она.

— Да, прости,— согласился он, отпуская девушку.— Я просто хочу, чтобы ты усвоила своей пре-

лестной головкой: всему свое время. Помнишь, что произошло с Хантореком? — неожиданно спросил он.

— Ты о чём это?

— О том, как он поторопился отобедать прекрасными с виду шадизарскими пирогами и чем все это закончилось.

Некоторое время она внимательно смотрела на своего спутника, потом не выдержала и расхохоталась.

— К чему ты клонишь? — спросила она наконец.

— Не обижайся, но пока ты не готова слушать меня,— объяснил он.— Ты слишком раздражена. Но поверь, ты все узнаешь, как только я почувствую, что ты способна меня понимать.

— И когда же наступит сей долгожданный миг?

— Не знаю. Может, через луну, может, через седьмицу, а может, и завтра — все ведь от тебя зависит.

— Да уж...— Соня недоверчиво покосилась на него.

— Не сомневайся. Но для начала перестань видеть во мне врага.

— Да я...— Она даже растерялась на миг.

— А ты злишься из-за любого пустяка,— продолжил Вожак.

Он пошел вперед, а она поплелась следом, понимая, что он прав, и это злило ее больше всего. Опять! Она упрямо тряхнула головой, и роскошные волосы разметались по плечам.

— Мы прошли уже почти половину пути,— неожиданно сказал Север, останавливаясь.— Взгляни, какая красота!

Она обернулась и невольно замерла. Внизу простиаралось море сосен, почти как при подъёме на плоскогорье, только теперь деревья застыли в плотном строю прямо под ногами. Она посмотрела на запад, но не увидела ничего: ни дома, ни озера, ни ручья. Только две скалы высались вдалеке, да у самого горизонта убегала вдали горная цепь Граскааля с укутанными снегом вершинами.

— Ловко ты ушел от разговора,— заговорила девушка после долгого молчания, и Север улыбнулся, едва заметно, одними уголками губ.— Может быть, хоть что-то,— не отставала от него Соня,— ты можешь рассказать и сейчас? — Он посмотрел на девушку и понял, что так просто она от него не отстанет.— Самую малость! — попросила она, показывая ему кончик мизинца.

— Давай я сперва скажу тебе, отчего ты злишься.— Он пристально посмотрел на девушку и, дождавшись, когда она неохотно кивнет, продолжил: — Боги редко даруют кому-нибудь все в этой жизни,— начал он издалека.— Нечасто встретишь человека, обладающего и красотой, и умом, и здоровьем, и богатством.— Он вновь посмотрел на нее, и она опять кивнула, соглашаясь.— Ты получила от богов многое, но не все.

— Остальное я взяла сама,— гордо заявила Соня.

— Верно. Но забыла о том, о чем забывать нельзя. За все... нужно... платить.— Он говорил медленно, как с неразумным ребенком, делая ударение на каждом слове.— Ты добилась полной независимости, но не подумала о плате.

— Ты откуда знаешь, чего я добилась? — подозрительно спросила она.— Ханторек, что ли, рассказал?

— Хорош бы я был,— Север усмехнулся,— если бы полагался на слова отца-настоятеля. Он всего лишь маленькая тварь, хотя и большая дрянь. У меня свои люди во многих городах,— добавил он уже серьезно.

— И за что же я не заплатила? — поинтересовалась девушка.

— За что?..— повторил он задумчиво.— Чтобы объяснить это, позволь рассказать тебе одну старую притчу.— Он посмотрел на девушку.— Так вот, говорят, жил в древности далеко на востоке император Данг Па. Его страна славилась плодородными землями и трудолюбивыми людьми. В горах добывали золото и прекрасные камни, из которых придворные ювелиры изготавливали дивные украшения. Император знал, что где-то далеко не прекращаются войны, кто-то кого-то грабит, где-то заключаются союзы, но все это мало его тревожило. Он дружил с соседями и не имел врагов. Но главное — его ничто не интересовало, кроме одного: он занимался философией, и к зрелому возрасту на опыте своей жизни построил стройную теорию. Он даже думал, что открыл один из основополагающих законов, управляющих миром — любое действие обязывает того, кто его совершает, а бездействие не обязывает ни к чему.

— Ну и что? — не выдержала Соня.

— Шли годы. Война подкатила совсем близко. И тогда не на шутку встревоженные соседи пред-

ложили ему объединиться, ведь общими усилиями проще отогнать врага. Но он отказался, побоявшись взять на себя ответственность за жизни подданных, часть которых неизбежно должна была бы погибнуть в битвах. Так он и наблюдал безмолвно, как один за другим падают его друзья, пока не оказался в кольце врагов, только теперь уже в одиночестве. Однако даже тогда он не стал сопротивляться. Так его, сидящего на золотом троне, и проткнул ворвавшийся в тронный зал пьяный копейщик. Такая вот история.

— Ну а я-то здесь при чем?

Искренне удивленная, она капризно повела плечом. Капризно, потому что что-то не понравилось ей в этой притче, хотя она и сама не понимала, что.

— Ты? — Север опять улыбнулся, на этот раз не пряча улыбки, и она вдруг поняла, что этот суровый и сильный мужчина не просто справедлив или, быть может, расчетлив, как она полагала прежде, но добр, и улыбка ему идет гораздо больше обычной невозмутимости. — Ты возвела себя на престол, сумела стать некоронованной королевой правда, без владений и подданных, и поэтому тебе пришлось поставить себя особняком. Ты, словно богиня, восхлинула: «Сей мир принадлежит мне!» — Он помолчал. — И добилась своего. По крайней мере, думала, что добилась. Ты жила, как Данг Па, — брала от мира то, что считала своим, ничего не давая взамен.

Соня задумалась, чувствуя, что он прав, а Вожак молчал, не желая мешать ей. Они шли впе-

ред, и девушка не заметила, как дорога, до сих пор потихоньку поднимавшаяся, теперь пошла под уклон.

— Так ты считаешь, что мое появление в Логове — расплата?

— Ты так ничего и не поняла. — Север покачал головой и, упреждая новую вспышку гнева своей спутницы, продолжил: — Это не плата! Расплачиваются за совершенные преступления. Ты отошла в сторону, а в стороне еще никому не удавалось остаться надолго! Ты посчитала себя неуязвимой, и Рок показал тебе, что ты ошиблась.

— Закон подлости, — хмуро согласилась девушка.

— Можно сказать и так, — кивнул Север. — Но он, быть может, единственный закон, который неукоснительно выполняется в нашем мире. И хвала богам, что он существует!

— Хвала богам, ты сказал?! — возмущенно восхлинула Соня.

— Конечно, — не задумываясь, ответил он. — Рок обеспокоен тем, что твоя жизнь пошла не так, как нужно, и дает тебе возможность изменить ее течение.

— Не так, как нужно? Кому нужно?!

— Кому? Не знаю. — Север пожал плечами. — Быть может, тебе самой? — Он заглянул в глаза девушки. — Ты не думала об этом?

— Неприятности я привыкла называть неприятностями! — огрызнулась она и пошла быстрее.

— Данг Па тоже не понял, что судьба предоставила ему шанс. Согласись он на предложение соседей, и спас бы всех. Но он не понял и все потерял.

— Так ты утверждаешь, что все, что случилось со мной и моими друзьями, к добру?! — Она резко остановилась.

— Не нужно видеть в моих словах смысла, который я в них не вкладывал! Каждый сам в ответе за свою судьбу! — Он не отвел взгляда.— Сейчас ты можешь изменить свою, но упорно не хочешь осознавать это. В глубине души ты все еще мнишь себя королевой! Отсюда твое раздражение. Отсюда и твои злость, и нежелание понять меня.

От стыда и гнева кровь прилила к ее лицу, сделав его еще краше.

— Ты согласилась на предложение Ханторека, показавшееся тебе заманчивым,— продолжил Север, не обращая внимания на ее гнев,— а прия в Логово, обнаружила, что угодила в коварно расставленную ловушку, и твоя гордость получила первый удар. Молчи! — остановил он ее.— Я еще не все сказал! Но ты не отчаялась, и это делает тебе честь. Ты нашла убежище, хорошее, надо сказать, и решила переждать в нем, а утром ускользнуть, но и это не удалось. Как напроказившую девчонку, тебя взяли за ухо и выволокли на свет из темного угла, где ты пряталась. И ты разозлилась на меня за то, что я осмелился проделать это с тобой, такой замечательной и необыкновенной! Потом ты узнала о гибели друзей, и в твоей душе вспыхнула жажда мести. Затем повесилась Альрика, и ты решила отомстить всем и немедленно, и тут же поплатилась за это. И тогда ты надумала бежать, хотя наверняка знала, что ничего не выйдет. Знала ведь?!

Некоторое время они стояли друг против друга, как два упрямца, ни один из которых не желает уступать другому, и лишь по тому, как бурно вздымалась грудь девушки, Север мог судить, что творится у нее в душе.

— Ты так до сих пор ничего и не поняла,— грустно вздохнул Север.— Ты предпочла почетную смерть унижению и потому бежала. Ведь верно? Ты ведь нисколько не изменилась. Именно поэтому я и не желаю говорить с тобой: уязвленная гордость мешает тебе услышать меня.

— Ну и что ты предлагаешь?

— Ты должна осознать, что судьба дарит тебе редкую возможность изменить жизнь,— в который уже раз повторил он.

— Сомнительный подарочек,— проворчала она и невесело усмехнулась.

— Не могу не согласиться,— кивнул Север,— но тут уж ничего не поделаешь. Жизнь вообще штука непростая.

— Ну и что мне с этой возможностью делать?

— Да ничего,— просто ответил он.— Для начала постарайся успокоиться и просто живи. Не мучай себя вопросами и воспоминаниями. Сосредоточься на моих заданиях. Отвлекись. Если тебе это удастся, то, надеюсь, скоро мы сблизимся...

— А вот об этом забудь! — вскипела она.

— ...Настолько,— продолжил Север, будто не слышал ее,— что сможем наконец поговорить нормально. Думай о том, чего хотела бы добиться в жизни. Выбери цель. Без нее нельзя.

— А кто тебе сказал, что у меня нет цели? — удивилась девушка.

— Да? — заинтересовался Север.— И что же это за цель?

— Узнаешь в свое время,— мстительно заявила она и, обворожительно улыбнувшись, добавила: — Может быть.

Они пошли дальше, и Соня вдруг осознала, что стало темно. Как такое могло случиться? Неужели они проспорили весь день и уже наступил вечер? Она подняла голову и увидела, что небо быстро затягивает тучами.

— Бежим скорее! — крикнул Север и, схватив ее за руку, помчался вперед.— Хорошо, до дома недалеко.

И правда, почти сразу лес кончился, и они побежали по поляне, перескочив через несколько ручьев. Впереди, чуть правее, Соня увидела озеро. Значительно дальше слева, у самой стены скал, мелькнуло еще одно, поменьше, показавшееся странно темным и безжизненным, но рассматривать его было некогда. Над головой громыхнуло так, что в ушах зазвенело, и в дверь они влетели как раз в тот миг, когда по крыше забарабанили первые крупные капли. Вулоф с Вилвой уже поджидали их внутри, устроившись поближе к печи.

— Как прогулялись? — поинтересовался Хэлдир, когда дверь за ними закрылась.— Признаться, я рассчитывал, что вы вернетесь несколько раньше.

— Разговор получился долгим,— усмехнулся Север.

— Разговор! — хмыкнула девушка.— Из тебя же слова не вытянешь! О чём угодно готов распространяться, только не о том, что мне нужно! — Север беспомощно всплеснул руками.— Видеть тебя больше не хочу! — выкрикнула она и забилась в свой угол.

Тут Соня устроила себе нечто похожее на отдельную комнатку. Рядом с окном, выходившим на запад, стоял широкий топчан и небольшой столик, на котором разместилась клетка с крысенком.

— Я покормил его, пока вы гуляли,— сообщил Хэлдир, и Соня, кивнув, взяла зверька в руки.— Наверное, пора уже снова кормить,— добавил старик, и девушка опять кивнула.

Пока она кормила крысенка, мужчины собрали на стол. Блюда не отличались разнообразием. Мясо, жареное в угольях и тушенное в соусе, приправленном незнакомыми травами,— вот и все, что приготовил за время их отсутствия Хэлдир. Уловив аппетитный запах жаркого, девушка уселась за стол. Подливка оказалась настолько ароматной, что Соня и сама не заметила, как спряталась с двумя порциями, чего прежде за собой не замечала, но так и не узнала нового запаха. Это показалось ей странным. Она не считала себя большим энтузиастом кулинарии, но большинство кореньев и трав, идущих в приправы, ей доводилось пробовать. А сегодня она уже отведала совершенно не знакомого вина, а теперь и это блюдо благоухало по-новому.

Её это настолько заинтересовало, что она не сразу поняла суть начавшегося между мужчинами

ми разговора. Хэлдир с Севером говорили, как всегда, о войнах, и, может быть, именно поэтому она прислушалась к ним, только когда услышала слово «Логово».

— Думаешь, гирканцы не доберутся до Логова?

— Нет.— Север покачал головой.— Им понадобится несколько лет, чтобы собрать вновь силы, но даже если они решатся обойти северные отроги Кезанкийских гор, им придется ждать, пока сойдет снег, а после этого у них останется не больше луны. Если они не пройдут Гиперборею с ходу, то просто погибнут голодной смертью. Не забывай, льды надвигаются с севера. Каждое лето становится короче предыдущего.

— Пожалуй, ты прав,— согласился старец.— А вдруг они пойдут с юга?

— Тогда им придется сначала расправиться с Тураном, а это не так просто,— возразил Север.

— Только если...

— Ты прав,— согласился Вожак.— Если они объединятся, то только пикты смогут остановить их, но это будет страшная битва. От Хайбории камня на камне не останется.

— И нельзя забывать о юге,— напомнил старец.

Хэлдир многозначительно посмотрел на своего молодого друга, Соня поймала его взгляд, и невольный холодок пробежал по ее спине.

— О чем это вы толкуете? — стараясь казаться бодрой, осведомилась она.— И кто такой Юг?

— Не кто, а что,— усмехнулся Север.— Юг — это юг. Черный континент. Слышала о таком?

— Ну извини,— помявшись, сказала она.

— Да ничего. Я уже почти привык.

Старик смотрел на них, усмехаясь в бороду, и хотя не понимал, что кроется за этой легкой перепалкой, но не сомневался, что причина есть.

— И что же происходит на юге? — переспросила девушка.

— Если бы только на юге...— задумчиво проговорил Север.

Вроде бы он не сказал ничего страшного. По крайней мере, ничего такого, что могло бы смутить смелую, привыкшую к постоянной опасности девушку. И все-таки она почувствовала, как сильнее застучало сердце — как у ребенка, тайком заглянувшего в запретную комнату.

За окном полыхнуло, и, казалось, над самой крышей разорвались небеса, словно некто невероятно могущественный услышал ее мысли и подал знамение: это чужая тайна. Волки вскочили и глухо зарычали.

— Ну, ну,— принялся успокаивать их Вожак.— Это же просто гроза.

Он потрепал зверей по всклокоченным загривкам и уселся на скамью. Вулоф поворчал еще немного и лег на место, а Вилва долго еще смотрела в окно и время от времени порыкивала, словно чувствовала чей-то устремленный на них враждебный взгляд.

— Сколько живу, не припомню такой грозы,— заметил старик.

Соня прислушалась. Она любила слушать, как дождь барабанил по крыше, но на этот раз в дроб-

ном перестуке капель ей послышалось что-то тревожное. И это пламя, ревущее в очаге...

— Что-то Вилва никак не успокоится,— сказал Север.— Может, учуяла что?

— Ты думаешь? — Хэлдир внимательно посмотрел на него.— Ты не против, если я трубку закурю? — повернулся он к девушке.

— Ты куришь лотос? — удивилась она.

— Зачем лотос? — усмехнулся старец.— Я не бегу от жизни.

Он встал и направился к стоявшему на полу у наружной стены сундуку, поднял крышку, покопался в нем и вернулся назад со странной трубкой с длинным, тонким чубуком, совсем не похожей на кальяны, которые Соне уже приходилось видеть. В левой руке он держал небольшой ларец.

Девушка хотела что-то спросить, но он поднял вверх указательный палец, призывая ее к молчанию. Хэлдир открыл ларец, и тонкий аромат неизвестных трав наполнил комнату. Старик набил трубку и зажег ее от свечи, втягивая в себя пахучий дым. Как ни странно, запах показался Соне неожиданно приятным. Она чувствовала благоухание цветов и прелого сена, свежесть утреннего воздуха у реки, видела туман, медленно поднимавшийся над лугом. Девушка тряхнула головой: мужчины с улыбкой смотрели на нее.

— Предупреждать надо,— буркнула она, но тут же улыбнулась им в ответ.

— Предупреждают о дурном, девочка,— возразил старец,— а чудеса боятся слов.

Она огляделась по сторонам. Все вроде бы осталось по-прежнему, но все-таки что-то изменилось. Она продолжала чувствовать запахи, однако луг исчез, хотя туман остался.

Соня присмотрелась: Хэлдир покуривал трубочку, время от времени выпуская ароматные облака, но они не улетали прочь, как того можно было ожидать, а как-то сразу рассеивались, и туман, равномерно заполнивший всю комнату, по-немногу густел.

Соня прислушалась. Ливень ослабевал, и дождь уже не стремился пробить крышу, а лишь ласково гладил ее. Пламя, грозно гудевшее в очаге, затихло, дрова уютно затрещали, и девушка почувствовала, как повисшее было в воздухе напряжение рассеивается.

— И что все это значит? — сурово спросила она.

— Как думаешь,— не обращая внимания на девушку, повернулся к Вожаку старец,— ей можно сказать?

— Можно! Можно! — теряя терпение, крикнула она.

— Придется,— пожал плечами Север,— а то ведь не отвяжется.

— Мерзавцы вы. Оба! — подытожила она.— Молодой и старый! Ну?

— Не кипятись,— ласково улыбнулся ей Хэлдир.— Мы не собираемся тебя обманывать. Просто дело не совсем обычное...— Он замолчал, затягиваясь.— На Севера охотятся.— Соня вздрогнула от неожиданности: чего, чего, а уж такого она никак не ожидала услышать.— Или просто

следят,— продолжил старик.— Мы не знаем, а проверять не хочется.

Девушка посмотрела на Вожака, и тот кивнул, подтверждая слова своего друга.

— Все так. Когда я живу в Логове, все спокойно, но стоит мне выйти за его пределы и остановиться где-то, как начинаются неприятности. Сейчас мне пришлось укрыться на пару лун, чтобы позаниматься с тобой.

— В Бритунии найти подходящее место, где можно спрятаться на такой срок, непросто: уровень магической энергии здесь очень низок,— объяснил Хэлдир.— Только в горах. Это одно из таких мест. Пользуясь магией, здесь легко спрятаться. Но палка, как известно, о двух концах: если тебя все-таки обнаружат, то совсем непросто узнать об этом.

— Так нас нашли? — прошептала девушка.

— Не знаю,— задумчиво покачал головой старик,— но гроза показалась мне не совсем обычной, да и Вилва беспокоилась...

— И из-за этого вы всполошились? — Она перевела недоверчивый взгляд со старца на Севера.

— Опасность порождает осмотрительность,— назидательно заметил Вожак.— Если хочешь выжить, запомни это. В разумной осторожности нет ничего зазорного.

— Это верно,— кивнул старец.— Искали нас или нет, мы так и не знаем, но сейчас это неважно. Главное — скрыться, и этот дым надежно спрячет нас от любого ока. Теперь можно и поговорить.

— Вот и прекрасно,— согласилась девушка.— Так что там происходит на юге?

— Никто пока не знает доподлинно, но странные слухи приходят из Кешана и Дарфара.

— Вот уж никогда бы не подумала, что здесь, на севере, найдутся люди, которые боятся слухов с далекого юга.

— Не слухов, девочка, нет,— Хэлдир укоризненно кашнул головой и выпустил новое облако дыма,— а того, что стоит за ними. Сдается мне, что люди не зря припомнили старинное, давно забытое название Зархебы — Река Смерти. Говорят, что именно из-за нее в Черные Королевства по ночам пробирается Зло. И еще говорят, что Мертвый Город обрел новых хозяев, что они стоят за идущими с юга бедами.

— Странно... — протянула девушка.— Я несколько лет прожила в Заморе. Бывала и в Стигии, и в Дарфаре, но ничего подобного не слышала.

— Потому что не интересовалась,— спокойно объяснил Север.— К тому же на северном берегу Стикса мало кто слышал об этом, но в Стигии уже встревожены. С юга усиливается поток беженцев из приграничных государств, которые рассказывают о том, что на правом берегу Реки Смерти по ночам пропадают целые деревни — то ли жители уходят куда-то сами, то ли их угоняют.

— Впрочем,— прервал его старец,— все это пока лишь слухи.

— Слухи-то слухи. Но вот как хлынут с юга орды дикарей... — Вожак покачал головой.— Боюсь, это окажется пострашнее, чем пикты!

— Пикты? А что пикты? — не поняла Соня.

— Уже сейчас аквилонцы едва сдерживают их натиск,— пояснил Север,— но рано или поздно они не выдержат, и тогда...

— И тогда гирканцы ринутся им навстречу,— продолжил Хэлдир,— чтобы не упустить свою часть добычи, и если еще одна черная орда навалится с юга, то...

— От Хайбории вообще ничего не останется,— закончил его мысль Вожак.— Разве что север, который никому не нужен, потому что его и так скоро задавят льды.

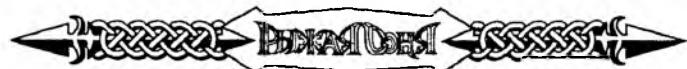
Несмотря на жарко горевший огонь, девушка зябко поежилась.

— Что же делать? — прошептала она.

— Живи! — Север пожал плечами.— То, что ты услышала,— лишь самое мрачное из возможных предположений, а боги избегают крайностей.

Некоторое время Соня молчала, прислушиваясь к потрескиванию дров в очаге и эвону капель за окном.

— Когда-то я слышала,— заговорила она,— уже, правда, не помню где, поговорку: «У бога людей много». Самое странное в том, что сказал ее не дикарь, поклоняющийся кровавому идолу, а почтенный проповедник, искренне верящий в Митру. Он имел в виду, что его веру и единоверцев есть кому защитить. Но, как ни странно, я тогда подумала о другом.— Она помолчала.— С донесением посыпают гонца, зная наперед, что дорога опасна. Гонец не возвращается. Тогда посыпают отряд из десяти человек — их постигает та же

участь. Потом посыпают сотню, но до места добирается только один. Теперь известно: чтобы один добрался до места, необходимо отправить сто человек, но и это не обязательно. Случайная стрела — и все пропало. И с каждым гонцом начинают посыпать по две сотни. Главное ведь, чтобы весть достигла цели, а людей у бога много!

— Э-э! Как ты судишь-то строго! — покачал головой старец.

— Потому что ненавижу! — уставясь в одну точку, сквозь зубы процедила девушка и посмотрела в глаза Хэлдиру.— Ненавижу всех этих аквилонцев, митрианцев, прячущих под красивыми одеждами похотливые тела, а под благожелательными улыбками — грязные мысли. Ненавижу тех, кто делает не то, что говорит, а говорит не то, что думает, потому что даже их извращенные умы стыдятся собственных мыслей!

Она сцепила дрожащие руки и прижала их к столу. Хэлдир продолжал покуривать, изредка выпуская ароматные облачка, а Север накрыл руки девушки своей большой ладонью и попытался заглянуть в глаза, но она упорно смотрела в сторону.

— Успокойся.— Он дружески сжал ее руки.— Не изводи себя.

Соня взглянула в честные глаза воина и неожиданно для себя захотела поделиться с ним на болевшим, даже если потом она пожалеет о сказанном.

— Ты не хочешь узнать, что со мной случилось? — спросила она.— Как родилась моя ненависть?

— Нет,— ответил он,— не хочу. Быть может, когда-нибудь я и услышу твою историю, но не сейчас. Ты уже завтра пожалеешь о своих словах. Ты еще не готова, королева.

Девушка нахмурилась, потом вдруг улыбнулась, правда не слишком весело.

— А ты хитрец,— сказала она.— Но ты прав. Еще не время.

— Спать пора,— сказал Хэлдир, подавив зевок.— Завтра встаем на заре и начинаем настоящие занятия.

— А дождь? — удивилась Соня.

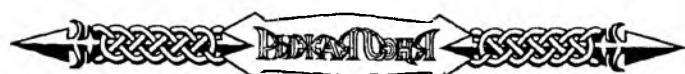
— Какой дождь? — хитро прищурившись, спросил он.

Девушка прислушалась. И верно — снаружи не доносилось больше ни единого звука. Она посмотрела в окно, затянутое ночной тьмой, и почувствовала вдруг, что действительно хочет спать. Она прошла в свой уголок, лениво разделись, залезла под шкуру и свернулась калачиком, но заснуть не успела.

— Ты когда собираешься к Лорне? — спросил Север, и его голос заставил Соню насторожиться.

— Дня через три, не раньше,— ответил старец.— Да ты не беспокойся: не в первый раз остается она одна. Завтра-послезавтра Феран по твоему заказу привезет из Келбаци фруктов. Еще через день Лорна заберет их у него.— Он посмотрел на Севера.— Тебя что-то тревожит...

— У меня не идет из головы поведение Виллы,— ответил Север.— Ты ведь знаешь, что после ритуала у них развивается не только ум.

— Что ты хочешь сказать? — спросил старец.

— Мне кажется, она что-то почувствовала,— пояснил воин.

— Ну и что?

— Да ничего.— Вожак лениво потянулся.— Просто мне это не нравится.

— Я не узнаю тебя, Север. Чего это ты вспомнился? Ну искали. Так ведь не нашли же! И больше уже сюда не сунутся. Чего им рыскать в этих горах?!

— А если успели что-то заметить?

— Тогда непременно вернутся, чтобы проверить, и мы всегда успеем ускользнуть,— уверенно ответил старец.

— А Лорна? — настаивал Север.

— А что Лорна? — переспросил старик, и Вожак недовольно пожал плечами: он не понимал вопроса. Впрочем, Хэлдиру и самому не нравилось то, что он говорил.— Слушай,— наконец заявил он,— иди-ка и ты спать!

Он указал на замершую под шкурой Соню, а та вовсе не спала. Едва услышав имя девочки, она открыла глаза, и, хотя ничем не выдала себя, сон как рукой сняло. Ишь как он заботится о ней...

«Ну что ты маешься, дура?! — хотелось ей прикрикнуть на себя.— Да ведь она же ребенок! Он заботится о ребенке!»

«Ребенок?! — с издевкой проскрипел отвратительный голос, который изредка являлся девушке, когда она пребывала не в духе.— Ребенок скоро подрастет — так всегда бывает! — Голос гнусно захихикал, словно заскрипел на ветру старый ста-

вень.— Мы видели! Мы вместе видели, кем станет этот ребенок через пять лет,— напомнил голос,— а потом через десять! А ведь она уже сейчас любит того, кого любишь и ты!»

— Я?!! Заткнись! — закричала Соня.— Уйди!

И вдруг почувствовала, что проснулась от собственного крика. Она испуганно открыла глаза и, стараясь не шевелиться, осмотрелась. Ни одна из ламп не горела, и огонь в очаге давно потух, но, когда она подняла голову, две пары желтых глаз уставились на нее из темноты. Соня приложила палец к губам, словно общалась с людьми, но волки прекрасно поняли ее и успокоились.

Девушка невольно припомнила свой сон, но, как ни странно, в памяти попеременно всплывали только три образа: длинноногая девочка, юная принцесса и молодая красавица. Она опять задремала, и эти три портрета поплыли перед ней в каком-то странном танце. Иногда между ними прокальзывал образ Севера, и тогда откуда-то издалека до нее доносился скрипучий голос: «Она любит его! Как и ты!.. Налетавший порыв ветра уносил прочь ехидный смех, и все начиналось сначала.

* * *

Окно распахнулось, и благоухающий дождем свежий воздух ворвался в комнату. Едва поднявшееся над горами солнце уже изливало на землю потоки благословленного тепла. Девушка быстро оделась и выбежала наружу: мужчины, как и накануне, сидели за столом и, когда дверь отворилась, тотчас обернулись.

— Как спала, воительница? — Соня удивленно посмотрела на Севера.— Кого ты там гнала ночью?

— Не помню уже, что и приснилось,— небрежно отмахнулась девушка.— Ты скажи лучше, что ты имел в виду под настоящими занятиями?

— Вот после завтрака и увидишь.

— Опять темнишь? — нахмурилась красавица.

— Да нет же! — усмехнулся он.— Первая маленькая проверка. Немного побегаем.

— Да какое же это испытание? Это удовольствие!

— Вот и прекрасно! Значит, сегодня опять отдыхаем.

Они не торопясь позавтракали и немного поболтали, перекидываясь ничего не значащими фразами. О вчерашнем разговоре, словно по взаимному договору, никто из троих не вспоминал. Наконец Север, который внимательно следил за солнцем, встал:

— Пора.

Хэлдир смотрел на них, качая седой головой. Он видел, как легко бежит Север, словно опытный воин на марше: ни одного лишнего движения, каждый шаг выверен. Возле него, словно мотылек возле костра, порхала девушка с медными волосами и потрясающестройной фигурой. Очень скоро, однако, они скрылись за деревьями, и старец еще раз покачал головой: девчонка, да и только! Почти как Лорна, даром что старше. Вспомнив о внучке, он невольно задумался. Может, действительно стоит поднять ее сюда, а коней отвести к Ферану? Но он тут же отбросил эту

мысль. Девчонка Северу шагу ступить не даст! А то еще, чего доброго, учуял в Соне соперницу, тем более что та тоже глаз с Вожака не сводит, только ершится. Он опять, уже в третий раз, покачал головой. Тут тогда такое начнется!..

Не чувствуя усталости, Вожак даже не замечал, что бежит. Он, как и девушка, радовался чудесному утру. Три шага — и вот он уже на другом берегу ручья, а дальше дорога пошла немногого вверх. Это ничего: потом будет легче. Мимо промелькнула девичья фигурка в изумрудно-зеленой тунике, оставлявшей открытymi сильные стройные ноги. Соня обогнала Севера шагов на пять, обернулась и побежала пятясь, изредка поглядывая назад, чтобы не упасть.

— Ты что, быстрей не можешь? — игриво спросила она.— Такой сильный воин!

— Дело не в скорости.— Не сдержавшись, Север улыбнулся в ответ.— Этот ритм бега выработан веками военной жизни. Так бегут воины, когда спешат на помощь попавшим в беду.

— Черепаха спешила бы быстрее!

— Ты плохо меня слушала.

Она остановилась и, сложив ладони в молитвенном жесте, торжественно произнесла:

— Прошу учителя простить свою нерадивую ученицу!

Затем она поклонилась и как ни в чем не было побежала рядом. Север снова улыбнулся:

— Не ты первая, кому приходит в голову светлая мысль бежать быстрее, чтобы подмога поспела вовремя. Я даже не знаю, сколько людей по-

гибло понапрасну из-за того, что помочь слишком торопилась. Преодолев четверть, треть, иногда даже половину пути, они валились с ног от усталости и дальше уже вообще не могли двигаться.

— Так ты собираешься выяснить, сколько я пробегу, пока не свалюсь с ног?

— Да нет, зачем же? — усмехнулся Север.— Ты ведь не воин.

Некоторое время они бежали молча. Север и сам не заметил, как за разговорами они поднялись до наивысшей точки. Дорога пошла под уклон.

— Половина дороги! — обрадовалась Соня и, смеясь, закружилась, раскинув руки.

Густые локоны разметались, но внезапно она остановилась перед ним и подняла повыше подол платья.

— Чем же тебе не нравятся мои ножки, благородный воин? — спросила она и расхохоталась, когда увидела, как старательно он отводит взгляд.

Довольная своей выходкой, Соня опять впринрыжку помчалась дальше. Впрочем, далеко она уже не убегала, так что поляну перед домом они преодолели вместе и одновременно увидели улыбающегося Хэлдира. Тут девушка вырвалась вперед и, схватив старика за руки, закружила его.

— Как хорошо-то! — воскликнула она, отпустила его и уселась на скамью перед столом как раз в тот миг, когда к ней подбежал Север.

— Не время рассиживаться,— заметил он, не останавливаясь.— Мы прошли только половину пути.

— Как половину? — невольно вырвалось у девушки, но она тут же вспомнила, что сама закричала: «Половина дороги!», — и осеклась.

— Половина, — спокойно подтвердил он, — но если ты слишком устала, скажи.

— Вот еще! — пренебрежительно фыркнула она и побежала вперед, правда, уже не так резво.

Север все тем же пружинистым шагом двинулся следом. «Словно и не осталось позади двух лиг» — подумал Хэлдир и опять проводил их взглядом. Теперь они бежали плечом к плечу, и девушке уже не казалось, что он бежит медленно. Каждый шаг давался с усилием. Дорога поднималась в гору, и Соня чувствовала, что усталость накапливается. Где-то на середине подъема Вожак заметил, что, хоть Соня и старается изо всех сил, надолго ее не хватит.

— Ты сбила дыхание, — сказал он. — Дыши реже, но глубже: два шага вдох, три — выдох.

— Дышу, как могу! — огрызнулась она, но через полсотни шагов движения ее стали легче.

Когда они во второй раз подбежали к столику, за которым над какими-то записями сидел Хэлдир, далеко перевалило за полдень. Оба остановились, и старец перевел испытующий взгляд с Вожака на девушку.

— Ничего страшного! — небрежно бросила она. — Я бы и еще столько же смогла.

— Отличная мысль, — невозмутимо согласился Север. — Побежали!

И, не обращая внимания на вытянувшееся лицо девушки, он пошел на третий круг. Хэлдир нахмурился и посмотрел на волков:

— Пора разводить огонь. Вряд ли они побегут четвертый круг, — пояснил он и отправился за хворостом.

Бегуны перебрались через ручей, но, как только дорога пошла вверх, Соня почувствовала, что ноги ее наливаются свинцом, а каждый шаг дается тяжелее предыдущего. Она с трудом заставила себя поравняться с Севером.

— Возьми себя в руки, не расслабляйся! — попытался он ободрить девушку. — Скоро станет легче!

Соня промолчала: берегла силы. Дорога нехотя откатывалась назад. Опять показались верхушки сосен, но легче не становилось.

— Возьми это. — Север протянул ей небольшую тряпицу.

— Что... Это?

— Кусок полотна. Сожми его зубами — станет легче.

Она недоверчиво прикусила край сгиба и побежала, изо всех сил пытаясь убедить себя в том, что это помогло, но вдруг представила, как глупо выглядит со стороны с тряпкой во рту.

— Снаружи! Снаружи она должна находиться! — сердито прикрикнул на нее Вожак. — Что ты ее в рот тянешь? Еще проглотишь!

— Тьфу! — Она с ненавистью выплюнула ни в чем не повинный кусок материи. — Сам бегай так, если тебе нравится, а я обойдусь!

Ее лицо вспыхнуло от негодования. На какое-то время Соня почувствовала прилив сил и вырвалась вперед, чтобы он не маячил рядом.

* * *

Солнце клонилось к закату, и в его оранжевых лучах пламя костра казалось совершенно прозрачным. Только струи горячего воздуха, поднимавшиеся от земли, напоминали о том, что огонь еще не умер. Дивный аромат печеной оленины распространялся далеко вокруг.

Хэлдир уже заканчивал нехитрые приготовления к встрече своих молодых друзей. Он расставил на огромном столе три деревянных блюда, а рядом с ними — три простых бронзовых кубка. Оплетенная лозой бутыль высилась на краю стола, рядом с ней на подносе лежал каравай хлеба. Угощение, конечно, небогатое, но, чтобы утолить голод, его хватит с избытком. Хорошо хоть о Вулофе с Вилвой заботиться не нужно.

Стоило ему подумать о волках, как они вдруг зашевелились. Вилва встала, отряхнулась и как-то странно склонила голову набок, а Вулоф издал пренебрежительное «кых!» и ткнулся мордой в лапы.

Хэлдир повернулся. Север шел все той же легкой, пружинистой походкой, неся на руках девушку. «До смерти загонял!» — мелькнула дикая мысль, но он тут же отбросил ее.

— Отодвинь-ка тарелки, — велел Вожак.

Он осторожно перекинул ноги девушки через скамью и бережно усадил ее рядом с собой. Она безвольно прижалась щекой к гладкой прохладной столешнице и, свесив руки со стола, замерла. Север пристроился рядом и, посмотрев во внимательные глаза Хэлдира, вытер пот со лба.

— Устал? — спросил старец, хотя вопрос казался неуместным.

— Будто демонов гонял, — выдохнул Север.

— Это ты кого имеешь в виду?! — встрепенулась Соня.

— Ну, ну! Успокойся! — Вожак придержал ее за плечи, в основном опасаясь, как бы она не упала со скамьи. — Шутил я!

— Да за такие шутки у нас в Шадизаре...

— После... После расскажешь, — перебил он ее, и девушка послушно замолчала. — Сейчас тебе нужно поесть и отдохнуть.

— Не хочу, — немного подумав, ответила она.

— Нужно, — настаивал Север.

— Не хочу и не буду, — вяло капризничала Соня.

— Оставь ее. — Хэлдир тронул Вожака за руку. — Она и есть не станет и уснуть не сможет. — Он взял бутыль и налил в кубок вина. — Выпей-ка этого, дочка.

Она посмотрела на старца мутными от усталости глазами и кивнула, принимая из его рук кубок. Пила она понемногу, смакуя незнакомое вино, а когда выпила, взгляд ее прояснился.

— Ну? — Север вопросительно посмотрел на нее.

— Нет! Я уже пришла в себя и не хочу пропустить такой чудный закат!

Север пожал плечами, но спорить не стал. Они заговорили с Хэлдиром, однако после первых же слов Соня начала терять нить разговора. Она зевнула, но, когда Север протянул к ней руку, сердито оттолкнула его. Правда, взводрилась она не надолго. Скоро зевки последовали один за другим.

гим, и, тряхнув головой, она подняла на мужчин осоловевшие глаза.

— Все! — заявила она.— Хочу спать. Если еще раз зевну, у меня рот порвется...

Встать ей удалось только с третьего раза, но она негодующе отвела руку Севера, когда он попытался помочь. Дальше пошло легче. Однако, дойдя до края стола, она успела сделать всего два шага, прежде чем обнаружила, что дальше опоры нет. Хорошо, что Север успел подхватить ее на руки. Соня, правда, тут же потребовала отпустить ее, но Вожак будто не услышал ее. Она в досаде стукнула его кулаком в могучую грудь, но вырываться тем не менее перестала.

Хэлдир следил за ними, пока дверь не закрылась, и только после этого отвернулся. Никогда еще ему не приходилось видеть такой красивой, умной и в то же время своенравной девицы, как Соня. Когда несколько дней назад Вожак прислал ему весточку о предстоящей затее, старик подумал, что за кратким сообщением кроется нечто иное. Что-то такое, о чем принято говорить лишь при встрече, но теперь понял, что его друг не слукавил, выложил все как есть, да, пожалуй, еще и поскромничал, и дело предстоит даже более серьезное, чем ему представлялось.

Вожак подошел, как всегда, бесшумно, уселся за стол напротив, взял оплетенную бутыль, разлил вино по кубкам и залпом осушил свой.

— Загоняла она меня,— честно признался воин и, достав нож, отрезал огромный ломтик душистого хлеба и положил на него еще больший кусок мяса.

— Она тебя? — удивленно спросил Хэлдир, сделал пару глотков и тоже принялся за еду.— Она хорошая девушка,— непонятно зачем сообщил старец, и Север кивнул, соглашаясь.— Ты не боишься, что она не выдержит? Чтобы понять это, даже не нужно ставить вас рядом.

Север проглотил кусок и запил его вином.

— Ну и что же ты предлагаешь? — поинтересовался он.

— Ну уж во всяком случае...

— Нет, ты подожди,— остановил его Север.— Что мы имеем? Ты, я, Вулоф с Вилвой и крысенок, но он, конечно, не в счет. Кстати, ты покормил его? — Старик, улыбнувшись, кивнул, и Вожак продолжил: — И есть Соня.

— Умна, красива и своенравна,— высказался Хэлдир.

— Верно,— согласился Север,— но у меня всего две луны. Что мне делать с ее своеволием?

— Может быть, просто постараться этого не замечать?

— Если оставить все как есть, я не смогу на нее положиться,— устало объяснил Север.— Она готова делать все, что приходит ей в голову, а мысли у нее бывают самые неожиданные.

— Но то, что ты сделал сегодня,— возразил Хэлдир,— тоже не выход. Она долго не выдержит.— Он пожал плечами.— Если не решил взять ее измором, не забывай, что она девушка.

— А я и не знал! — всплеснул руками Вожак, и некоторое время оба молчали.— Кстати. Ты говорил о ломке характера? Это невозможно. Она

никогда не станет тихой и покорной, зато может озлобиться и затаиться. Уже сейчас в ней живет нещупочная обида. Помнишь вчерашний разговор?

Хэлдир кивнул и задумался:

— И все-таки что ты собираешься делать?

— По правде говоря, и сам не знаю. Пока все катится само собой.— Север отрезал себе еще мяса и принял лениво жевать.— Ты знаешь,— он налил себе еще вина,— как ни странно, я ничего не имею против ее выходок. Мне по душе, когда человек не скован никакими рамками. Но! — Он поднял указательный палец.— Только до тех пор, пока блажь не мешает делать дело. Она должна знать свое место, а в остальном пусть поступает так, как считает нужным!

— И как же ты собираешься ставить ее на место? — помолчав, поинтересовался старец.

— Да уж не беспокойся — не так, как Кучулуг,— ответил Север и припал к кубку.

— Да? А что же там произошло?

— Он копил жалобы на нее от наставников,— принял рассказывать Север,— дождался, когда я покину Логово, и решил проучить ее. По-своему.

— То есть? — не понял Хэлдир.

— Он взялся доказать ей, что там, где бал правит сила, женщине лучше скромно помалкивать.

— И чем кончилось дело?

— Под восторженные крики послушников он полетел в песок.

— Ай да девочка! — покачал головой Хэлдир.

— Вслед за Юргом,— добавил Вожак.

— Вот это да! Почему ты мне раньше не рассказал об этом?

— Потому что после этой стычки она седьмизу провалаась в постели,— закончил Север рассказ.— Так что при ней ты лучше не упоминай об этом. Ладно?

— М-да... И что ты будешь с ней делать?

— Я ведь уже сказал: пока и сам не знаю! Ей предстоит кое-чему научиться, а она вместо этого стремится показать, что во всем превосходит меня. Но ведь это смешно! Ей состязаться со мной как с воином — все равно что мне состязаться с ней в красоте! Чушь какая-то!

— Постарайся все-таки ответить на мой вопрос,— попросил старец.

— Ну хорошо.— Север кивнул.— Я не знаю, что мне делать,— повторил он, еще раз подумав.— Зато знаю, что, если у меня ничего не получится и мы вернемся в Логово такими, какими ушли, Разара сразу все поймет. Она ведь очень умна. Она тут же вспомнит, что по милости строптивицы потеряла две луны, что рухнули ее надежды, и расправа не заставит себя ждать — быстрая смерть. Это в лучшем случае.

— И ты допустишь это?

— Нет, конечно.— Север спокойно пожал плечами.— Но что я могу сделать? — На этот раз уже он вопросительно посмотрел на Хэлдира.— Только отпустить ее. Что тогда Разара сделает со мной? Вот и думай теперь ты тоже.

— И все-таки,— напомнил старец,— обходись с ней помягче.

* * *

Соня проснулась и долго лежала не открывая глаз. Она никак не могла припомнить, что с ней произошло, равно как и понять, где находится. Вроде бы они вчера бегали... Но почему тогда она не чувствует тела? Она сосредоточилась и с трудом открыла один глаз, но тут же зажмурилась: яркий свет плеткой ударил по глазам, как будто солнце висело над самой головой.

— О, Бел! Да что же такое происходит?! Помнился, Север говорил, что это всего лишь проверка. Самая первая и, надо понимать, самая легкая. Девушка попыталась шевельнуться и почувствовала, что тело болит так, словно ее вчера отлупили палкой. Превозмогая боль, Соня отбросила укрывавшую ее шкуру и осторожно села, затем медленно поднялась, кое-как оделась и на негнущихся ногах побрела к выходу.

Она толкнула дверь и, прищурившись, посмотрела по сторонам. Север, увидев, что девушка держится за дверной косяк, бросился к ней, чтобы помочь, но Соня оттолкнула его руку и неуверенной походкой направилась к ручью умываться. Довольно скоро она вернулась, подошла к поджидавшим ее мужчинам и медленно села на привычное место.

— Как вода? — поинтересовался Север.

— Холодная слишком, — огрызнулась она, даже не удостоив Севера взглядом.

— Тут уж ничего не поделаешь, — примирительно произнес Хэлдир. — Как-никак с гор течет!

— Как спала? — спросил Север.

— Как покойник, — угрюмо проворчала девушка. — Твоими стараниями. Кстати, и сейчас чувствуя себя не намного лучше. И солнце еще сегодня, как назло, слишком яркое.

Мужчины молча переглянулись. Хэлдир состроил Северу гримасу и кивнул на девушку: мол, говорил я, что ты перестарался! Вожак пожал плечами и направился в дом. Почти сразу он вышел, неся в руках лук и колчан со стрелами.

— Припасы у нас на исходе, — сообщил он, по-видимому, Хэлдиру, потому что Соня, казалось, даже не услышала его. — Пойду поохочусь. Вулоф! Вилва!

Волки вскочили с места и побежали знакомой дорогой. Север пошел следом и сделал уже не меньше сотни шагов, когда услышал капризный голос:

— Не хочу мяса! Горячее!

Судя по всему, Хэлдир пытался покормить девушку. Вожак покачал головой и отправился дальше.

— И вообще, жарко мне! — не унималась Соня.

— Ну так пойди в тень, — посоветовал старец. — Я тебе постелю шкуру за домом. Отдыхай.

Он и вправду сходил в избу и вернулся с огромной медвежьей шкурой. Соня встала и угрюмо поплелась за ним следом. Оставив ее в одиночестве, Хэлдир занялся своими делами. Он прекрасно понимал, как она должна чувствовать себя, и решил не докучать ей. Однако Соня тут же пришла обратно, все такая же недовольная.

— Что на этот раз не так?

— А ты сам попробуй, узнаешь, — посоветовала девушка. — Там, в тени, настоящий ледник.

Она надула губы и вдруг смущенно улыбнулась: — Не сердись на меня, Хэлдир. Я сама не знаю, что со мной, а сегодня... — Она не закончила, помялась, и добавила: — А сейчас мне просто скучно.

— Это называется встать не с той ноги, — улыбнулся Хэлдир, и глаза его привычно заискрились смехом.

— Да, наверное! — рассмеялась Соня, чувствуя, как рассеивается ее дурное настроение.

— Поешь немного, — предложил Хэлдир, — мясо уже остыло.

Соня кивнула и смущенно уселись за стол.

— Тебя что-то тревожит? — поинтересовался старик. — Укрепись сердцем, девочка. Больше ты ничем не поможешь себе.

Она недоверчиво посмотрела на него: с чего это вдруг такая забота? Ей редко в жизни встречались хорошие люди. Каждый в отношениях с ней искал какую-то выгоду, и постепенно девушка научилась думать только о себе, стала волком-одиночкой. Лишь однажды за долгие годы судьба сблизила ее с кем-то и тут же развела. При воспоминании о погибших друзьях ей стало невыносимо горько. Захотелось поделиться с кем-то, быть может, просто пожаловаться, чего она не позволяла себе бог весть сколько времени.

— Тебе легко давать советы, — вздохнула она, — а меня заманили в ловушку — в Логово! А там... Едва я успела обрести друзей, как их там убили! — Она посмотрела на старца. — Не за богатство, не за связи — без всякой выгоды. Просто так! Раз — и нет их! Ты понимаешь? А ты говоришь: укрепись...

— Да, — кивнул Хэлдир, помолчав, — и в моей жизни такое случалось, а потому я знаю: груз памяти — тяжелый груз. Очень тяжелый! К сожалению, радости забываются быстро, а печали, — он скорбно опустил голову, — никогда.

— Я рада, что ты меня понял.

— Да, понял, но скажу тебе и другое: каждый сам в ответе за свою судьбу. — Она вздрогнула, ведь те же самые слова говорил ей и Север! — Они погибли, но ты должна жить!

— Жить? — переспросила девушка. — А как жить с этим? Научи.

— Все-таки нужно жить, — настойчиво повторил старец. — И хоть от памяти не уйдешь, бесмысленно скорбеть об уратах. Когда лишился руки, что толку сожалеть о том, что не можешь играть на лютне? Научись петь.

— Грустная получится песня, — покачала головой девушка.

— Невеселая, — согласился Хэлдир, — но все-таки песня. И остается еще работа. Когда мне плохо, я стараюсь работать больше, и это помогает. Поверь мне.

— Это как вчера? — Соняsarcastically usmehnula. — Не спорю, я отвлеклась, но от такого лекарства и помереть не долго.

— Ну-ну! Все не так страшно. — Старик улыбнулся. — Это неначатая работа долго тянется, а ты уже в пути. Дальше будет проще, — успокоил он.

— Что-то слабо в это верится.

— Он ведь проверил тебя на выносливость, а это суровое испытание. Ну, и наказал немного, — подумав, добавил он.

— Это за что же? — вскинулась девушка.

— За хвастовство, милая. Но если хочешь, можешь считать, что он просто проверял, правду ли ты сказала. За свои слова нужно отвечать.

— Да я ведь просто пошутила!

— Ты похвасталась,— поправил ее Хэлдир.

— Да какая разница? — удивилась она.

— Для кого как,— покачал он головой.— Мы редко хвастаемся, но когда позволяем себе эту слабость, то либо выполняем обещанное, либо умираем, пытаясь сделать это.

Она то ли изумленно, то ли недоверчиво покачала головой.

— Ничего, все образуется,— улыбнулся старец.— Во-первых, люди привыкают друг к другу. Как ни печально, а в мире нет идеальных людей, есть лишь идеальные цели. И Север — один из лучших, уж ты поверь мне.

Он замолчал, и некоторое время они сидели молча.

— А ты давно его знаешь? — неожиданно спросила девушка, и старик вздрогнул, словно очнувшись от каких-то своих воспоминаний.

— Севера? — на всякий случай переспросил он и, когда Соня кивнула, ответил: — Конечно. Мы же с ним из одних мест. Впрочем, ты и сама, наверное, уже догадалась об этом.

— Интересно, где эти места?

— А сама ты как думаешь?

— Не знаю.— Соня пожала плечами и задумалась, в то время как Хэлдир с интересом наблюдал за ней.— Не северянин,— начала она рассуж-

дать вслух,— и явно не с востока. Не шемит и вообще не южанин. На зингарца тоже не похож. Аквилонец? Вряд ли. Скорее, немедиец, но и тут я не уверена. Нет. Сдаюсь! — Она решительно подняла руки и тут же вновь принялась за мясо.— Ну так как? Откроешь секрет? — Она насмешливо посмотрела на Хэлдира, но тот отрицательно покачал головой.— Что? — удивилась она.— Так-таки и не скажешь?

— Не могу,— улыбнулся он.

— Страшная тайна? — спросила девушка, заговорщически подмигнув ему.

— И да, и нет,— попытался отшутиться старец, но по выражению лица девушки понял, что так просто она от него не отстанет, и заговорил серьезно: — Я просто не знаю, как тебе рассказать. Я ведь не силен в географии. Мы оба с одного острова, который называется Ак Сал, что в переводе означает Каменный остров. Где он находится, я не знаю. Уж ты поверь старику.

— И как же вы вернетесь туда? — ехидно поинтересовалась она.

— Пока даже не представляю,— просто ответил старец.

— То есть как это? — удивилась девушка.

— Ну, если хочешь, считай, что мы беглецы.

— А Лорну-то зачем с собой взяли?

— Это слишком долгая история,— ответил старец так, что она сразу поняла: настаивать бесполезно.

— Как же Север стал Вожаком? — продолжала допытываться девушка.

— Честное слово, не знаю,— усмехнулся он и, видя, как недовольно хмурится девушка, пояснил: — Мы ведь прибыли сюда в разное время. Зато могу сказать тебе,— продолжил он, прекрасно понимая, что вряд ли ее удовлетворит столь краткое объяснение,— что он попал в Логово не так, как ты, а сперва очутился в Гиперборее, и уже из Похиолы его направили к Разаре.

— А чем вообще занимаются в Логове?

— Все, что знал, я рассказал тебе.— Хэлдир улыбнулся.— Я ведь даже не бывал там ни разу.— Он посмотрел на хмурое лицо девушки.— По-моему, ты хочешь от меня слишком многоного. Не проще ли тебе спросить обо всем у самого Севера?

— Да он такой же скользкий, как и ты! Слова не вытянешь!

Соня замолчала, задумавшись о другом. Она не сомневалась, что эти двое тесно связаны друг с другом. Не зря Север именно Хэлдира взял с собой! Как бы там ни было, но она чувствовала, что старик готов хоть целый день разглагольствовать о душевных качествах и воинской доблести своего молодого друга, но стоило ей только заговорить о том, что происходит сейчас, или коснуться их общего прошлого, как она натыкалась на неприступную стену. «Эгей! Соня! А не сгущаешь ли ты краски?» — спросила она сама себя.

— Чем так плохо на вашем острове, что вам пришлось бежать? — вдруг спросила она.

— Меня ведь привезли сюда родители, когда я был младше Лорны,— усмехнулся старик,— и я мало что помню.

Соня рассеянно кивнула: «Ну да, конечно. Стальный врун» С другой стороны, каждый имеет право на свою тайну. Какое ей дело до чужих секретов? Однако она нутром чуяла, что секреты эти вплотную касаются или вот-вот коснутся ее, но что это меняет? До тех пор, пока они не решат, что время настало, она не узнает ничего.

— Ты колдун? — неожиданно спросила она.

— С чего это ты взяла? — удивился он.

— Да брось! — Соня недовольно поморшилась.— Трубочка твоя с табачком, от которого гроза утихла...

— Ну,— он пожал плечами,— дождь-то, может, и сам прошел.

— Может,— согласилась она.— И огонь в очаге сам угомонился.

— Да? Не заметил,— усмехнулся он.

— А как насчет разговоров о магических областях? — Соня пытливо посмотрела на старца.

— Да,— рассмеялся он.— Много же я наболтал лишнего. Но, надеюсь, ты не попросишь, чтобы я взял тебя в ученицы?

— Не попрошу.

— Тогда зачем тебе это? — уже серьезно спросил Хэлдир.

— Просто надоело, что вы оба такие умные, а я ни на что не гожусь! — хмыкнула она.

— Да годишься ты, годишься! — рассмеялся старик.— Просто торопишься очень и забываешь, что тот, кто спешит, рискует промахнуться. Если бы я, изучая Высокое Искусство, позволил себе торопиться, возможно, мы и не встретились бы с тобой.

— Неужели это так опасно? — недоверчиво поглядела на него девушка.

— Да, — кивнул старец. — В жизни вообще, не только в магии, приходится отвечать за каждый поступок.

— Кажется, я уже слышала об этом от Севера.

— Не удивляюсь, — согласился Хэлдир. — Вожак привык думать, прежде чем что-то делать.

— Но ведь это же так скучно, — заявила девушка, капризно наморщив хорошенъкий носик.

— Очень скоро это переходит в привычку, и ты просто становишься Человеком.

— Ну, не знаю. — Она пожала плечами. — Жизнь так коротка... Стоит ли усложнять ее?

— Разве так уж важно, как скоро ты умрешь? — возразил Хэлдир, и Соня удивленно посмотрела на него. — Гораздо важнее, как ты прожил эту жизнь.

— Конечно, конечно, — не задумываясь согласилась она, и Хэлдир понял, что слова его не достигли цели.

Он поморщился и иронично заметил:

— Ты, наверное, как и многие, мечтаешь о вечной жизни!

— А как же! Что здесь плохого?

— Об этом чуть позже, — остановил он девушку. — Для начала я хочу, чтобы ты поняла: твое желание противоестественно. Древние философы говорили, что человек рождается для того, чтобы умереть. А жизнь — это всего лишь ежедневная отсрочка неизбежного.

— Не надо только философствовать, — замахала руками девушка. — Многие так называемые вели-

кие истины на поверку оказываются всего лишь точками зрения, и ты никогда не докажешь другому свою правоту!

— Что ж, — усмехнулся старец, — совсем неплохо! Но, как бы ты ни относишься к моим словам, нельзя забывать, что ничто нас так не старит, как годы. — Он внимательно посмотрел на девушку, но на этот раз она слушала не перебивая. — А ведь время летит! Его ничем не остановишь. Так не лучше ли прожить отпущенный тебе срок по-настоящему?! Не торопись! — остановил он ее. — Погдумай! Здесь ничего не изменят ни лишний день, ни луна, ни год.

— А сколько тебе лет, Хэлдир? — спросила она.

— Много, — коротко ответил он.

— Ну сколько — много? — не уступала она. — Мне тоже много! — Хэлдир пренебрежительно хмыкнул, и она поспешила добавила: — По сравнению с Лорной, к примеру.

— Ну а мне много по сравнению с тобой! — рассмеялся седовласый хитрец.

— Нет, ты скажи!

— Мне так много лет, что ты и представить себе не в состоянии.

— Ну уж? — усомнилась она и гордо добавила: — Я могу представить довольно-таки большое число!

— Увеличь его в два-три раза, — кивнул он, — и тогда сможешь примерно представить.

— Так много?! — Девушка нарочито ужаснулась и прижала ладони к щекам.

— Точно! — радостно согласился он, и оба расмеялись. — Между прочим, — вдруг начал Хэл-

дир,— что касается Севера... Если хочешь, могу рассказать, почему ты злишься на него.

— Интересно послушать,— ответила она.

— Он задумывается над ценой поступков, своих и чужих, то есть делает то, на что тебе время тратить жаль, ибо это скучно и неинтересно. Поэтому он всегда знает, что тебе ответить, и ответы его разумны. А это значит, что ты, как правило, не можешь не согласиться с ним, и это злит тебя, даже когда ваши мнения совпадают. Я угадал?

Старец испытующе посмотрел девушке в глаза. Она не выдержала его взгляда и отвернулась, пробурчав при этом:

- Если и да, то мне это не интересно.
- Но ведь это же глупо,— с укором произнес он.
- Это жизнь,— возразила девушка.
- Вот именно,— подхватил старик.— Так или иначе, тебе придется поумнеть.
- Или ему поглупеть!
- Ему нельзя.
- Это почему же?! — запальчиво воскликнула Соня.

- Он погибнет.
- О чем спорите? — послышался знакомый голос, и Соня почувствовала, как сердце ее невольно забилось сильнее.

Вожак приближался, неся на плече огромную кабанью тушу. Вулоф и Вилва тащили на спинах по косуле, но и им было нелегко, ведь добычу приходилось придерживать зубами.

Север сбросил на траву тяжелую ношу, сел на скамью и вытер пот со лба.

— А ну-ка, полей воды! — попросил он Хэлдира.— Упарился, пока тащил.

Тот схватил деревянное ведерко и окатил Севера раз, другой, черная нагревшуюся за день воду из огромной бочки, пока удачливый охотник полностью не смыв пот и грязь.

— Куда же нам столько мяса? — удивилась Соня.

— Как куда? Съедим,— улыбнулся Север.

— Так ведь не успеем же — испортится. Жара вон какая стоит!

— Не беда,— успокоил ее Вожак.— За домом, там, куда не попадает солнце, полно снега. Ты разве не видела? — Соня отрицательно помотала головой.— Зароем, и дело с концом.

— А если...

— Некому! — не дав ей договорить, ответил Север и, свистнув волков, направился к восточной стороне дома.

Вулоф с Вилвой побежали за Вожаком, повизгивая и покусывая друг друга на бегу за уши. Она посмотрела на них с острой завистью и отправилась следом.

* * *

Первой мыслью, когда Соня проснулась утром следующего дня, была: «Сегодня опять вокруг леса побегу».

Собственное решение, однако, не вызвало у нее радости, но девушка встала и бодрым шагом направилась к двери.

Мужчины сидели на привычном уже месте, и за это она вдруг почувствовала к ним совершен-

но непонятную благодарность. Все трое позавтракали, перебросились парой-тройкой ленивых фраз, Север поднялся, и они побежали. Несмотря на вчерашний день отдыха, движения давались Соне с трудом. Осторожно ступая, она перебралась на другую сторону ручья, и — странное дело — чем дольше бежала, тем легче ей становилось. Не успели они преодолеть и половины подъема, как девушка почувствовала, что от усталости и боли не осталось и следа.

Каково же оказалось ее удивление, когда, пробежав всего круг, Север остановился у стола и сказал:

— Все. На сегодня хватит.

— Теперь что, все время так будет? — поинтересовалась она на всякий случай.

Север задумчиво посмотрел на нее, перевел взгляд на стройные загорелые ноги девушки, которые она, сама не зная зачем, торопливо спрятала под стол, и ответил:

— Лучше, чтобы все тренировки повторяли ту, первую, но у нас, к сожалению, слишком мало для этого времени.

— Какая беда! — Соня всплеснула руками и притворно вздохнула.

— Не расстраивайся, — вполне серьезно ответил Вожак. — Я что-нибудь придумаю, — пообещал он, и девушка едва ли не с ненавистью вспомнила слова Хэлдира о своем хвастливом языке.

— Это завтра, — поспешила она перейти на другую тему, — а сегодня что?

— На твой выбор, — предложил Север. — Можем просто поговорить, но можем и заняться чем-ни-

будь, хотя, на мой взгляд, учиться тебе вообще нечему. Ты и так умеешь почти все, — честно признался он.

— Спасибо! — Девушка засияла румянцем. — Только если ты и впрямь так считаешь, зачем мы здесь?

— Ну, во-первых, — начал объяснять он, — мы оба понимаем, что ты согласилась поехать со мной лишь потому, что тебе не оставили выбора. Я же хочу уговорить тебя стать моей напарницей по добродой воле.

— А во-вторых?

— А во-вторых, — невозмутимо продолжил он, — неплохо бы подучить тебя кое-чemu.

— Но ты же сказал...

— Я сказал: в общем нечему. Но это вовсе не значит, что нам нечем заняться.

— Например? — уточнила девушка.

— Например, мечом ты владеешь безукоризненно. Конечно, при случае я смогу показать тебе несколько полезных приемов, но это позже.

Соня просияла. Она гордилась тем, как владеет кривым гирканским мечом, и знала, что мало кто может противостоять ей, но теперь ее мастерство отметил человек, одержавший над ней верх в поединке, а это кое-что да значило.

— Что касается лука, то тут ничего сказать не могу — не видел.

— Не хуже меча, поверь, — с достоинством сообщила Соня. — Правда, пользоваться им мне приходится значительно реже.

— Теперь он станет твоим основным оружием.

- Это почему же? — удивилась она.
- Я могу объяснить тебе и сейчас — здесь нет секрета, но давай попозже, — попросил он, и девушка кивнула. — Как у тебя с ножом?
- Не жалуюсь, — сдержанно ответила девушка.
- Ну-ка попади в дерево. — Север указал на росшую в двадцати шагах от них сосну и протянул невесту откуда взявшийся в его руке метательный нож.
- Она пожала плечами, взяла нож, встала и, взвесив его на руке, спросила:
- Куда целиться-то?
- Мимо уха что-то просвистело, и гулкий вибрирующий ударозвестил о том, что нож попал в цель.
- Давай справа от моего.
- Она прицелилась и метнула. К ее удовольствию, клинок вошел точнехонько рядом, всего на мизинец правее.
- Меткий бросок. Очень хорошо, — похвалил Север, и, пунцовав от счастья, она уселась на место.
- Теперь поговорим о твоих недостатках, — сказал Север, и Соня как-то сразу сникла. — Да не расстраивайся ты так, — постарался он ее ободрить. — Я говорю о мелочах, но от них лучше избавиться.
- И что же за недостатки? — спросила она.
- Например, твой бросок.
- Ты же сказал, что он хороший!
- Я сказал, что он меток, — поправил ее Север, — но умолчал, что слабоват.

- Ну и что же мне делать? Я бросаю изо всех сил!
- Сила здесь ни при чем, — заверил ее он, — скорость маловата.
- Я, по-твоему, недостаточно быстра? — испекренне удивилась девушка.
- Север пожал плечами:
- Получается так. Впрочем, — добавил он, — это легко проверить. Мы можем сыграть с тобой. — Она недоверчиво посмотрела на него. — Уверяю, ты проиграешь.
- Потому что ты умеешь, а я нет, — проворчала она.
- Да здесь нечего уметь, — заверил ее Север. — Дай руки.
- Он повернул их ладонями вверх и накрыл своими.
- Прихлопни мою ладонь.
- Так это же детская игра! — удивилась девушка.
- Верно, — кивнул он. — Вот и давай.
- Она взмахнула рукой, но попала в пустоту. Второй раз — то же самое.
- Давай еще! — потребовала она.
- Они устроились друг против друга, оседлав скамейку рядом со столом. Раз за разом руки девушки рассекали воздух, но на какие ухищрения она ни пускалась, попасть по ладони Севера так ни разу и не сумела. Чувствуя, что безнадежно проигрывает, она все больше злилась, но это только мешало ей.
- Так нечестно! — наконец возмущенно вскричала она. — Уворачиваться проще, потому что движение короче!

— Давай поменяемся,— тут же согласился он. Она недоверчиво посмотрела на него, но Север оставался невозмутимым. Тогда две девичьи ладошки начали осторожно приближаться, но как только коснулись огромных ладоней Вожака, раздался резкий шлепок, и два кулачка ударили в широкую грудь.

Север вверх ногами полетел со скамьи, а девушка вскочила, возмущенная.

— Чуть руку мне не оторвал, громила! — закричала она.

— Кых! — раздалось за спиной.

Соня резко обернулась, но никого, кроме пары волков, не увидела.

— А что же я мог сделать? — поднявшись, Север начал оправдываться, с трудом подавляя смех, но Соня и слушать его не стала, а отвернулась и пошла к ручью.

Север невольно засмотрелся на нее. Что делать? Вот-вот, кажется, все встанет на свои места, и вдруг все летит в пропасть. Опять начинай сначала. Ну что за ужасный характер! А ведь вначале, как только попала в Логово, девушка произвела на него совсем иное впечатление: красивая, умная, гордая, горячая, но цену словам и поступкам знает. И вдруг все изменилось. Ум, правда, остался, гордости хоть отбавляй, и горячность хлещет через край, красива до умопомрачения, но от сдержанности не осталось и следа.

Он видел, как она пошла обратно, но не к столу, а в дом, и чуть позже сзади послышались тихие шаги.

— Больно,— обиженно сказала Соня и поставила на стол клетку с крысенышком.

— Ну извини,— тихо ответил Вожак.— Я ведь говорил, что чем быстрее движение, тем сильнее удар.

— Одно дело услышать, другое — почувствовать,— вполне справедливо возразила она.

— Ты права, прости,— повторил он.

— Ладно уж,— проворчала девушка и улыбнулась.

Она открыла клетку, достала из нее зверька и принялась кормить.

— Ты посмотри-ка,— удивился Север.— Он, кажется, глаза открыл.

— А зачем, ты думаешь, я его принесла сюда?

Вожак дождался, пока последняя капля упала в маленький ротик, и протянул руку:

— Можно?

Он взял зверька, уже покрытого шерстью, и тот неуклюже заполз по его огромной ладони: видно, незнакомый запах беспокоил его. Север хмыкнул и положил пушистый комочек обратно.

— Он сильно подрастет к тому времени, как придет пора возвращаться в Логово.

Соня посмотрела на него и ничего не ответила. Вожак тоже молчал. Он сознательно не торопил девушку, надеясь, что она сама отыщет нужный путь. Как ни странно, но она думала примерно о том же. С тех пор, как таинственно погибла ее семья, а ее саму начал кто-то преследовать, она немало странствовала по свету. Более того, именно сейчас, на самом севере Хайбории, она

поняла, что и в это путешествие пустилась, скорей всего, потому, что перестала чувствовать себя в безопасности.

Правда, и прямой угрозы она не ощущала, но Соня почему-то не сомневалась, что ее вот-вот обнаружат. Кто? Этого она не знала. Она не боялась, но и не жаждала встречи. Быть может, и стоит осесть в Логове, почувствовать твердую опору под ногами и реальную силу за спиной? Она глубоко задумалась.

Соня знала, что по всей Хайбории вылавливали колдунов. В Аквилонии открыто жгли на кострах не то что ведьм — простых знахарок. Даже Стигия, которой всегда боялись, утратила свое прежнее значение, и только в Гиперборее остался Орден Белой Руки. Не сразу, конечно, но, быть может, удастся с помощью Разары разузнать, кто повинен в смерти родителей и кто теперь преследует ее?

Она услышала рядом громкое сопение, вздрогнула и обернулась: Вулоф стоял рядом с клеткой и шумно принохивался, а крысенок, раскачиваясь на слабых лапках, пытался разглядеть, кто там пыхтит.

— Кажется, они знакомятся, — заметил Север.

— Их ведь в Логове наделили способностью мыслить?

— В общем, да, — ответил он.

— Но зачем это нужно?

— Ты спрашиваешь о конечной цели, которую преследуют зверопоклонники? — спросил Вожак.

— Да, — кивнула она.

— Ну, цель-то воистину грандиозна — наделить всех живущих на земле тварей разумом и таким образом приблизить их к человеку.

— И что это даст?

— Не торопись, я ведь еще не все сказал. Есть и вторая часть замысла — наделить людей достоинствами животных. Силой, ловкостью, обонянием, даром предвидения.

— Теперь все?

— Да.

— Хорошо, — усмехнулась она. — Предположим, все получится, но зачем?

— В Пхиоле считают, что развитие человеческого общества зашло в тупик и, чтобы спасти мир, нужно изменить его. И сделать это можно только одним способом — создать новые разумные расы. Появятся молодые правители со свежими идеями, которые соберут вокруг себя приверженцев...

— И все повторится: войны, грабежи, пока кто-то не наворует больше, чем сможет проглотить, и не разжиреет от сытого безделья, а кто-то другой не решит, что пора изменить этот мир, — закончила за него Соня. — А разница, быть может, выразится лишь в том, что этот кто-то будет передвигаться на четвереньках, а тело его окажется сплошь покрытым густой шерстью.

Она осуждающе покачала головой и посмотрела ему в глаза, словно спрашивая: «Ну? Что скажешь?»

— Ты только не вздумай сказать что-нибудь подобное при матери-настоятельнице, — предостерег ее Север.

— Это почему же?

— Да потому, что тогда тебя уже никто не спасет,— просто ответил он.

— Так, значит, сам ты веришь во все это?

— Я? — Север пожал плечами.— Не больше твоего. Но я говорю тебе об этом только потому, что надеюсь на твою сдержанность.

— Это хорошо. Теперь ты у меня в руках! — Она хищно улыбнулась.— Но почему ты не уйдешь из Логова, если не веришь в их цели?

— Время для этого еще не настало.

— И что же тебя держит, если все так плохо? — удивилась она.

— А вот этого я не говорил,— усмехнулся Север.— Я лишь дал тебе понять, что не верю в конечную цель, а ты тут же решила, что и вся идея никуда не годится. А меня интересуют зверолюди,— неожиданно признался он.

— Но зачем это тебе?

— А ты посмотри на Вулофа,— сказал он, и огромный зверь вскочил, словно с нетерпением ждал, когда его позовут.— Ты пойдешь со мной, если я решусь покинуть Логово?

— Вилва? — вместо ответа прорычал тот.

— Вместе с ней,— улыбнулся Север.

— Да.

— Ты бы хотела иметь такого спутника? — Соня кивнула.— А помнишь ворону, что следила за вами по пути в Логово?

— Гадкая тварь! — выкрикнула девушка.

— Ну почему же? — удивился Север.— Меч не может быть злым или добрым. Все зависит от человека, который держит его в руках.

— Ну не знаю! — Соня нервно передернула плечами.— Не думала я об этом, и хотя говоришь ты убедительно, но не о том, о чём я спрашивала.

— Именно о том,— возразил он.— Так вот, ты не дала мне договорить. Плохо тому, у кого нет оружия, когда ему грозит опасность.

— Так ты...

— Вот именно,— кивнул он.— Я хочу досконально разузнать все об обряде, но вовсе не собираюсь переделывать мир. Но, быть может, есть возможность подарить людям умных и верных помощников? Друзей? Ты разве не чувствуешь разницу?

— И ради этого ты готов стать игрушкой в чужих руках?

— Я не игрушка,— совершенно серьезно ответил Север.

— Все мы игрушки в руках богов,— усмехнулась девушка.

— Что ж, пусть так,— согласился он.— Но только я выбираю, кто играет мной,— он ткнул себя пальцем в грудь,— и по каким правилам.

— Что ж, звучит хорошо.— Она посмотрела на него с нескрываемым уважением.

— Это не просто слова,— уже спокойнее добавил Север.— Каждый выбирает свою дорогу в этой жизни, но мало у кого хватает мужества свернуть с нее, если он видит, что ошибся и впереди тупик. Люди чаще всего не задумываются об этом, а просто живут.

— А ты? — разволновалась вдруг девушка.

— А я знаю, что мне нужно, и уйду.

— И что же это?
— То, что стоит за зверопоклонством.
— Не понимаю.— Она покачала головой.
— Я думаю, что нет никаких зверобогов,— заявил Север.
— То есть как это? — опешила девушка.— А как же...

— Храм Белой Волчицы? — спросил Вожак.— А ты видела когда-нибудь храм, посвященный богу, которому никто в стенах этого храма не поклоняется? Кроме возгласов «Хвала Волчице!», я не слышал о ней ни слова.

— Так ты хочешь сказать?..

— Я хочу сказать, что нет никакой Волчицы, а Логово — это место, где волков наделяют разумом. Наверняка есть где-то храмы Ворона, Медведя и так далее, но храм Белой Волчицы — самый мощный и известный из них, потому что Разаре удалось создать при нем школу. Разара сказала, что наступают времена перемен. Зверопоклонники переходят к активным действиям, и я хочу знать, чем это вызвано.

— Быть может, все не так страшно,— пролепетала Соня подавленно, но Север, грустно улыбнувшись, покачал головой.

— Наоборот,— возразил он.— Все очень тревожно. Пикты, гирканцы, черные дикари, северяне — все отсталые племена, которыми легче управлять, пришли в движение. Почти одновременно, как по команде.

— Может, это простая случайность? — спросила девушка с надеждой.

— Надейся на лучшее, иначе жизнь превратится в кошмар,— ответил он,— но, если хочешь выжить, готовься к худшему.

— Мне страшно даже подумать, что случится, если это произойдет.

— Конечно, страшно,— нехотя согласился Север.

— И ты предлагаешь мне окунуться во все это?

— Я предлагаю тебе сознательно выбирать свой путь,— поправил ее Вожак.— Я не хочу пугать тебя, но не забывай, что твоя беда ближе и реальней всего, о чём я говорил. Избавься для начала от нее.

Соня посмотрела на Севера. Он не шутил. Впрочем, она и не сомневалась, что он говорит серьезно. Если вдуматься, он предлагал ей избавление от опасности и защиту, но... В обмен на опасную — правда, и интересную тоже — работу.

При этом она чувствовала, что он по-прежнему чего-то не договаривает, и, наверное, эта недомолвка оставалась единственной причиной, мешавшей ей немедленно согласиться на его предложение. Упрямство? Она пожала плечами. Ну и пусть! Она нужна ему? Вот и прекрасно! Пусть попрыгает вокруг нее. А пока, раз уж он настроился на откровенный разговор, не мешает побольше разузнать.

— Значит, пока ты будешь выяснять все, что тебя интересует, нам придется выполнять мелкие поручения Разары?

— И да, и нет,— ответил он.

— То есть? — не поняла девушка.

— Мелкими поручениями займутся другие,— охотно объяснил Север.— Нам достанется самая сложная работа, а уж насколько каждое из поручений окажется интересным, сейчас судить сложно. Я предлагаю тебе сменить образ жизни. Пойдем вместе и посмотрим, что получится, а когда я разберусь со своими делами, у тебя снова появится возможность выбора: уйти со мной, остаться в Логове или бежать подальше.

— А если я захочу уйти раньше, чем ты разберешься со своими делами? — неожиданно спросила она.

— Мне бы не хотелось этого,— честно признался он,— ведь я тогда останусь один. Но зачем?

— Меня могут вынудить,— схитрила она.— Тот же Кучулуг.

— Его не опасайся.— заверил девушку Север,— Он совсем не дурак. Впрочем, я тебе, кажется, уже говорил об этом. Как только мать-настоятельница объявит о твоем новом положении, он угомонится.

— А Ханторек? — спросила она.

— Ханторек тебе тоже не опасен, хоть он злопамятен и не слишком умен. Думаю, он так и не откажется от мысли расправиться с тобой, но у него ничего не получится. Халима — более серьезный противник. Она затаила на тебя злобу за то, что ради тебя отец-настоятель бросил ее.

— Так вот оно что! — восхликала девушка.

— Могла бы и догадаться! — хмыкнул Север и продолжил: — Все на свете имеет свои причины, и из всей троицы твоих недоброжелателей Хали-

ма, бесспорно, самая опасная. Однако она не осмелиится ни на какие действия, тайные или явные, если у нас все пойдет хорошо.

Соня задумалась, впрочем, не слишком надолго. Над тем, что она услышала сейчас, она еще поразмыслит позднее.

— Халима, Ханторек — кто они вообще такие?

— Ну, это-то как раз просто,— ответил Север.— Начну снизу. Наставники обучают послушников. Кучулуг отвечает за наставников и внутреннюю стражу. Вулоф возглавляет волчью Стаю. Он подчиняется Вамматару, который командует еще и внешней стражей. И Кучулуг, и Вамматар находятся под моим началом, и вдобавок ко всему я исполняю поручения самой матери-настоятельницы. Отец-настоятель отвечает за работу настоятелей, которые ищут места, где еще не поклоняются Волчице, и учреждают там новые Следы. Он подчиняется только матери-настоятельнице, и формально это высокий пост, но фактически он ничего не значит для Логова. А вот что касается его бывшей подружки Халимы, тут как раз все наоборот. Формально она всего лишь настоятельница, но фактически — правая рука Разара и первый претендент на место матери-настоятельницы, если Разара уйдет. Она знает обо всем, что происходит в Логове. Подземная жизнь храма полностью в ее власти, а там, поверь, скрыто немало тайн.

— Вот видишь,— заметила Соня.

— Да нет,— поморщился Вожак,— она не осмелиится открыто выступить против тебя, да и тайно тоже. Разара быстро выведет ее на чистую воду

и тут уж...— Он усмехнулся.— Одним словом, от мести, я думаю, она не откажется, но опасаться отравленного вина в кубке или кинжала из-за угла тебе не стоит. Другое дело, когда мы покинем Логово, но тогда ей придется убить нас обоих, потому что иначе я вернусь и потребую ответа, а два человека — не один. И уж вообще я не представляю, как она собирается выследить нас. К тому же не забывай о наших помощниках.

— Ты это о ком? — удивилась Соня.

— Вулоф с Вилвой, крысенок скоро подрастет, к тому же нам полагается Вестница. Их глаза поострее человеческих. Ну как? Я убедил тебя?

— Ты сказал слишком много, чтобы я смогла сразу все осмыслить, или наоборот, слишком мало, чтобы с ходу согласиться,— ответила девушка.

— Думай, конечно,— кивнул Север.— Время еще есть.

Соня ушла в дом и унесла с собой клетку с крысенышем. Там она села за стол и уставилась на огонь. С некоторых пор ей стало нравиться смотреть на пламя. Если долго не отводить взгляда, появлялись странные образы, иногда совершенно сказочные, иногда страшные и пугающие, а иногда и совсем как живые. Подчас она даже узнавала картины давно минувшего. Словно кто-то могущественный играл с ней странную игру с неизвестными правилами и еще более непонятными целями.

С правилами... Что-то она такое слышала недавно о правилах... Она задумалась. Ах, да! Север! Он говорил, что сам выбирает правила, по кото-

рым играет с Роком. Что ж, быть может, и так... Он сильный. А она? Она ни с кем не играет, играют с ней, а она не знает не только правил, но даже названия игры.

Соне хотелось согласиться, но что-то мешало ей. Быть может, ощущение того, что игра, в которую ее насиливо втягивают, ведется всерьез. О ней знают все и требуют полной самоотдачи, а говорить не хотят ничего... Или почти ничего...

Огонь вдруг мелко задрожал, и в очаге появилась удивительная картина. Причудливо переплетавшиеся языки сложились в девичью фигуру, но Соня не сразу поняла, чью. Хрупкая девушка, прелестное личико, обрамленное серебром пепельных волос,— Лорна... Что же так скжалось сердце? Соня хотела шагнуть вперед, но фигурка вдруг резко приблизилась и как-то странно изменилась: прекрасные волосы превратились в складки капюшона... Девушка протянула руку, чтобы сорвать капюшон с головы...

— Ты кого это ловишь? — услышала она голос Хэлдира, и видение исчезло.

* * *

Соня спала и видела сон. Лорна, юная хрупкая красавица, смотрела на Соню и смеялась, словно сознавала свое превосходство над ней, и шадизарская амazonка разозлилась — да что же это такое в конце концов?!

Скольких мужчин встречала она в своей жизни, но ни разу даже мысли у нее возникло о том, чтобы сблизиться с одним из них. Правда, и Се-

вер не похож на них. Он не чета всей этой благородной швали, но не воевать же из-за него с длинноногой девочкой! Ей даже стало смешно от этой нелепой мысли.

Она посмотрела на Лорну, но не увидела девушки. Перед ней стояла знакомая уже фигура незнакомки в капюшоне. Или, быть может, незнакомца? Впрочем, что-то подсказывало Соне, что перед ней женщина. Соня шагнула вперед, намереваясь сорвать капюшон, и ей показалось, что незнакомка дрогнула. Из-под капюшона донеслось шипение:

— Не сме-ей! Он мо-ой!

Но Соня сделала еще шаг и еще — соперница отскочила в тень и исчезла без следа. Тогда девушка посмотрела по сторонам и увидела Севера. Он стоял и просто смотрел на нее чистым, бесхитростным взглядом, и ей неожиданно стало легко и беззаботно. Каким-то образом она поняла, что те двое ушли и уже не вернутся.

* * *

Утро следующего дня прошло как и все предыдущие. Разве что проснулась она несколько раньше и помогла мужчинам собрать нехитрый завтрак. После короткого отдыха Север отправился в дом, но очень скоро вернулся, неся в руках нечто похожее на комок шкур. Он подошел поближе и вывалил свою ношу на стол.

— Что это? — удивленно спросила Соня.

— Помнишь наш вчерашний разговор о недостатке времени? — Соня кивнула, рассматривая

прямоугольный лоскут. Он напоминал, скорее, двухслойную ленту, сшитую из шкур мехом наружу. Внутри пересыпалось что-то тяжелое.— Это позволит нам частично восполнить его недостаток.

— Эти шкурки? — недоверчиво переспросила она.

— Именно.

Он нагнулся и, взяв ее за ступню, быстро прикрепил мешочки чуть повыше щиколоток, сперва на одну ногу, а затем и на другую. Вторую пару он точно так же привязал себе на ноги. Выпрямившись, он увидел, что Соня неуверенно переминается с ноги на ногу: лишний вес явно не нравился девушке. Она попробовала пройтись и тут же села на место.

— Ну как? — поинтересовался Север.

— Нелепый вопрос! — огрызнулась она.

— Теперь я понимаю, как за столь короткий срок можно нажить столько неприятностей,— едва заметно улыбнулся Хэлдир.

Девушка смерила мужчин яростным взглядом и, не дожидаясь никого, побежала к началу дороги вокруг леса. Север посмотрел на Хэлдира, но тот лишь состроил непонятную гримасу и развел руками. Вожак развернулся и припустил следом, не слишком, правда, стараясь сразу догнать девушку.

Очень скоро Соня почувствовала резко навалившуюся усталость. Север так и не появился, хотя она ощущала, что он бежит где-то сзади, шагах в десяти. Закончив круг, она присела у стола и, освободив ноги от меховых «браслетов», с отвращением бросила их в траву.

* * *

После обеденного отдыха Вожак увел девушку на знакомый уже ей песчаный пятачок.

— Помнишь свой поединок с Кучулугом? — без обиняков спросил он. Она хмыкнула и отвернулась.— Ты поняла хоть, почему тогда все так скверно закончилось?

— Если бы ты предупредил меня, что у него вместо головы булыжник, все бы кончилось иначе,— нехотя ответила девушка.

— Ты нарушила два правила и потому проиграла.

— Да? — нехотя протянула она.— Что ж за правила такие?

— Правило первое,— сказал Север.— Ни в коем случае нельзя недооценивать противника. Ты же посчитала его дураком. Таким же, как Юрг, только покрупнее. И эта первая ошибка повлекла за собой следующую — роковую.

— И какова она, моя роковая ошибка? — хмыкнула Соня.

— Ты взяла то, что предложил тебе враг.

— Да не брала я у него ничего! — удивилась девушка.— О чём ты?

— Дар, особенно отравленный, не всегда можно пощупать руками,— назидательно заметил Север.— Кучулуг предложил тебе передышку, а ты приняла ее. Он же продолжал наблюдать за тобой и ждал подходящего для себя момента, а чем все закончилось, ты знаешь лучше меня.

— Ты, наверное, скажешь,— поморщилась она,— что я никогда не смогу одолеть Кучулуга, просто

потому что он опытный воин, а в силе мне с ним все равно не сравниться.

— Сила, конечно, важна, но не всегда от нее зависит исход.

— Ты не мог бы говорить пояснее?

— Уже говорил: никогда нельзя брать то, что предлагает тебе противник. Тебе не нужно соглашаться на открытую драку, но если уж согласилась, веди ее по своим правилам.

— Здорово! — восхитилась она.— И каковы же они, мои правила? Расскажи!

Север рассмеялся и продолжил:

— Не сорвнуйся с противником в том, в чем он силен, и уж совсем не следовало позволять Кучулугу поймать себя!

— А я и не знала!

— Не сердись. Кстати, как тебе ни неприятно, вспомни ту стычку.— Он посмотрел на девушку.— Кучулуг ведь не стал состязаться с тобой в умении владеть мечом, поскольку знал, что проиграет. Он выбрал то, в чем не сомневался. Но и здесь ты сумела застать его врасплох.

— А что я еще могла сделать? — Девушка пожала плечами.— Разве что совсем раздеться.— Она с ухмылкой посмотрела на Севера.— Только вряд ли бы это помогло: один прием дважды подряд не срабатывает.

— Верно,— кивнул Север.— Поэтому я предлагаю тебе научиться быть самой и не попадать под удар другого.

— Ну, бить-то я умею,— заверила его девушка.

— Покажи,— предложил Север.— Удар меня.

Они встали друг против друга, но Соня, как ни старалась, так ни разу и не сумела попасть в него.

— Я не могу так! — вскричала она наконец и оттолкнула его так, что он полетел кувырком.— Ты нарочно выводишь меня из себя!

— Но ведь это нормально,— рассмеялся он, вставая и отряхиваясь.

— Что нормально?! То, что я сама себе кажусь полной дурой!?

— Ты бы лучше подумала, почему так происходит.

— Он еще спрашивает! — выкрикнула она, уже, впрочем, успокаиваясь.— Здоровяк!

— Сила моя здесь совершенно ни при чем,— резонно заметил он.— Я ведь не пытаюсь тебя убить.

Она возмущенно посмотрела на него, но возвратить ничего не смогла и лишь фыркнула и отвернулась. Опять он прав, и вновь она злится на него за это. Раздумывая о его словах, Соня отошла к дереву, из которого все еще торчали метательные ножи. Нож Севера ушел в ствол чуть ли не по рукоять, а брошенный ее рукой проткнул кору и вонзился в древесину едва ли на толщину мизинца. Почти без усилий вытащила она свой клинок, попыталась то же проделать и с кинжалом Севера, но тут же отказалась от затеи: она старательно повисла на нем, а клинок даже не шелохнулся.

Как всегда, бесшумно Север шагнул из-за спины и, ухватившись за рукоять, лишь слегка качнул ее кверху и без видимых усилий выдернул из ствола.

— Как... Как ты это сделал? — изумилась Соня.

— Чтобы вытащить нож, действительно потребовалась сила, а вот чтобы вогнать его — только быстрота.

— Значит, и я так смогу?! — недоверчиво спросила она.

— Если пожелаешь,— подтвердил Вожак.

— Желаю!

— Отлично! — кивнул Север.— Тогда вернемся к рукопашному бою.

— Но ведь ты же только что сказал!..

— Сказал, и от своих слов не отказываюсь, но вспомни наш с тобой уговор — бороться с твоими слабостями. А метательным кинжалом ты владеешь.

— Но...— попыталась протестовать она, однако Север опять не дал ей договорить.

— Конечно, кольчугу ты не пробьешь, не говоря уж о панцире, даже кожаном.— Он пожал плечами.— Целься в шею.

Соня закусила губу и промолчала. Они вернулись на прежнее место.

— Ну так почему ты не попала в меня? — повторил он свой вопрос.

— Потому что ты быстрее,— покорно согласилась она.

— Это одна из причин,— кивнул Вожак.

— А что, есть и вторая? — вздохнула девушка.

— Есть.

— И какая же?

— Всякий раз перед ударом ты показываешь мне глазами, куда собираешься бить. Кроме того, я вижу, как напрягаются твои плечи, а когда рука начинает двигаться, я уже готов и ухожу в сторону.

— И что же мне делать?

— Для начала ты должна научиться бить неожиданно, без подготовки,— объяснил он.— Я покажу тебе, как.

— Только поаккуратней,— проворчала она.— Хватит с меня и Кучулуга.

— Между прочим,— заметил Север, отойдя в сторону и поднимая что-то с земли,— Кучулуг ни в чем, кроме силы, не превосходит тебя.— Он вернулся, неся в руках два больших тряпичных шара с торчащими из них палками.— Мои кулаки,— пояснил он в ответ на ее недоуменный взгляд.— Попробуй избежать моих ударов.

Она приготовилась, и удары посыпались на нее один за другим, нечасто и монотонно, как редкие, крупные капли перед началом грозы. Соня начала злиться. Она смотрела на замершего, словно статую, Севера. Его глаза, цепко удерживавшие ее взгляд, словно гипнотизировали девушку, в то время как тряпичные «кулаки» легко, будто играючи попадали то в руку, то в плечо, то в грудь, то в живот, а то и в голову. Хоть она и старалась, а так и не сумела избежать ни одного удара.

— Все! Хватит с меня! — Она остановилась и сердито взглянула на него.— Не хочешь же ты всерьез сказать, что, обращаясь со мной таким образом, научишь двигаться быстрее.

— Чтобы лекарство лучше подействовало, ты должна убедиться, что оно необходимо.

— Ну убедилась я, убедилась! — выпкрикнула она.— Дальше-то что?

— А вот теперь можно заниматься.

* * *

Утром Соня проснулась, и первое, что она почувствовала,— это боль в ногах. Она попыталась сесть на своем ложе и обнаружила, что это не так-то легко сделать. Кое-как одевшись и доковыляв до дверей, девушка окинула хмурым взглядом двух улыбавшихся мужчин и еще больше посупровела, потом подошла к столу и уселась на скамеечку.

— Где мои кандалы? — ни на кого не глядя, осведомилась она.

— Отдохни денек-другой,— предложил Север.— Устала ведь?

— Это что — забота? Ты меня пугаешь!

Вожак пожал плечами — вроде бы равнодушно, хотя девушка и не сомневалась, что ее слова задели его,— и обернулся к Хэлдиру:

— Дрова заканчиваются. Пойду наберу валежника.

Он развернулся и, не взглянув на девушку, ушел.

— Напрасно ты так,— тихо сказал Хэлдир.

— Напрасно! — фыркнула Соня.— Каждый день придумывает новую гадость!.. Хитрец! — добавила она, подумав.

Старец ничего не ответил, только покачал головой и ушел. Она так и не высказалась до конца, а потому разозлилась еще больше, нацепила на ноги «кандалы» и побежала по обычному утреннему маршруту — через ручей и на скалистый уступ, тянущийся вдоль отвесной стены гор.

Она бежала и все сильнее злилась. Оба они заодно — что старый, что молодой. Ни жалости,

ни сочувствия! Только одно на уме — надо! Надо! Надо... Надоело! Она уже успела забыть, когда ее в последний раз кто-то жалел. И вот теперь, когда впервые за последние годы почувствовала человеческое, нормальное к себе отношение, ей сразу захотелось большего. Ей захотелось всего!

Она захотела всего, но всего, конечно же, не получила. Просто потому, что так в жизни не бывает. Она нахмурилась: ей не понравилась эта мысль, потому что получалось, что она сама виновата. Это значит, что теперь ей придется принести извинения? Ну уж нет!

— Не стану извиняться! — выкрикнула она, словно спорила на бегу с кем-то невидимым.

* * *

Север принес огромную вязанку валежника и тут же отправился собирать следующую. Немного погодя вернулась и девушка. Она подсела к старику.

— Прости меня, Хэлдир. Сама не знаю, что со мной происходит,— объяснила она.— Утром проснулась — ноги болят! Сразу вспомнила про «кандалы», — она как раз закончила отвязывать их и бросила на скамью рядом с собой,— и про то, кто их сотворил.— Она подняла глаза, встретилась с его смеющимся взглядом и улыбнулась.— Ну и погорячилась маленько.

— Даже не стану говорить, что лучше бы твои слова услышать ему,— кивнул старец.— Просто хорошо, что ты их вообще сказала. И не стоит сердиться, ведь он старается для твоей же пользы.

— В таком месте и невозможno сердиться долго,— заметила Соня.— Я ведь не впервые в горах. Я видела каменистые ущелья, голые и безжизненные, видела и плодородные долины с прозрачным воздухом и хрустальными водами рек, но такой,— она помялась, подыскивая слова,— нежной прелести, как здесь, еще не встречала.

— Я рад, что тебе здесь нравится,— с улыбкой признался Хэлдир.— И я, и Север — мы оба очень любим это место, ведь это плоскогорье создано по образу моей родины,— сказал он и тут же осекся.

— Создано? — мгновенно насторожилась девушка.— И кем же оно создано?

— Богами, девонька, богами,— рассмеялся старики, и Соня поняла, что большого он ей не скажет.

— Расскажи мне о своей родине,— все-таки попыталась настаивать она.

— Ты уже спрашивала, а я отвечал,— мягко напомнил он.— Я помню место, где мы жили,— как две капли воды похожее на это, а потом нам пришлось бежать.

— От кого небось тоже не знаешь — мал был?

— Почему же? — возразил он.— Знаю.

— И расскажешь мне? — спросила Соня, не веря своим ушам.— Если я останусь с Севером,— добавила она, видя, как он отрицательно качает головой.

— Не мне это решать,— ответил старец,— во всяком случае, не сейчас.

— Ну скажи хотя бы: та гроза, которой ты опалася, и угроза, от которой вы бежали,— это одно и то же?

— Да.

* * *

На следующий день после завтрака Хэлдир сообщил, что собирается вниз, навестить внучку, а заодно и забрать наверняка уже привезенные ею продукты. В ответ на это Север заметил, что давно уже пора проведать девочку, и настроение Сони, такое замечательное с утра, резко упало. Она, правда, постаралась не показать этого, быстренько нацепила «кандалы» и отправилась на утреннюю пробежку.

С первых же шагов она почувствовала, что бежит свободно, не напрягаясь. Боль, казалось, окончательно покинула ее, но даже это теперь не радовало. Из головы никак не выходила длинноНогая девчонка, к которой Север проявлял повышенное внимание и которая отвечала ему гораздо большим... Соня и сама не заметила, как опять разозлилась. Она так старается, но даже в те дни когда все, казалось бы, идет хорошо, обязательно случается какая-то мелочь, которая сводит на нет все ее старания. Вот и сейчас... Она даже сама понять не могла, почему ее вывела из себя забота Севера об этой девочке. Вполне естественная, быть может, забота! Если Хэлдир ей дед, то почему бы Северу не оказаться дядей или кем-то еще?

Повеселевшая, она побежала быстрее. Тем более что впереди уже виднелись озеро и луг. Увидев, как при взгляде на нее просветлело лицо Севера, она радостно улыбнулась и села за стол, бодрая и совершенно не запыхавшаяся, словно после легкой прогулки.

— Хэлдир уже ушел? — осведомилась она, как бы между прочим.

— Сразу после тебя,— кивнул Север.
— Расскажи мне о Лорне,— попросила вдруг Соня.

— Да что же я могу рассказать тебе? — удивился Вожак.— Она еще совсем ребенок. Умница, правда, но и выдумщица ужасная.

— И влюблена в тебя...— как бы невзначай заметила девушка.

— Вбила себе в голову, что, когда подрастет, я непременно женюсь на ней,— рассеянно отзвался Север, и девушка забеспокоилась, то ли от его слов, то ли из-за его рассеянности, которая тоже могла значить очень много, хотя могла и вовсе ничего не означать.

— Ну и ты, конечно, ждешь этого?

— Я?! — Он вдруг рассмеялся.— Да через год другой она подрастет и думать обо мне забудет!

Соня тоже рассмеялась, на этот раз с видимым облегчением. Рядом с домом Вулоф заигрывал с Вилвой, и в повадках их девушка увидела столько человеческого, что сердце ее невольно защемило. «Э-э-э! Соня! Неужто и тебя потянуло на брачный танец? Тогда понятно, отчего ты беспокоишься о длинноногой сопернице, оставшейся внизу. А впрочем, почему бы и нет?» Уж если кто и достоин ее, Сониного внимания, так это он, Север!

* * *

Уже вечером, перед самым заходом солнца, вернулся Хэлдир и рассказал, что в лесу все спокойно. Лорна прекрасно справляется с их нехитрым хозяйством, хотя, конечно, ей и приходится поскучать.

Соня посидела с мужчинами, а потом, когда солнце наполовину уже нырнуло за покрытый дымкой горизонт, сославшись на усталость, отправилась спать. Она вошла в дом и, притворив за собой дверь, остановилась у входа.

* * *

Пока Соня шла к дому, Хэлдир продолжал говорить, но как только дверь за ней закрылась, умолк и посмотрел на своего товарища.

— Что у вас здесь случилось? — спросил старец, внимательно глядя в глаза Вожаку.

— Да ничего не случилось.— Север пожал плечами.— Она побегала, я пособирал хвороста, потом мы поговорили и разошлись.

— Мирно поговорили? — уточнил старец.

— Вполне,— искренне ответил он.

— О чём?

— О Лорне.

— Зря,— сказал старец.— Она и так мучает себя вопросами о нас, о том, откуда мы и кто такие...

«Ишь мудрецы!» — хмыкнула про себя Соня.

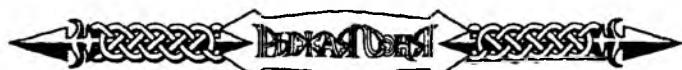
— Ты должен рассказать ей побольше,— заявил вдруг Хэлдир,— иначе она совсем изведется.

«Ну, наконец-то,— обрадовалась девушка,— первое умное слово!»

— Да я и так рассказал ей все о Логове,— ответил Вожак.

— Все? — недоверчиво переспросил его Хэлдир.

— Ну, все, что можно. Я умолчал только о том, что мы заинтересованы в делах зверопоклонников.

— Так я и думал. Так вот и получается, что тебя она расспрашивает обо мне и Лорне, меня о тебе и об этом месте, а мы оба пытаемся ответить на ее вопросы, но так, чтобы она ничего не узнала.— Он посмотрел на своего собеседника.— Тебе не кажется, что это не может не выводить ее из себя?

«Умница!» Соня захотелось выбежать и расцеловать старика, но она сдержалась.

— Придется,— согласился Север,— но не раньше, чем все пойдет нормально.

— Ты чем-то озабочен,— заметил старец.— Что-то не так?

— Пропала Книга Пророчеств...

— Книга прорицателя Сах Тона! — воскликнул старец.— Так ее похитили! — Он помолчал немножко.— Но как такое могло случиться?

— Ты ведь знаешь, в Логове не принято запирать двери. Никогда прежде ничего подобного не было, и вот, пожалуйста.

— И больше ничего не пропало?

Север отрицательно покачал головой:

— И это самое странное: в комнате на столе лежало много действительно ценных вещей.

Некоторое время оба молчали.

— Впрочем, может, ничего страшного? — с надеждой спросил старец.— Кто сможет понять смысл пророчеств? Для любого непосвященного — это просто сборник не слишком хороших стихов.

— Ты не понимаешь. Я не боюсь, что кто-то поймет. Я опасаюсь, что пророчества пробудят интерес, а поскольку книга украдена, вряд ли вор попросит

меня разъяснить смысл текста. Начнут разузнавать исподволь, а это уже совершенно ни к чему!

— Да... И все-таки я думаю, что большой беды не случится.

— А я думаю о другом,— возразил Север.— Я хочу знать, кто это сделал.

И тут Соня не выдержала. Да какое право он имеет обвинять ее?! Она выскочила из дома и решительным шагом направилась к ним. Оба мужчины удивленно следили за ней взглядами, пока она не подошла к Северу.

— Не брала я твой книги! — прошипела она.— И в комнату не заходила, понял?!

— Ты, похоже, подслушивала? — насмешливо спросил Вожак, но его обвинение никак не подействовало на девушку.— Но если ты слушала внимательно,— продолжил он,— то должна была слышать, что никто из нас не упомянул твоего имени.

Соня мгновенно успокоилась и тут же почувствовала себя неловко.

— А что за книга пропала? — спросила она просто для того, чтобы сказать что-нибудь.

— Ты же слышала: Книга Пророчеств Сах Тона. Но показать не проси — как ты понимаешь, ее у меня нет.

Соня фыркнула и вернулась в дом. А что ей еще оставалось? На свой ничего не значащий вопрос она получила такой же ответ. И тем не менее девушка осталась довольна разговором. Пусть не ей лично, но они пообещали поведать о чем-то важном, необычном, и она уже ощущала странную сопричастность к Тайне.

Глава пятая

На следующий день, начав уже привычную пробежку, Соня почувствовала, что песку в «кандалах» немного прибавилось, однако протестовать не стала. И только вернувшись, коротко спросила:

— Зачем это?

— У тебя слабоваты ноги,— пояснил Север,— а в бою от них подчас зависит очень много.— Их взгляды встретились.— Если сомневаешься, могу доказать.

— Нет, не надо! Верю тебе на слово.

С тех пор так и пошло. С утра они вдвоем бегали вокруг леса. Меховые «браслеты» на ногах бегунов все тяжелели, а вскоре к ним прибавились и подобные пояса. Но к этому времени Соня уже привыкла ко все возрастающей нагрузке и потому не роптала. Теперь она терпеливо сносила все нововведения Севера, хотя по-прежнему особого смысла в своих занятиях не видела, а потому выполняла все его требования без особого желания.

Единственным исключением оставались занятия по рукопашному бою. Правда, поединков как таких они не проводили. Поначалу Соня пыталась спровоцировать своего учителя на тренировочный бой, но очень скоро поняла, что это не нужно. Постепенно она научилась защищаться, угадывать замыслы противника, овладела техникой ударов без замаха и без подготовки из любого положения.

Как-то раз после одного из занятий девушка спросила:

— Помнишь, ты говорил, что я недостаточно быстра? — Север коротко кивнул.— А я могу какнибудь...— Она помялась.— Ну, ты понимаешь? Начнуться двигаться быстрее. Без твоей помощи,— добавила Соня, подумав.

— Чего проще? — ответил Вожак.— Пойдем к столу.

Сам он забежал по пути в дом и вышел оттуда с зажженной свечой.

— И как это мне поможет? — поинтересовалась девушка.

— Сейчас увидишь.

Север поставил свечу на край стола и встал перед ним на колени. Язычок пламени оказался как раз на уровне его груди. Тогда он протянул к нему руку.

— Видишь? — спросил он.— Мне не достать.

— Руки коротки,— усмехнулась Соня.

— И все-таки я ее сейчас потушу,— пообещал он, кивнув на свечу.

Он отвел правую руку назад и нанес резкий удар. Словно задутое могучим порывом ветра,

пламя угасло, и фитилек зачадил, выпустив напоследок струйку сизого дыма.

Соня с уважением посмотрела на Вожака и недоверчиво покачала головой.

— По-моему, ты жульничашь,— подумав, заявила она.— Ну признайся, ты ведь просто задул свечу? Верно?

— Зажги,— попросил он, улыбаясь и, пока она бегала за огнем, закрыл одним из меховых браслетов рот и нос.

— Так ты не шутишь? — изумилась Соня, ставя свечу на прежнее место.

Он пожал плечами и опустился на колени. Его второй «удар» оказался ничуть не хуже прежнего.

— Здорово! — воскликнула Соня, с восхищением наблюдая, как Север освобождается от нелепой маски.— Неужели и я сумею так же?

— Не так просто,— ответил Север.— Вернее, не так быстро. Для начала тебе хорошо бы научиться делать то же самое с меньшего расстояния.

— Я сумею! — воскликнула девушка.

Она тут же встала на колени, поближе, конечно, чем Север, и взялась за дело, твердо пообещав себе, что к концу тренировки добьется своего. Ничего, однако, не получалось. Вожак подбодрил девушку, заявив, что на все нужно времени.

— Старайся представить,— напутствовал он,— что твоя рука проходит сквозь язычок пламени.

Соня возобновила попытки, и Север отошел в сторону, чтобы не смущать ее. Она попробовала менять направление удара и расстояние до свечи. Пару раз даже не сильно, но обожглась, однако

пламя упорно не желало гаснуть. В конце концов почувствовав, что сил больше нет, девушка разозлилась, плевком загасила огонь и отправилась в дом.

Оба мужчины удобно устроились за столом и вели неторопливую беседу, но, едва она появилась на пороге, словно позабыли о своих делах.

— Смотри, Соня! — не обращая на усталый и недовольный вид девушки, воскликнул Север.— Твой питомец уже бегает!

Нехитрый прием подействовал. Девушка невольно отвлеклась от мрачных мыслей и посмотрела на стол. По столешнице действительно бегал крысенок. В последние дни она мало занималась им. Даже кормили его нередко Север или Хэлдир, так что теперь девушка даже удивилась, впервые заметив, что выглядит он несколько странно — не как обычная крыса: более изящное тельце, да и лапы длинные.

Соня подсела к столу. Зверек тут же подбежал к ней и попытался встать на задние лапы, да только у него ничего не получилось, и он повалился на доски столешницы.

— Ну что, шустрик? Не получается? — усмехнулся Север, погладил зверька пальцем по блестящей шерстке.— Ничего, скоро получится. А у тебя как? — спросил он, повернувшись к девушке.

— Примерно так же,— усмехнулась она.— Пытаюсь встать на задние лапки, да ноги еще не держат.

* * *

С этого дня жизнь трех людей, уединившихся на плато, перешла в более спокойное русло. Хэлдир по-прежнему занимался хозяйством, что от-

нимало у него не слишком много времени, и наведывался к внучке, чтобы проверить, все ли в порядке, да принести свежих фруктов. Север занимался с Соней, пытаясь обучить ее всему, что знал сам, терпеливо снося капризы своей воспитанницы. Девушка, словно губка, впитывала все, что преподавал ей Вожак. Она осталась такой же своенравной, но в ее выходках уже не чувствовалось ни враждебности, ни озлобленности.

* * *

— Как хороши эти горы! — сказала однажды Соня, когда вечером они с Хэлдиром расположились вдвоем у стола рядом с домом.

Север после обеда ушел на охоту, забрав с собой обоих волков, а они остались втроем: старец, девушка и крысенок, которому давно уже не сиделось в клетке, а гораздо больше нравилось на плече девушки.

— Быть может, мне нужно было родиться мужчиной? — неожиданно спросила она, но старик лишь пожал плечами и улыбнулся, а Соня продолжила: — Мне нравится опасность, я люблю шум битвы. Я хочу побеждать, я горжусь своей силой! — воскликнула девушка, и глаза ее загорелись восторгом.

— Это потому, что ты еще ребенок,— мягко остановил ее Хэлдир, но она лишь возмущенно фыркнула, а он будто и не заметил этого: — Ты повзрослеешь, и обретенная с годами мудрость поможет тебе понять, что лучше избежать опасности, чем преодолеть ее. Ты узнаешь, что хоро-

ша далеко не всякая победа, а сила должна непременно служить добру, но и тогда ею не нужно гордиться.

— Не хочу тебя обидеть, но мне кажется, что ты говоришь так, потому что сам уже стар.

— Вот именно,— неожиданно для нее согласился Хэлдир, и оба поняли, что каждый имел в виду что-то свое.

— Твоя молодость ушла, и силы покинули тебя... Как это ни печально. Извини, но, по-моему, ты просто пытаешься мудростью восполнить утерянные силы, опытом — ушедшие годы, но вот только замена неравноцenna. Ты все равно уже не тот.

— Я мог бы доказать тебе, что ты ошибаешься,— возразил он, помолчав,— но, боюсь, ты все еще не сможешь понять меня.

— А ты попробуй,— предложила девушка.

Старик и девушка долго смотрели друг на друга, не произнося ни слова. Наконец Хэлдир решился.

— Хорошо,— сказал он, и Соня мгновенно напряглась, а старец рассмеялся.— Ты, я вижу, ожидаешь чего-то необычного, но все гораздо проще. Помнишь упражнение со свечой?

Соня кивнула, но тут же спохватилась:

— Здесь нет свечи.

— Смотри,— не обращая внимания на ее слова, продолжил Хэлдир.

Он поднял правую руку и сделал быстрое движение, словно стряхивал с пальцев воду. В тот же миг девушка почувствовала, как ледяной вихрь промчался мимо ее лица, не задев при этом ни

единого волоска. С громким хлопком пламя в костре погасло.

— Ну как? — усмехнулся старик.— Не вся еще сила растрачена?

Она ошарашенно кивнула, и тогда он сделал второе движение — как будто позвал обратно ту силу, которая затушила огонь. Костер вновь запылал.

— Что же касается бессмертия, о котором ты как-то говорила...— Он замолчал и посмотрел по сторонам.— Наверное, со стороны кажется невероятным наблюдать, как мимо проносятся века. Как возникают, возвеличиваются и приходят в упадок не только сильные мира сего, но и целые нации. А с тобой ничего не происходит. Ты лишь набираешься опыта, который позволяет тебе не просто не повторять чужих ошибок, но и прийти к цели кратчайшим путем.— Соня восторженно кивнула.— Чтобы наметить новые, еще более величественные. Так?

— Ну,— девушка помялась,— не совсем то же, но похоже. А что ты видишь в этом дурного?

— У монеты две стороны,— просто ответил он.— Здесь то же самое: есть товар, не скрою, соблазнительный... Но есть и плата...

— О чем ты говоришь?

— Я говорю о том, что бессмертие — опасный дар, и далеко не каждый согласится принять его, заранее узнав цену.

— Что ж за цена такая?

— В том-то и беда, что никому то не ведомо.— Хэлдир умолк, погрузившись в воспоминания, и

девушка не торопила его.— Иногда я думаю,— заговорил он,— что, боясь продешевить, Рок не сразу назначает цену... Так что бессмертие — совсем не такое благо, как тебе кажется, и, поверь мне, далеко не всякий стремится к нему.

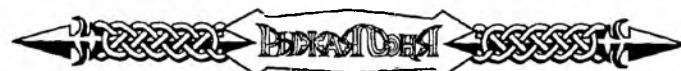
— Ты так говоришь, словно сам отказался от этого дара! — воскликнула Соня и тут же пожалела о сказанном.

Он грустно посмотрел на нее, и впервые за проведенные вместе дни веселые огоньки исчезли из его глаз, уступив место давно пережитой боли.

— Это так,— признался он тихо.— Я любил...— Старик запнулся, словно подбирая слова и в то же время чувствуя, что любое из них прозвучит фальшиво.— Я любил так,— все-таки продолжил он,— как, быть может, не любил никто и никогда, но потерял свою любовь...

— Расскажи мне о ней,— попросила Соня, но Хэлдир отрицательно качнул головой:

— Ты услышишь мою историю. Теперь я не сомневаюсь в этом. Но только не от меня. Зато я могу сказать тебе, что, когда мою любовь убили,— голос старика дрогнул, но он взял себя в руки и заговорил вновь,— я проклинал свою нескончаемую жизнь! Я звал смерть, но она не шла ко мне! Постепенно боль притупилась, но радость, казалось, навсегда покинула меня. И только в последние годы стало легче. Это как награда за терпение. Теперь внучка дает мне силы жить. К сожалению, это все, что я могу сказать тебе. Прости, если обманул твои ожидания, но если хочешь услышать что-то другое, обратись к Северу.

Видно, печальный рассказ совсем расстроил старика, потому что он тут же встал и ушел в дом. Соня не стала его успокаивать. Быть может, она и чувствовала за собой невольную вину, но знала о Хэлдире слишком мало, чтобы надеяться помочь ему.

Конечно, ее интересовало бессмертие, и она пыталась узнать о нем как можно больше. Ей довелось даже услышать как-то о некоей стране бессмертных, но что это за страна и как туда попасть, никто не знал. И вдруг она встретилась с человеком, который, обладая вожделенным для нее даром, не ведает, как от него избавиться! Соня снова и снова прогоняла в памяти их странную беседу и в конце концов поняла: пока не поговорит с Севером, не успокоится. Тем более что Хэлдир сам посоветовал ей это.

Однако, приняв решение, девушка не торопилась осуществлять его. Никогда прежде она не страдала от нерешительности, а теперь, каждое утро давая себе слово выведать у Севера все, что ее интересует, откладывала и откладывала этот разговор.

Наконец в один из дней, когда Хэлдир в очередной раз отправился проводить внучку, она, едва дождавшись окончания занятий, решительно пошла к Вожаку, но завела столь пространный разговор, что он поначалу просто не понял, о чем идет речь, и прямо сказал ей об этом. Соня объяснила, что ее волнует, и, пока он думал, как ей ответить, ждала, опасаясь, что вновь так ничего и не узнает.

Однако опасения ее оказались напрасными. Он охотно заговорил и даже описал ей несколько способов достижения бессмертия, которых, по его словам, насчитывалось не меньше десяти. Она внимательно слушала, пока не поняла, что все его заумные рассказы ничего не стоят.

— Что за чушь ты несешь?! — гневно вскричала девушка, но Север лишь пожал плечами:

— Ты же сама просила рассказать тебе о вечной жизни.

— Так я-то ведь спрашивала тебя не о том, как другим удается пережить отпущеный богами век! Я хочу знать, как того же добиться мне!

— У-у-у! — Север покачал головой.— Это совсем другой разговор...

— Именно об этом я и говорю,— кивнула девушка, успокаиваясь.— Но Хэллир сказал, что бессмертие далеко не каждому в радость... В общем, попытался отговорить, а когда это не удалось, отоспал к тебе за советом.

— Вот удрожил,— вновь покачал головой Вожак.— Да и зачем тебе это? Ты молода, красива... Живи и радуйся!

— Вам, мужчинам, все нипочем! — с непонятной горечью воскликнула Соня.— Ты забыл о том, что красота недолговечна, как утренняя роса. Принесло солнышко — ее уже и нет!

— Что ж, не могу с тобой не согласиться. Но чего же ты ждешь от меня? Что я сейчас дуну-плюну, спляшущий шайманский танец, выкрикну пару слов на Мертвом Языке, и ты станешь вечно юной и прекрасной?! — Он окинул ее насмешливым

взглядом, и она чуть не бросилась на него с кулаками, но следующие его слова заставили девушку остановиться.— Все намного сложнее. Многие уходят из дома в поисках своей мечты. Кто-то мечтает о вечности, кто-то о подвигах, иные о славе...— Он задумался, и девушка уже не перебивала его.— Знаешь, у меня на родине есть поговорка: «Ушел за счастьем, вернулся ни с чем».

— Почему ты говоришь об этом?

— Потому что такая судьба ждет большинство,— объяснил Север.— Мало кому удается достичь задуманного.

— Мне удастся!

— Может быть,— согласился Север.— Слышал я об одном месте, где время течет по-разному для живых существ и неживых предметов. Если когда-нибудь ты отыщешь эту страну, то захочешь ли остаться в ней? — Он заглянул ей в глаза.— Подумай.

— Нет... Не знаю...

— Именно.

— Так что же? — огорченно спросила она.— Ты мне так ничего и не посоветуешь?

Север задумался, а Соня замолчала, боясь спугнуть его мысли.

— Видишь ли,— начал он,— я ведь не маг, но знаю один способ, который тебе по силам. Правда, это не бессмертие, а всего лишь шаг на пути к нему, если хочешь.

Север потянулся рукой к поясу и вытянул из-за него необычный медальон на золотой цепи размером с ладонь, напоминающий продолгова-

тый щит с литым изображением орла на обеих сторонах. Вожак протянул его девушке.

— Что это? — удивилась она, но Север лишь улыбнулся в ответ.

Соня раскрыла створки. На левой оказалось небольшое зеркальце, а на правой — портрет Севера, на котором он выглядел как живой.

— Вот уж не знала, что ты так любишь себя!

— Глупо смеяться над тем, чего не понимаешь.

— Ну так объясни! — Она топнула ногой.

— Я вовсе не любуюсь собой. Портрет и зеркало тут для сравнения.

— Твои слова ничего не объясняют, — рассердилась девушка. — Женщины любят смотреться в зеркало, пока молоды, но начинают его ненавидеть, когда старятся, когда оно начинает отражать морщины и седину.

— Ты, как всегда, права. Но ведь они ничего не делают ради того, чтобы избежать этого.

— А что же можно сделать? — удивилась Соня.

— Для начала обзавестись таким медальоном. Портрет напоминает о том, каким ты был, а зеркало показывает, каким стал. Сравнивай их каждый день и внушай себе, что не меняешься.

— А если...

— А если заметишь разницу, прикажи отражению измениться.

— А ты не шутишь? — не сводя глаз с портрета, подозрительно спросила девушка.

Вожак взял из ее рук медальон и развернул его так, чтобы она могла видеть и его лицо, и изображение.

— Тебе судить, — сказал он, улыбаясь. — Как, по-твоему, не слишком изменился?

— Когда написан портрет?

— А вот этого тебе знать не нужно, — с усмешкой ответил он, но тут же понял, что зря это сделал, и поспешил загладить промах. — Я ведь ношу его не просто так? Ты как считаешь?

— Я уже и не знаю, когда тебе можно верить, а когда нет! — воскликнула она.

Она отвернулась, и Север не стал успокаивать ее. Он уже привык к резким переменам в ее настроении и благодариł богов за то, что гнев ее быстро проходит.

— Зачем? — спросила вдруг она, оборачиваясь. — Зачем мне неувядающая красота, если она не удлиняет жизни?!

— Время — Великий Учитель, — торжественно провозгласил он.

— Перестань разговаривать со мной так!

— Но я говорю правду, — возразил он. — Подумай сама. С годами человек обретает знания, которых не имел прежде.

— Ты не мог бы объясняться покороче?

— Я просто хочу, чтобы ты поняла.

— Что я должна понять?

— Если ты и отыщешь секрет бессмертия, никто не знает, когда это случится. Быть может, к тому времени ты окажешься старухой. Тебя привлекает вечная старость? — Он покачал головой. — Не думаю.

Соня посмотрела на него с надеждой и недоверием. Она впервые разговаривала с людьми, ко-

торые знали о бессмертии много и не понаслышке. Правда, и Хэлдир, и Север не все открыли ей, но то, что они сказали, не обман. Что-то подсказывало Соне: что на ложь ни один из них не способен.

Она глубоко задумалась... Во всех историях о колдунах, ведьмах и чародеях все они представляли если и не как вечно живущие, то уж во всяком случае как наделенные немыслимым долголетием. И что интересно: если речь шла о молодом колдуне, то он, как правило, и выглядел молодо, а если о маге, прожившем не одну сотню лет, то он всегда казался дряхлым стариком.

Она поделилась своими соображениями с Севером, и он тут же согласился с ней:

— Так оно и есть.

— Значит, мои желания несбыточны? — огорчилась она.

— Нет, почему же? — возразил он.— Просто у колдунов своя дорога. Их цель — овладеть силами, которые даруют власть. А уж магическая власть дает им бессмертие. И поскольку на постижение тайн мира уходит большая часть жизни, стоит ли удивляться, что бессмертие, как правило, обретают уже глубокие старцы? И только изредка нужные знания приходят в молодости. Теперь ты понимаешь, что мой совет — совсем не бессмыслица?

Она кивнула и с грустью посмотрела на медальон:

— Жаль, что у меня нет такой вещицы...

— Но у тебя ведь и портрета нет,— улыбнулся Север.

— Портрет недолго и нарисовать,— рассеянно заметила девушка.

— Так ты еще и рисуешь? — удивился Вожак.

— Да,— оживилась девушка.— Говорят даже, что неплохо,— гордо добавила она.

— Ну так возьми его себе,— неожиданно предложил он.

Глаза девушки радостно вспыхнули, но она тут же покачала головой:

— Не могу. Как же ты без него?

— Неужели ты думаешь, что я так люблю себя? — рассмеялся Север.

— Вечно ты все испортишь! — с досадой ответила она и отвернулась.

— Ну не сердись.— Вожак сел с ней рядом.— Возьми его,— вновь предложил он.— Другого такого тебе не сыскать — он и воду внутрь не пропускает.

— А как же твой портрет?

— Мне будет приятно помнить, что моя голова лежит на твоей груди,— улыбнулся он, а девушка, вместо того чтобы рассердиться, покраснела.

— Я никогда его не сниму,— пообещала она.

* * *

В этот вечер перед сном она долго лежала на своем ложе и смотрела на портрет Севера. Мужчины о чем-то тихо переговаривались в другой части комнаты, но она не прислушивалась к их разговору.

Неизвестно, что послужило тому причиной: ночь, богатое воображение или неверный свет очага,—

но только девушка не могла отделаться от мысли, что видит живое лицо. Твердое и мягкое одновременно, лицо, словно высеченное из живого камня. Коротко остриженные волосы, внимательный взгляд серых глаз, прямой нос, плотно сжатые губы, волевой подбородок...

Она и сама не заметила, что уже не просто рассматривает портрет, а любуется человеком, изображенным на нем. Очень скоро глаза ее начали слипаться, но она лежала в неизменной позе, пока прозвучавшее за спиной «Кых!» не заставило ее вздрогнуть. Соня обернулась как раз в тот миг, когда Вулоф укладывал голову на скрещенные передние лапы. Она улыбнулась ему, а зверь сверкнул в ответ желтыми глазищами и, как показалось девушки, вздохнул. Она улеглась поудобнее и в последний раз посмотрела на медальон:

— Ты приходи ко мне во сне...

* * *

Сон обрушился на нее, как водопад. Она увидала, что стоит на опушке соснового бора, и отовсюду доносятся знакомые звуки, хотя никого и не было вокруг. Девушка осталась одна, но это ее не испугало. Солнце пробивалось сквозь кроны деревьев, а какая беда может грозить днем?

Совсем рядом громко рыкнул крупный зверь, и это заставило ее встревожиться. Она вновь посмотрела на солнце, пытаясь определить, далеко ли до вечера, и с удивлением заметила, что длинные тени сосен протянулись на восток — совсем скоро они сомкнутся в непроницаемый полог.

В душе шевельнулась тревога, и девушка подумала, что нужно выбираться отсюда. Она посмотрела по сторонам: там, откуда падали солнечные лучи, лес был не таким густым, а где-то далеко за стволами проглядывало неясное светлое пятно, похожее на костер. Внутренний голос подсказал девушке, что нужно поскорее идти туда, потому что это не костер, а заходящее солнце просвечивает между стволами. Значит, дальше — открытое пространство.

Она не знала, почему, но чувствовала, что непременно должна попасть туда до захода солнца. Она шла быстрым шагом и слышала, как кто-то невидимый ломится сквозь чашу справа от нее, а кто-то спешит следом, время от времени останавливаясь и шумно принюхиваясь. Небо быстро темнело, но и светлое пятно приближалось, и вскоре Соня очутилась на поляне посреди леса.

Только теперь она поняла, что тревожило ее: заходящее солнце продолжало светить, а небо давно уже стало черным, и на нем высыпали звезды. Девушка испугалась, но тут же взяла себя в руки и пригляделась повнимательнее: то, что она приняла за солнце, в самом деле оказалось огромным костром. Те, кто сложил его, должны быть где-то рядом.

— Ты правильно рассуждаешь, — услышала Соня знакомый шепот, и из-за укрывшихся в темноте деревьев выступила на свет мрачная фигура в сером плаще с капюшоном.

— А я знаю тебя... — задумчиво проговорила девушка.

— Это верно! — рассмеялся человек в плаще.— Но не совсем. Мы с тобой встречались — так правильнее. А что до знакомства... — Тут голос запнулся, но лишь на миг.— Я сжег тебя как-то раз, но не до конца.

— Но как тебя зовут?

— Мое имя для тебя ничего не значит. Зови меня своим ночным кошмаром. Теперь мы часто будем видеться.

— Не хочешь говорить?! — воскликнула Соня, мгновенно разозлившись.— Так я сама узнаю!

— Интересно, как? — прошипел Серый.

— Сдерну маску! — Она шагнула вперед.

— Ты не сделаешь этого! Не посмеешь!

Но Соня не слушала его. Она уже почти обогнула костер, когда из темноты выступил еще один человек, в котором девушка узнала Севера. Ее глаза радостно загорелись, и она обернулась к таинственной фигуре в сером, но той уже и след простыл. Девушка досадливо закусила губу.

— Откуда ты здесь? — спросила она, обернувшись к Вожаку.

— Ты же сама попросила меня прийти,— как всегда, прямо ответил он.

— Я попросила? Не помню.

— Конечно, не помнишь,— согласился Север.— Ведь это произошло в другом мире.

— В другом мире... — растерянно повторила Соня.— Что еще за другой мир? — спросила она, оборачиваясь к Северу, но и он уже исчез.

Она почувствовала, как в душе начинает рассти раздражение, однако рассердиться не успела,

потому что в этот миг кто-то толкнул ее в бок. Соня резко открыла глаза и проснулась.

* * *

За окном светило солнце. Темнота, страх и злость остались во сне, но она прекрасно запомнила все, что с ней происходило. Это могло показаться странным, но каждый сон, в котором Соня посещала таинственная фигура в сером плаще, четко отпечатывался в ее памяти, а не стирался при пробуждении.

Что еще за другой мир? Тот, в котором она живет? Лежит сейчас на лежанке из шкур и видит ночами странные сны с незнакомкой или незнакомцем, а незнакомец этот когда-то подверг ее наказанию в подземельях Логова?!

Сны, в которые заглядывал незнакомец, отличались от прочих. Север не зря упомянул во сне об ином мире. Ей захотелось тут же спросить его об этом, но она отказалась от этой мысли: наверняка он скажет, что понятия не имеет о том, что ей привиделось! К тому же придется рассказать, что она позвала его в свой сон...

Так что же делать? Конечно, в следующий раз сорвать с незнакомца капюшон! Она вдруг мгновенно уверилась, что, стоит только увидеть скрытое под тканью лицо, узнать человека, и, кем бы он ни оказался на самом деле, он больше не посмеет тревожить ее ни во сне, ни наяву!

* * *

Дни мелькали один за другим, насыщенные занятиями с утра и до самого вечера. Соня при-

выкла к тренировкам и уже не воспринимала их как наказание. Правда, иногда на нее словно что-то накатывало: ей начинало казаться, что она неловкая, даже неуклюжая, что она ни на что не годится, и Хэлдир с Севером только понапрасну тратят на нее свое драгоценное время. В конце концов однажды Север не выдержал и окатил ее водой.

— Остынь! — прикрикнул он на разбушевавшуюся девушку.— Никакое умение еще не приходило к человеку само! — И ушел, оставив ее в одиночестве.

Хорошо еще, что случилось это, когда Хэлдир находился в отлучке, так что о позоре ее так никто и не узнал. Зато этот случай в который уже раз заставил ее задуматься о причинах собственного поведения. Какая муха ее вдруг укусила?

Перебрав в памяти несколько последних дней, Соня чуть не подпрыгнула, настолько нелепой показалась ей мысль, внезапно посетившая ее. О боги! Да она просто пыталась понравиться ему, но сама осталась недовольна собой. «Дура! Чем ты хотела его удивить, что могла показать такого, чего он не сумел бы проделать сам, причем во сто крат лучше, чем ты?» Неужели она влюбилась?

«Ну нет! — едва не закрикнула она вслух и тут же осеклась.— Или все-таки да?»

После этого случая она как-то погрустнела, и, хотя вести себя начала более спокойно, мужчины встревожились. Север, что уж совсем на него не походило, пытался растормошить девушку, словно соскучился по ее безумным выходкам, но раз-

веять ее грусти так и не сумел. Тем не менее он не оставлял попыток выяснить, что с ней произошло. Она чувствовала его тревогу, ощущала заботу и находила в них какое-то странное мрачное удовлетворение, которого сама стыдилась, но от которого не находила сил отказаться.

Зато кошмары по ночам прекратились, и этого Соня уж никак не ожидала, хотя, что уж тут скрывать, радовалась неожиданно обретенному спокойствию. Каждый вечер разглядывала она тайком портрет Севера и после этого ложилась спать, надеясь, что вот сегодня серая фигура появится, она сдернет с нее капюшон, и все встанет на свои места. Дни, однако, шли за днями, а нужный сон так и не приходил.

Крысенок рос, казалось, с каждым часом становясь все смуглее. Он уже свободно бегал и все чаще просился на руки к людям, иной раз просто затем, чтобы, найдя местечко поудобнее, свернуться клубочком и заснуть. Такое, однако, ему удавалось проделать не часто, и тогда он укладывался между огромными волчьими лапами, а то и просто устраивал в густой всклокоченной щерсти подобие гнезда. Одним словом, он рос, а Вулоф с Вилвой отдыхали.

* * *

В один из дней Соня освободилась пораньше. Накануне вечером Хэлдир принес давно заказанные ею краски с кистями, так что теперь девушке не терпелось взяться за работу. Краски разводились водой, маслом Соня писать не умела, так что,

пади ее работа в реку, и все труды пошли бы на смарку. Подарок Севера оказался очень кстати.

Соня сняла с себя медальон, с которым теперь не расставалась ни днем, ни ночью, раскрыла его, как книжечку, и поставила на дно перевернутого кубка. Зеркало оказалось как раз на уровне ее глаз. Она задумчиво посмотрела на свое отражение. Все так же красива. Пожалуй, даже еще красивее, чем прежде, вот только во взгляде появилась едва заметная грустинка... Девушка невесело подмигнула своему отражению.

«Вот так-то, милая,— заметила она своему миниатюрному двойнику.— Многое довелось мне испытать с тех пор, как мы в последний раз виделись с тобой».

Соня вздохнула и принялась за работу. Краски оказались хорошими, не говоря уж о кистях, так что постепенно она увлеклась и даже начала что-то тихонько мурлыкать под нос. Работала она, как всегда, быстро, и оттого, что все получалось, ее настроение заметно улучшилось. Солнце еще не село, а она уже закончила свой портрет и теперь ждала, когда краска подсохнет. По крайней мере, именно в этом пыталась она убедить себя, глядя на портрет Севера.

— Здорово! — услышала она над самым ухом его голос и вздрогнула, словно очнулась от сна.— Сам-то я совсем рисовать не умею.

— Правда?! — улыбнулась девушка и тут же погрустнела.— А мне почему-то кажется, что ничего у меня не получится из этой игры в гляделки.

— Даже не думай об этом! — возразил Север.— Когда берешься за дело, нужно верить в себя, и тогда все обязательно пойдет как надо.

— Перестань разговаривать со мной как с девочкой! — Ее глаза гневно сверкнули.— Верить, не верить! Я вот уверена, что вы с Хэлдиром что-то скрываете, и не сомневаюсь, что раскрою эту тайну и тайну того места, где мы сейчас находимся!

— Значит, так оно и будет,— спокойно согласился Север.

— Вот и рассказывай! — потребовала она.

— Но я же не сказал, что все сбудется немедленно,— резонно возразил он.— Если это не пустое любопытство и желание твое пройдет проверку временем, узнаешь все. Непременно узнаешь.

— Послушай, Север,— успокоившись, заговорила она,— а тебе не кажется, что нехорошо постоянно,вольно или невольно, поминать в разговоре со мной некую тайну, намекать на нее, и всякий раз уходить от ответов на прямые вопросы, уверяя, что мне просто послышалось? — Она испытующе заглянула ему в глаза и продолжила: — Вы что, меня за дуру принимаете?!

— А что ты имеешь в виду?

— Да сидели мы как-то с Хэлдиром и любовались красотами этого места, а он возьми да скажи, что это место создано по образу и подобию вашей с ним родины. Ну и что ты на это скажешь? — Она победно посмотрела на Вожака.

— А он что сказал? — невозмутимо спросил тот.

— Он что сказал? — повторила Соня и поморщилась.— Он тут же оговорился, что место создано

богами, только слишком уж поторопился поправить себя.

Девушка остановилась в напряжении, чувствуя, что не зря затяла этот разговор и должно произойти нечто важное. Она понимала, какая внутренняя борьба должна сейчас происходить в душе Севера, и не сводила с него глаз, не собираясь уступать. Она напряженно ждала его ответа, но ей и в голову не приходило, что Вожак думает совершенно о другом. Он изо всех сил пытался понять, не лжет ли девушка, не решила ли хитростью узнать то, о чем с ней не желали разговаривать напрямик. Конечно, они не должны были допускать ни намеков, ни недомолвок. Он признавал это, но все равно не мог рассказать ей того, что она жаждала услышать. Хотя, если девушка сказала правду и Хэлдир проболтался, то теперь и не поймешь, что опаснее: продолжать скрытничать, распаляя ее любопытство, или все-таки рассказать хотя бы часть правды. Придется поговорить со стариком. Он развернулся и вышел из дома.

Оставшись одна, девушка едва ли не зарычала от ярости: опять ничего не получилось! Она возбужденно мерила шагами комнату, то подходя к отворенному окну, то удаляясь от него. Она пыталась успокоить себя, повторяла, что ничего страшного не произошло, но получалось даже наоборот: каждый приведенный ею разумный довод лишь усиливал раздражение.

И тут она услышала негромкий разговор. Похоже, Вожак, выйдя из дома, столкнулся с Хэлдиром и что-то обсуждает с ним. Соня прислуша-

лась — так и есть. О чём они говорят? Она замерла и прислушалась, но разобрала только пару раз произнесенное «Соня» и название «Ак Сал», после чего голоса быстро стихли, и девушка поняла, что они решили отойти подальше от дома.

Соня разозлилась еще больше. Сейчас она им покажет! Обоим!

Однако она не бросилась на них, как разъяренная львица, а неслышно открыла дверь и тихонько выглянула наружу. Так и есть — они просто отошли к западной оконечности озера, к истоку ручья, чтобы она не видела их из окна, а шум воды заглушил слова. Тогда девушка через силу улыбнулась и, сохранив спокойствие, направилась к ним. Конечно, они сразу заметили ее и умолкли... Но это было уже не важно. Оба поняли, о чём она собирается говорить с ними.

Хэлдир смотрел на нее смущенно, и за это она тут же простила ему все. Рядом со стариком, чуть правее, стоял Север и мило улыбался ей, словно старый приятель после долгой разлуки.

Подойдя ближе, Соня небрежно кивнула старцу и вдруг бросилась на Севера, явно намереваясь спихнуть его в воду. Затея, однако, провалилась. Он всего лишь слегка нагнулся и немного подался в сторону, но этого почти неуловимого движения хватило для того, чтобы в озеро полетела она сама. Еще не упав в воду, она поняла уже, что опять проиграла и попыталась хотя бы зацепить Вожака рукой, чтобы искупать и его, да не достала. В следующее мгновение ледяная вода обожгла ее.

— Давай руку! — крикнул Север, вставая на колени, в то время как старец осуждающе качал головой.— В Логове не накупалась?!

— Не дам! — яростно выкрикнула она.— Проваливай!

— Не дури! — не отставал он.— Заболеешь!

— И умру! — мстительно пообещала она, отпихнула его руку и побрела прочь от берега.

— А-а! Чтоб тебя!..— впервые позволил себе ругнуться при ней Север, быстро сбросил одежду и в одной набедренной повязке бросился в воду.

Вожак быстро поймал ее, подхватил на руки и выбрался на берег. Когда он усадил девушку на скамью у стола, руки и ноги у нее тряслись, по телу пробегали волны дрожи, на землю у скамьи ручьями сбегала вода.

— Она заболеет,— окинув девушку взглядом, сказал Хэлдир.

— Бранд у нас еще остался? — спросил Север.

Старик кивнул, и Вожак побежал к дому. Казалось, дверь только закрылась за ним, а он уже выскоцил обратно, неся огромную медвежью шкуру, большую деревянную флягу и два кубка. Кубки и флягу он поставил на стол, а шкуру развернул перед ней.

— Ну-ка быстро скидывай с себя все! — приказал он.

«Ну вот еще!» — хотелось ответить ей, но, попытавшись разжать челюсти, девушка поняла, что не может сказать ни слова. Тогда она мотнула головой, чтобы он проваливал: она не будет раздеваться перед ними.

— Я не смотрю! — прошипел он, теряя терпение, и поднял шкуру так, чтобы не видеть даже лица Сони.

Но она упрямко кивнула на Хэлдира, и Север послушно встал так, чтобы шкура загораживала ее и от старика. Но и тут девушка не угомонилась и указала на Вулофа.

— Да ведь он волк! — выкрикнул Север.— Его твои прелести не волнуют! Так что раздевайся по-хорошему,— добавил он уже спокойнее, но в голосе его послышались металлические нотки,— а то сейчас я это сделаю сам!

Она ничего не ответила, лишь кинула на него яростный взгляд. Когда мокре платье шлепнулось на землю и она дрожащими руками потянулась к шкуре, Север только прикрикнул: «Все! Все снимай!» — и Соня запрыгала на одной ноге и неминуемо упала бы, если б Вожак вовремя не подхватил ее и не усадил на скамью, завернув предварительно в шкуру.

— Лекарство выпить сумеешь?

Она судорожно кивнула. Север наполнил один кубок из фляги, во второй налил воды и протянул ей первый.

— Глубоко вдохни,— сказал он,— выпей, не переводя дыхания, и сразу запей. Ты все поняла?

Она быстро взглянула на него, сделала глубокий вдох, поднесла кубок к губам, стуча зубами по его стенке, начала судорожно глотать содержимое и тут же почувствовала, как обжигающая струя, опалив горло, огненным озером разлилась в желудке. От неожиданности глаза девушки широко раскрылись, но она продолжала пить.

— До дна! До дна!

Соня сделала последний глоток, а Север вырвал опустевший кубок из ее рук и протянул другой, полный:

— Залей!

Она выхватила из его рук кубок и жадно осушила его, после чего посмотрела на Севера сквозь слезы и, опустившись на скамью, просипела:

— Чем ты меня напоил?

— Это бранд,— охотно объяснил он.— Он хорошо согревает тело, но сильно пьяним, так что не пугайся.

— Ну вот еще! И не такое пили! — непонятно зачем заявила она, вытирая слезящиеся глаза.

Теперь, когда жидккий огонь прожег ее до пяток, она перестала трястись и клацать зубами и смогла осмотреться. В голове приятно звенело, и она подумала, что мир совсем не так плох, как ей казалось до купания. Правда, он как-то странно качается...

— Что за ерунда?..— проворчала она, перевела взгляд на волков, показала Вулофу язык и повернулась к Северу.— Ты чем отравил меня?

— Да ничем,— усмехнулся Север.— Ты просто слегка опьянила. Я ведь предупреждал. Сейчас тебе нужно спать. Завтра утром ты проснешься и почувствуешь себя нормально.

— Спать? — удивленно переспросила она.— Я не хочу спать... Такой чудный вечер сегодня!

— Хочешь! — прозвучал у нее за спиной голос Хэлдира.

— Я?! — воскликнула она возмущенно и вдруг смаочно зевнула.

Ей стало смешно, и она расхохоталась. Впрочем, он прав. Соня неожиданно поняла, что хочет только одного: уснуть.

— Давай-ка я тебя провожу,— предложил Север, беря девушку за локоть.

— Без подпорок обойдусь,— заявила она, не слишком уверенным движением стряхивая с себя его руку.

Соня встала, и мир закружился перед глазами, так что ей пришлось подождать, когда он успокоится. Только после этого девушка двинулась вдоль стола, опираясь на него рукой. Все вроде шло хорошо, только земля странно покачивалась при каждом шаге под ногами. «Как пьяная»,— подумала Соня и негромко хихикнула. Как раз в этот миг она подошла к краю стола и увидела, что дальше ей предстоит двигаться самостоятельно. Север вновь попытался помочь ей, но она гордо отстранила его руку и даже сумела сделать три шага, прежде чем земля вздрогнула, заставив ее поспешно сесть.

Север молча смотрел, как она, путаясь в шкуре, безуспешно пытается подняться. Наконец она увидела его и грозно нахмурилась:

— Ну что стал столбом? Подними! Видишь, мне самой не справиться?

Север бережно поднял ее на руки, вошел в дом и понес к постели.

— Ты ч-что задумал, п-подлец? — заплетающимся языком спросила она и начала вяло и нехотя сопротивляться.

Не обращая внимания на ее протесты, Север уложил девушку на ее ложе из шкур и склонился к лицу.

— Ты... Ты... — только и смогла пролепетать она. Вожак склонился еще ниже, и взгляд девушки вдруг стал осмысленным.

— Я только хотел поправить твои чудные волосы... — сказал Север с улыбкой. — А впрочем... — добавил он задумчиво. — С первой нашей встречи ты так сильно ненавидела меня, так пыталась досадить, что я подумал: быть может, своим терпением я заслужил право на маленькую месть?

Соня смотрела на него широко раскрытыми глазами. Она больше не вырывалась, наоборот, боялась пошевелиться. Она нервно облизала пересохшие губы, не в силах даже ответить себе: чего же она больше хочет — чтобы он ушел или чтобы остался с ней?

Она уже перестала понимать, что это, явь или сон. Впрочем, ей стало все равно. Она была согласна и на сон, лишь бы он длился как можно дольше. Соня увидела, как удаляются его глаза, и попыталась сесть, чтобы удержать Севера. Но он встал и ушел... «Маленькая месть», — промелькнуло у нее в голове, и на глазах навернулись слезы.

— Кых! — услышала она, повернувшись и увидела смеющегося Вулофа у своей постели.

«Бред! — подумала девушка. — Волки не смеются!» И тут же заорала:

— Пошел отсюда!

Затем она швырнула в него подушкой и без сил упала на застеленный шкурами топчан. Сон тут же навалился на нее, увлекая за собой в мягкие, теплые глубины. Из последних сил она еще

повозилась немного, устраиваясь поудобнее, и сонными глазами посмотрела на Вулофа.

— Морда волчья, — уже засыпая, пробормотала она, — мозгов набрался... Погоди... у меня...

Стоявший в изголовье Север покачал головой, поднял с пола подушку, бережно подложил ее под голову рыжеволосой красавицы и укутал ее в шкуру. Она тут же недовольно завозилась во сне, упрямо освобождая руки.

— Ы-х-х-х! — затрясся от смеха Вулоф, и на этот раз смех его впервые оказался похожим на человеческий.

Однако, как ни тихо он прозвучал, а видно, пробился сквозь неплотную еще пелену сна девушки, потому что веки ее чуть заметно дрогнули, хотя глаза так и не открылись.

— Негодяи, — прошептали ее губы. — Оба.

Север долго стоял рядом с Вулофом и смотрел на спящую. Хэлдир подошел к ним и остановился рядом. Даже не оборачиваясь, Север чувствовал его присутствие, и старец знал об этом.

— Зачем? — задал он, на первый взгляд, бесмысленный вопрос, но Север прекрасно понял его.

— Я хотел убедиться, — ответил он.

— Ну и как? — поинтересовался старец. — Убедился?

— Да.

— Мог и не мучить девочку, — покачал он головой. — Спросил бы у меня.

— Нет, — возразил Север, — я должен сам.

— Ну и как? Тебе стало легче?

— Мне стало тяжелее, — признался Вожак.

— Но почему?! — воскликнул старец и вдруг осекся.— Ну-ка подожди. Мне кажется, она не спит.— Он шагнул к постели и провел рукой над лицом девушки — раз, другой, третий.— Нет, все в порядке.

* * *

Соня провалилась в непроглядную бездну. Она помнила Севера, стоявшего у ее постели, помнила и Вулофа, смеявшегося над ней. Этот невероятный волчий смех долго стоял в ее ушах, и вдруг все исчезло. Она не знала, как долго длилось забытье, но, как ей показалось, вскоре вновь увидела Вожака и волка. Правда, теперь рядом с ними появился Хэлдир.

— Она любит тебя,— убежденно сказал старик, и сердце Сони болезненно скжалось в груди.— Ты должен объясниться.— Она взглянула на Севера и увидела, как он смотрит на нее, как грустно качает головой, а взгляд его светится нежностью.— Зачем ты мучаешь ее?

— Она достойна большого счастья. Ты понимаешь это? Она необыкновенная девушка, и дело тут не в ее красоте. Она способна согреть, как ласковый солнечный луч, и тут же стать холодной и колючей, как звездный свет.— При этих словах Соня судорожно вздохнула, и глаза ее наполнились слезами.— Она похожа на солнечное весеннее утро, когда смеется! И грозой веет от нее, когда хмурится...

Соне захотелось вскочить и закричать: «Так скажи мне об этом!» Но она не смогла...

— Ну так скажи ей об этом,— словно прочитав ее мысли, повторил старец.

— Не могу! Нашей любви не дано расцвести, а если такое и случится, то ничего, кроме горя и страданий, ни одному из нас она не принесет.

— Что это ты вбил себе в голову? — возмущенно воскликнул Хэлдир, нахмурившись.— Быть может, сейчас ты счастлив?

— Это несерьезно! — отмахнулся от него Север.— Я ведь сознательно выбрал такую жизнь. Когда мне что-то удается, я доволен, а постоянно быть счастливым может только слабоумный.

— Я спросил тебя о другом,— напомнил Хэлдир.

— Каждая удача приближает нас к цели. Когда мы ее достигнем, настанет время думать о счастье.

— Но доживешь ли ты до этого дня? — яростно спросил старик.

— Ты прав,— подумав, согласился Север.— Но именно поэтому я и не хочу, чтобы она разделила мою судьбу с ее опасностями и тревогами.

— Ты берешься не за свое дело,— возразил старец.— Мне кажется, она лучше сумеет разобраться в том, что для нее хорошо, а что плохо.

— Да,— опять согласился Вожак.— Но это ничего не меняет. Я вижу то, чего не видит она.

— Ты ошибаешься,— устало возразил Хэлдир.— И мне особенно горько говорить тебе об этом потому, что я знаю твой упрямый нрав. Ты хочешь жизнь прожить в несбыточной мечте. Когда ты это поймешь, не простишь себе ошибки. Это жизни! — произнес он веско.— И в ней не может быть счастья без любви!

— Прости, что причиняю боль, но ведь ты испытал на себе это счастье,— грустно напомнил Север.— Счастлив ли ты?

— Никто не знает, что готовит ему Рок. Но если б мне позволили пройти мой путь сначала, вновь испытать былье счастье и боль... Я б согласился!

* * *

Бранд действовал как надо, но, хотя худшего и удалось избежать, от болезни ускользнуть не получилось. Наутро у девушки начался жар. Хэлдир посмотрел на нее и сказал, что ничего страшного не видит, хотя простуда и продлится несколько дней. Все, что ей сейчас нужно, это покой, легкая пища и тепло.

Север тут же завернул ее в шкуру и вынес на солнышко, а она капризничала, заявляя, что ей нужна не жара на солнцепеке, а тень и лед на голову. В тот же день, забрав с собой Вилву, Хэлдир ушел из дома, чтобы все-таки раздобыть кое-какие лекарства, и молодые люди остались вдвоем.

В первый день Соня отказалась от всякой еды и провела его словно в полусне, лениво наблюдая за тем, как крысенок ползает между огромными волчьими лапами, переползает через них, и лишь иногда зверь направляет его носом, если малыш пытается уползти в сторону. Короче говоря, у зверей взаимоотношения складывались гораздо лучше, чем у людей.

Хэлдир вернулся только на следующее утро, когда Вожак уже вынес девушку на поляну, на которой она провела весь предыдущий день. Соня еще не

поправилась, хотя и чувствовала себя значительно лучше, чем накануне. Жар спал, ее перестала мучить жажда, зато появился насморк. Она старательно дышала ртом, вынужденно молчала и сердито смотрела на всех, хотя понимала, что никто из них в случившемся не виноват. Одного взгляда хватило Хэлдиру, чтобы понять ее состояние. Он достал из-за пазухи склянку и сунул ее под нос девушке. Соня показалось, что оттуда выскочила змея и ужалила ее. Закрыв лицо руками, девушка бросилась в лес.

— Ты что с ней сделал? — удивился Север.

— Не беспокойся,— похлопал его по руке старец.— Она, к сожалению, от этого не выздоровеет, но от насморка избавится.

Вожак кивнул удовлетворенно и присел на скамью.

— Ну как там? — спросил он неопределенно, но старец понял его вопрос.

— Если ты о Лорне, то с ней все в порядке. Можешь не беспокоиться.

— Зря мы не взяли ее с собой. Все-таки она еще ребенок. Не дело надолго оставлять ее одну.

— Не беспокойся,— возразил Хэлдир,— она умна, а умным скучно не бывает.

— Да не о том я,— поморщился Вожак.— У меня все не идет из головы та гроза и ощущение враждебного взгляда.

— Но мы ведь уже говорили об этом,— напомнил старик.

— Да,— кивнул Север.— Но мыслям не прикажешь уйти — они возвращаются сами. Надо было взять ее с собой,— упрямо повторил он.

— Ты хоть представляешь, что бы тогда началось? — Но высказаться до конца он не успел: из лесу вышла Соня и направилась к ним.— Не глупи,— успел шепнуть Хэлдир.— Меньше луны осталось.

Она подошла к расстеленной на траве шкуре и улеглась на прежнее место, лишь искоса взглянув на мужчин, видимо, сердясь на них за дикие способы, которыми они выгоняли из нее болезнь. Север дружески улыбнулся девушке, но она в ответ только нахмурилась, хотя и не слишком грозно.

— Поешь чего-нибудь,— предложил он.

— Не хочу,— проворчала она нехотя и отвернулась.

— Так нельзя,— терпеливо убеждал ее Вожак.— Ты и вчера ничего не ела.

— Отвяжись!

— Ну хоть орехов съешь немного,— попросил Север, не слишком уже надеясь на успех.

— А что, есть орехи? — оживилась она и посмотрела на гору фруктов, которую выкладывал на стол Хэлдир.— Тогда, пожалуй... Если поколешь.

— Договорились,— кивнул он и направился к столу.

— Раз уж ты пошел за орехами, захвати заодно и парочку персиков,— смилиостивилась она, подумав.

— Отлично,— улыбнулся он, выбирая два самых больших и нежных и кладя их на блюдо.

— От винограда я бы тоже не отказалась,— охотно сообщила она, и Север выбрал кисть с

продолговатыми, просвечивающими на солнце ягодами.

Он взял блюдо и шагнул было к ручью, но его остановил голос Сони:

— Фиников я бы тоже поела.

Вожак вернулся, чтобы набрать пригоршню, после чего все-таки дошел до ручья и помыл фрукты. Все это время Соня смотрела на него голубыми глазами, сперва чувствуя, как пробуждается аппетит, потом как он усиливается до предела, а рот наполняется слюной. Именно в этот миг Север вернулся к столу и, не прерывая мирной беседы со старцем, принялся колоть орехи. Тут терпению ее настал конец.

— Да неси же их скорее сюда! — воскликнула она, заставив мужчин вздрогнуть от неожиданности.— Я уже волка готова целиком слопать!

При этих словах девушки Булоф привстал на передних лапах и насторожился. Склонив голову набок, он смотрел на Соню, и во взгляде огромных желтых глаз читалось безмерное удивление.

* * *

Близился вечер первого дня, когда Соня почувствовала себя по-настоящему выздоровевшей. Она даже побегала немного утром. Правда, «кандалы» Север ей надеть не позволил, равно как не разрешил заниматься в этот день и ничем иным. Остаток дня она была предоставлена сама себе и, чтобы как-то занять свободное время, углубилась в размышления о том, что произошло с ней в последние дни.

Она без конца вспоминала сон, что приснился ей в самом начале болезни. «Она любит тебя», — сказал тогда Хэлдир, и в тот же миг она поняла, что старец не ошибся. А Север? Она, конечно, слышала его признание, но, к сожалению, не наяву. И все-таки девушка почувствовала себя счастливой. Не зря, видно, говорят, что и безответная любовь — тоже счастье, хотя и с привкусом горечи... Но кто же сказал, что ее любовь безответна?

Бросив рассеянный взгляд по сторонам, она заметила Севера, стоявшего возле озера, и, улыбнувшись, неслышно направилась к нему. В руках она держала букетик цветов и хотела протянуть их ему, но он обернулся раньше, чем девушка успела приблизиться.

— Как ты себя чувствуешь? — участливо спросил он.

— Прекрасно!

Она снова улыбнулась и уже собралась подарить ему цветы, когда услышала его слова:

— Вот и хорошо, — спокойно ответил он. — Завтра начнем занятия.

Соню будто окатили холодной водой.

— Ты все испортил! — гневно выкрикнула она, и Север глазом моргнуть не успел, как шлепнулся в воду. — Не подходи ко мне больше!

Девушка швырнула на землю букетик и, не оглядываясь, пошла к столу, у которого Хэлдир собирался в очередной поход вниз.

— Где Север? — поинтересовался он, вставая.

— Купается, — нехотя ответила Соня.

— Странное занятие, — пожал плечами старец, — наше озеро не для купания.

— Он вообще странный, — не стала спорить она.

— Ну что ж, я, пожалуй, пойду, — сказал Хэлдир, понимая, что девушка не расположена к беседе.

— Я провожу тебя, — неожиданно заявила Соня, которой совсем не хотелось сейчас встречаться с Севером.

Оба волка побежали следом. Злость понемногу уходила, уступая место горечи. Так, молча, они и пришли к началу плоскогорья, и Хэлдир начал спускаться. Соня думала, что волки пойдут за старцем, но они остановились рядом с ней, а старик неторопливо зашагал по извилистой тропинке, тянувшейся от камня к камню. Он не оборачивался и не звал их за собой. Девушка все стояла, пока он не исчез за очередным поворотом. Тогда Вилва короткорыкнула на своего избранника, и тот повернулся к девушке.

— Хэлдир велел... сказать, — начал он, и Соня, у которой речи Вулофа обычно вызывали только улыбку, на этот раз вздрогнула и насторожилась.

А волк говорил. Говорил скучно и отрывисто, с трудом подбирая слова. Он не думал о том, понимает его Соня или нет, он просто говорил, а она внимательно слушала зверя, который пытался говорить о человеческих чувствах. Он поведал девушке о том, что все увиденное ею в том памятном сне — истинная правда. Хэлдир так устроил, чтобы она не только слышала, но и видела их.

— Все, — наконец закончил Вулоф. — Решай...

Он рванулся вслед за Хэлдиром, а Вилва коротко ткнулась в руку девушки мокрым носом, словно советую не сомневаться и верить, и побежала за Вулофом.

Соня, изумленная услышанным, села на горячий камень и задумалась. Вулоф говорил на самом деле плохо, и его словарный запас был крайне скучен, но главное она все-таки поняла. И вдруг словно молния пронзила девушку — Север любит ее! Однако неописуемую радость тут же сменил испуг. А если она все же не так поняла волка? Соня попыталась вспомнить каждое слово Вулофа. Да нет, все правильно. Но тогда... Тогда Север не только не сделает первого шага сам, но и ей не позволит...

«Не будь дурой! — грубо одернула она себя. — Как он может это запретить? И вообще, если любишь, какая разница, кто делает первый шаг — мужчина или женщина? Сотни раз ты рисковала жизнью просто из каприза, так что тебя останавливает теперь?» И все же она так и осталась сидеть на камне, глядя, как солнце прячется за горизонтом. Скоро оно скрылось окончательно, но девушка не сдвинулась с места, продолжая смотреть, как угасает оранжевое зарево, темнеет небо и на нем загораются звезды. Вскоре стало совсем темно, а она все сидела, пока не услышала за спиной шаги.

Не говоря ни слова, он остановился рядом. Ночь вступала в свои права, и тьма вокруг сгущалась: не стало видно ни скал, ни колыхавшегося моря деревьев под ногами. Только ручей тихо журчал где-то рядом.

Соня встала и шагнула к Северу. Он хотел спросить, зачем она здесь, но слова застряли в горле, когда он увидел, как ее серые глаза заискрились звездным светом.

«Я люблю тебя, Север,— вспыхивая, говорили искорки.— Ведь ты не прогонишь меня, верно?»

«Я тоже люблю тебя,— безмолвно отвечал он.— С самой первой нашей встречи в Логове».

— Значит, это любовь с первого взгляда? — восторженно прошептала она и потянулась к нему.

— А разве бывает другая? — так же тихо ответил он, бережно касаясь ее губ.

Она закрыла глаза, потому что звезды над головой закружились в безумном хороводе, словно она выпила полный кубок бранда. В следующий миг его сильные руки подхватили ее и бережно уложили на цветочное поле, еще хранившее тепло дневного светила...

Ночь пролетела как миг. Утреннюю зарю влюбленные встретили на том же месте. Они почти ни о чем не говорили, а когда Север попытался, Соня заявила, что слышать ни о чем не желает.

— Я знаю про ваш Ак Сал,— шепнула она.— Пообещай, что когда-нибудь отвезешь меня туда.

— Клянусь! — торжественно заявил он.

Девушка рассмеялась, повалила Севера на траву и, сев верхом, впилась в губы страстным поцелуйем, а когда дыхание перехватило, оттолкнула его и, посеревшев, спросила:

— Ты, наверное, думаешь, что я сумасшедшая? — И, не дожидаясь его ответа, добавила: — Я и правда схожу по тебе с ума...

* * *

Хэлдир вернулся на следующий день, но с ним возвратилась только Вилва, нагруженная фруктами.

— А где Вулоф? — забеспокоился Север.

— Я оставил его с Лорной,— ответил старец, помрачнев.

— Надо было привести ее сюда,— сурово заметил Вожак.

— Ничего страшного,— возразил Хэлдир.— В крайнем случае укроется у Ферана.

— Хорошо,— не стал спорить Север,— но, может быть, ты объяснишь тогда, почему вдруг встревожился?

— Да не встревожился я вовсе,— поморщился старец.— Просто она видела в лесу охотников. Ничего страшного,— повторил он.

— Но Вулофа ты все-таки оставил? — не унимался Север.

— Только ради твоего спокойствия!

Больше к этой теме не возвращались. Вновь время покатилось вперед, и, хотя дни походили один на другой, все изменилось. Соня из вечно всем недовольной строптивицы превратилась в прилежную и покладистую девушку, на которую Хэлдир не мог нарадоваться.

Наконец Север объявил ей, что в принципе доволен всем и считает, что занятия на этом можно закончить.

— Что значит в принципе? — поинтересовалась Соня.

— Я говорил, что твое слабое место — рукопашный бой,— объяснил он.— Но ты хорошо поработ-

тала над ударами, да и защита твоя стала лучше. Могу сказать с уверенностью, что теперь тебе нечего опасаться Кучулуга. По крайней мере, в открытом бою.

— Да я никогда его не опасалась! — пренебрежительно хмыкнула девушка.

— Ну, ты не очень-то расслабляйся,— предостерег ее Север.— Кучулугу человека убить, что тебе высморкаться.

При этих грубых словах Севера до сих пор почти не следивший за их разговором Хэлдир замер, ожидая вспышки гнева, но девушка лишь рассмеялась.

— Я, наверное, жутко выглядела,— покраснела она.

— Это верно. Что же касается рукопашного боя, то есть, пожалуй, еще один недостаток, над которым можно поработать. Ты не слишком уверенно стоишь на ногах.

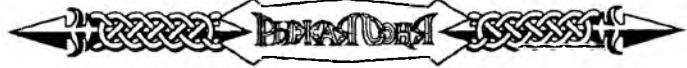
— Почему же ты раньше ничего не сказал мне об этом?

— Потому что нашлись дела поважнее.

Соня кивнула и не стала спорить. Вожак привел ее на знакомый уже песчаный участок и снова взял тряпичные «кулаки». Конечно, девушка сильно изменилась с тех пор, когда увидела их впервые, но, как ни старалась, ей недолго удавалось продержаться на ногах. Самым же обидным оказалось то, что падала она не только после пропущенных ударов, но и, нанося свои собственные, теряя равновесие, а Север тут же подталкивал ее. Наконец она остановилась и тяжело вздохнула:

- Мне никогда не сравняться с тобой.
- Ничего страшного,— успокоил ее Север, помогая подняться на ноги.— Тебе ни к чему равняться со мной — ты ведь женщина. А кроме того, у нас еще есть время кое-что исправить.
- Говори, что делать! — Она привстала на цыпочки и поцеловала его в щеку.— Я готова на все!
- Идем,— улыбнулся он,— здесь недалеко.
- Он повел ее через лес вдоль озера. Очень скоро они добрались до кромки скал, ограничивавших долину с юга. Густая тень укрывала здесь землю, и на лугу лежал снег, не таявший даже в такую жару. Возле скал Соня увидела еще одно озеро с темной неподвижной водой.
- Какое странное озеро! — воскликнула девушка, подбегая к берегу.— Вода в нем похожа на темное стекло.
- Так и есть,— кивнул Север.— Холод превратил ее в лед. Сюда ведь никогда не попадает солнце.
- И ты привел меня к застывшему озеру, чтобы научить чему-то?
- Именно,— согласился Север.— В другом месте это просто невозможно. Разувайся! — приказал он и через мгновение уже стоял босиком на льду.
- Соня сняла свои сандалии и осторожно ступила на лед.
- Холодно,— пожаловалась она.— Опять заболею.
- Не заболеешь,— ухмыльнулся Север.— Пробежимся до дома, и согреешься.

- Она сделала еще два неуверенных шага и остановилась напротив него, принимая боевую стойку.
- Ты готова?
- Да,— ответила она, и в тот же миг его рука метнулась вперед.
- По привычке Соня двинулась чуть вправо, чтобы избежать прикосновения, но почувствовала, что ступня скользнула по льду и она падает. В тот же миг он схватил девушку за руку, помогая устоять на ногах, и она ударила его, уверенная, что застала противника врасплох. Однако Север, как всегда, опередил ее на ничтожную долю мгновения. Он выпустил Сонину руку, она почувствовала, что наносит удар из неустойчивого положения, и упала... Упала бы, если б он ее вновь не поддержал.
- Все,— сказал вдруг он и пошел одеваться.
- Она уныло поплелась следом.
- Ты поняла, почему так получилось? — спросил он на обратном пути.
- Потому что скользко было.
- Но ведь и я стоял на льду,— возразил он,— а на пятках у меня шипы не растут.
- Соня фыркнула и виновато посмотрела на Вожака, потом восторженно улыбнулась:
- Но ведь это же ты!..
- Север покачал головой, но от ответной улыбки не удержался.
- Брось! — смеясь отмахнулся он.— Я такой же человек, просто знаю то, чего пока еще не знаешь ты.
- И что же это? — заинтересовалась она.

— А вот пойдем к столу,— неожиданно предложил Север и, проходя мимо песчаной площадки, поднял одну из палок с привязанной на ее конце подушкой.

— Что, опять? — недовольно сморщила носик девушка.

— Да нет,— успокоил он ее, присаживаясь к столу.— Секрет устойчивости состоит в том,— заговорил Вожак, когда она устроилась рядом и приготовилась слушать,— что опора всегда должна оставаться под серединой тела.

Соня покачала головой.

— Что-то я не слишком понимаю,— честно призналась она.

— А вот представь, что это человек.— Он указал на тряпичный «кулак».— «Подушка» — его тело, а эта палка — нога. Причем единственная.— Соня хохотнула, уткнувшись ему в плечо, и он кивнул. Она откинула с лица пышные волосы и приготовилась внимательно слушать.— Как ты, наверное, заметила, он калека.

— Должно быть, тяжело ему придется,— улыбнулась девушка.

— Верно.

— Он не устоит.

— Он может и устоять,— возразил Вожак,— хотя это и непросто. Вот смотри.

Он взял «человечка» в руки, помял немного, поставил палку на столешницу, выравнивая ее положение и, наконец, убрал руки. «Человечек», к немалому удивлению девушки, остался стоять.

— Видишь? — удовлетворенно спросил Север.

Она улыбнулась и неожиданно ударила, но хотя кулак ее остановился в половине локтя от «тела», «человек» упал.

— Видишь? — довольно спросила она.

— Молодец! — похвалил Вожак.— Кстати,— заметил он,— ты показала как раз то, что произошло на льду. Ты стояла, пока я тебя не трогал, а сама ты не двигалась. Но стоило мне только нарушить твое равновесие, и ты начала падать, а когда попыталась ударить сама, опять-таки с непривычки потеряла равновесие.

— А ведь я все делала как обычно...

— В том-то и дело,— кивнул он.— Ступая ногами по твердой земле, человек привыкает к устойчивости, которая на поверку оказывается всего лишь иллюзией. Ты только что смогла в этом убедиться.

— Хорошо, хорошо,— согласилась она.— Ты, конечно же, прав, но зачем это мне? Или мы отправляемся в страну вечных льдов? — насмешливо добавила она.

— А я надеялся, что ты и сама догадаешься, что в песочеч падала недавно из-за тех же ошибок.

— Значит, если я научусь не падать на льду...

— ...то и на земле почувствуешь себя гораздо увереннее.

— Прямо сейчас начнем?

— Ну зачем же? Завтра, после пробежки.

— И что мне придется делать? — не отставала она.

— Для начала постараешься просто побегать, попрыгать и при этом не падать, а там посмотрим.

Следующие несколько дней они только тем и занимались, что бегали с утра вокруг леса, а после такой разминки и не слишком долгого отдыха переходили на лед. С каждым днем девушка чувствовала себя все увереннее. Она училась настолько быстро, что Север только удовлетворенно кивал. Так что к концу седьмицы они успели продинуться гораздо дальше, чем он надеялся.

* * *

В один из дней они уютно расположились за столом рядом с домом. Их единение подходило к концу, все задуманное они выполнили и теперь могли отдохнуть и о многом поговорить.

— Послушай, вот вернемся мы с тобой в Логово... — мечтательно произнесла девушка, словно говорила не о своей бывшей тюрьме, а о родовом замке, но тут же насторожилась. — Да, кстати, ты ведь так и не сказал, подхожу я тебе или нет.

— Ну конечно, подходи! — рассмеялся он. — Куда я теперь без тебя?

Но Соня не приняла его шутки.

— Ты не шути со мной, Вожак, — серьезно сказала она, и ее серые глаза сверкнули сталью, — а то...

Но он не отвел просветлевшего взгляда, в котором совершенно неожиданно сверкнули искорки смеха и отразилась голубизна безоблачного неба.

— Я теперь не смогу без тебя, Север, — прошептала Соня. — Помни об этом.

— Клянусь, что не покину тебя, пока смерть не разлучит нас или...

— Или что? — едва не прокричала она, схватив его за руку.

— Или пока ты сама не захочешь этого, — тихо ответил он, и в глазах девушки заблестели слезы.

— Не смей... — сказала она, и голос ее дрогнул, но она тут же взяла себя в руки. — Никогда не смей говорить мне такого! А на этот раз я прощаю тебя, — закончила она насмешливо и отвернулась, чтобы он не увидел, как слезинка сбежала по щеке. Небрежным движением девушка смахнула слезу и, улыбаясь, обернулась к Северу: — Ну так расскажи мне, напарник, чем нам предстоит заниматься.

— Ты не дуйся на меня и не думай, что я готовлю себе пути к отступлению. Со временем ты поймешь, что я имею в виду.

— Ладно мне зубы-то заговаривать, — ухмыльнулась Соня, уже полностью прийдя в себя. — Я задала вопрос, — напомнила она. — Вот и отвечай на него, ясно и кратко.

— Повинуюсь, — покорно ответил Север, склонив голову. — Так вот, у Логова много могущественных врагов и много нерешенных проблем.

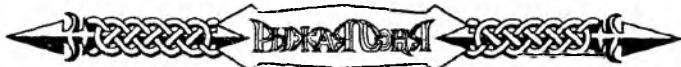
— А по-моему, это одно и то же.

— Не совсем, — покачал головой Север. — Ордену не хватает средств. В Логове есть люди, которые ищут скрытые состояния.

— Так ведь это же...

— Да, да, да. Можно прибегнуть к банальным кражам. Но ты не беспокойся, этим займутся другие. Нам же с тобой предстоят иные дела.

— Например?

— Я знаю, что долгие годы ведутся поиски развалин Пифона — Города Пурпурных Башен.

— Что за Пифон? — спросила девушка.— Не тот ли, где располагалась некогда столица Ахерона?

— Он самый,— кивнул Север.— Так ты слышала о нем?

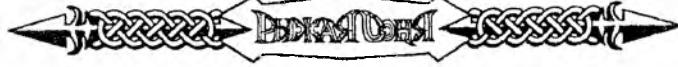
— Самую малость.— Она пожала плечами.— Якобы находятся эти развалины где-то на северо-востоке Немедии, среди непроходимых лесов. Мы даже собирались на обратном пути завернуть туда и попытать счастья. Теперь уж... Впрочем,— поправила она себя,— вполне возможно, Сурхан с Альво попытают счастья, если ушли.

— Они ушли.

— Правда? — Глаза девушки радостно загорелись.

— Конечно,— заверил ее Север.— Случись иначе, я бы знал. Кстати, кто-то из них застрелил Вестницу у самого выхода из ущелья. Так что если они прошли Пограничное Королевство, то наверняка уцелели. Я вижу, ты рада,— добавил он, помолчав.— Тебя что-то связывало с ними? Расскажи,— попросил он.

— Да знаю-то я о них мало что,— заговорила она.— В Пустыньке не принято лезть в чужие дела. Разумеется, я знала и того, и другого и встречалась с ними не раз, но все мельком. Признаться, у меня составилось о них незавидное впечатление. Альво слишком мелкий для воина. Хитрец и болтун. Сурхан силой и мощью напоминает мне Кучулуга, и мне всегда казалось, что этот тупица живет только затем, чтобы выпить и пожрать.

— Ну и как же ты очутилась в такой малоприятной компании? А впрочем,— тут же поправил он себя,— чего спрашивать-то?

— Да уж,— хмыкнула девушка.— Однако самое интересное заключается в том, что путешествие до Логова показало их в совершенно ином свете.— Соня помолчала.— Мне ведь в жизни встречалось много высокородных молодых людей, но все они стремились только к одному...— Она посмотрела Северу в глаза, и он понимающе кивнул.— А эти воры... Они берегли меня. Ты понимаешь, Север? Никто из тех, кого я должна была боятьсяся, пальцем меня тронуть не попытался, словом не обидел. Они относились ко мне как к сестре.— Она посмотрела на него грустными глазами.— Зачем я рассказываю тебе об этом?

— Потому что я попросил тебя,— напомнил он.

— Верно.— Красавица грустно улыбнулась.— Но зачем это тебе?

— Быть может, мы сумеем разыскать их?

— Но зачем? — не уступала девушка.

— Я хочу иметь своих людей вне Логова,— объяснил он.— Таких, на которых можно положиться. Но это я так... Ты ведь говорила, что Альво мало на что годен, а Сурхан просто туп.

— Я сказала, что думала о них так прежде, но впоследствии убедилась в обратном. Сурхан умница, он просто играет роль этакого силача-простачка, а в бою...— Она покачала головой.— Не знаю, на кого поставила бы, на него или Кучулуга.

— Ну что ж,— кивнул Север,— хорошо. А как Альво?

— Альво тоже умница, хоть и малыш,— ответила девушка.— Да и саблей владеет отменно.

— Стало быть, дело за малым,— подытожил Вожак,— отыскать их.

— Может, не все так сложно,— заметила Соня, усмехнувшись.— Мы договорились встретиться в Ханумаре.

— Что же вас навело на такую мысль? — удивился Север.

— Не что, а кто,— поправила его девушка.— Ханторек предупредил, чтобы мы ни в коем случае не совались в Ханумар, потому что там нет ни одного Следа, ну мы и решили, что это лучшее место, где можно укрыться от погони.

— Ты считаешь, им можно доверять?

— По-моему, да. А почему ты спрашиваешь?

— Ты бы хотела разыскать их?

— Да! — Соня просияла.— Хотя... Ты ведь так и не сказал, чем нам предстоит заниматься.

— Я помню. Так вот, существует карта, на которой указано расположение легендарного города. Правда, карта относится ко временам существования Ахерона, а география того времени отличалась от нынешней.

— Сильно? — поинтересовалась девушка.

— Если я скажу, что Вилайета не существовало вовсе, то, думаю, ты согласишься, что я не преувеличиваю.

— То есть карта бесполезна?

— Скажем так: ею нельзя пользоваться без предварительного изучения,— поправил ее Север.— Но эта работа уже проделана. Есть и вторая карта, со-

временная, на которой положение Пифона определено достаточно точно, плюс-минус десять лиг.

— Это много,— покачала головой Соня.

— Десять лиг — не сто. Но не это главное. Бумаги пропали.

— Пропали? Из Логова?

— Из дворца Лухи в Похиоле.

— Клянусь Белом...

— После этого и построили новый дворец со множеством ловушек и тайников, которые, говорят, невозможно пройти, не зная дороги.

— Пройти можно везде,— возразила она рассейенно.

— Не стану спорить,— согласился Вожак,— да это и не важно. Важно то, что украли обе карты, и не только их. Вместе с ними унесли и планы подземелий, которые, говорят, сохранились повсюду, разве что кроме самого верхнего уровня.

— И давно это произошло?

— Честно говоря, не знаю.— Север виновато развел руками.— Скорее всего, несколько столетий назад.

— И за такую бездну времени они не сумели вернуть пропажу? — удивилась девушка.

— За прошедшее время удалось только разузнать, где хранится украденное,— ответил Вожак.— Да и то лишь совсем недавно.

— И ты считаешь, что дело это поручат непременно нам?

— Да. Быть может, не сразу, и для начала проверят, на что мы годны, но других кандидатов у Разары, а значит, и у Лухи, просто нет.

— Откуда ты знаешь?

— А ты думаешь, Разара зря искала мне напарницу? — усмехнулся Вожак.— Она ведь понимала, что одному мне не справиться. Одно время она даже подумывала о Халиме, но я сумел убедить мать-настоятельницу, что мне в напарники нужна амазонка, а не колдунья.

Девушка улыбнулась счастливой улыбкой и прильнула к его плечу. Север обнял ее, и на какое-то время они забыли обо всем. Однако предстоящие заботы были столь серьезны, что Соня вновь заговорила о них:

— А зачем вообще Ордену эти подземелья?

— А ты еще не поняла? Ахерон — империя колдунов, однако и он не устоял против бесчисленных орд варваров. Пифон пал последним. Об ужасе той войны говорит хотя бы то, что город пришлось разрушить до основания, чтобы взять. Разара утверждает, что уцелевшие подземелья должны скрывать множество секретов, колдовских атрибутов, заговоренных вещей, фолиантов, хранящих знания, которые до сих пор считались утерянными. Если это правда, то там скрывается путь к большому могуществу.

— И ты намерен передать его Ордену?

— Я скажу тебе так: со мной или без меня, гиперборейцы или кто-то другой достанет сокровища, но тому, что погребено под руинами Пифона, недолго оставаться на месте. Мир меняется, пробуждаются древние, забытые людьми силы, и, быть может, тайна, хранимая подземельями, — одна из них. Так что лучше уж ее найти мне.

— Так ты еще и колдун? — удивилась Соня.

— Нет,— рассмеялся Север и добавил уже серьезнее: — Но я надеюсь на помошь Хэлдира. После этого мы сможем покинуть Логово, если, конечно, что-то другое не задержит нас.

— Что ты имеешь в виду?

— Да ничего.— Вожак пожал плечами.— Просто закончится все не через год и не через два, а за такой срок многое может произойти.

— Ну хорошо.— Девушка улыбнулась.— Значит, мы занимаемся этим большим и важным делом, а в промежутках развлекаемся мелкими кражами крупных ценностей.— Она вопросительно посмотрела на Вожака, и тот кивнул.— Ты отказался от Халимы, хотя, казалось бы, воин и колдунья — сильная пара! Чего ты ждешь от меня?

— Все просто,— начал объяснять Север.— Действуем по возможности скрытно, но если ввязываемся в драку, я — на острие, ты защищаешь меня на расстоянии. Если при этом сумеешь оставаться невидимой для врага, еще лучше.

— А если...

— А если кончатся стрелы и ножи, достаешь меч, но не раньше того. Пойми, мы маленькая армия. Я ударная сила, ты, извини уж, мой засадный отряд. Крысенок и птица — наши соглядатай, Вулоф с Билвой — тыл.

— Я защищу тебя, любимый! — Соня улыбнулась, и губы ее коснулись его губ. Некоторое время оба молчали, затем девушка словно очнулась от сладких грез.— Ну что ж, Вожак,— она обворожительно улыбнулась Северу, словно ничего меж-

ду ними только что не произошло,— тебе придется кое о чем рассказать мне. Я ведь не воин, а вор, и действовать привыкла в одиночку.

— Что ж,— улыбнулся он, подразнивая ее,— тогда приготовься. Сейчас начну пичкать тебя мудрыми советами. Итак, поскольку ты теперь моя сильная правая рука, удары твои должны разить вовремя и наповал. А это значит, что ты должна быть храброй.

— Вот уж не ждала, что ты назовешь меня трусишкой!

— Это смотря что понимать под храбростью. Один древний полководец говорил, что храбрость — это всего лишь умение терпеливо выживать в опасной ситуации. Вот терпения-то тебе как раз и не хватает.

— Да,— девушка вздохнула огорченно,— бывает.

— Не стоит огорчаться,— приободрил ее Вожак.— В конце концов, жить — значит действовать. А потому тебе надо научить выбирать для действия нужное время. Понимаешь?

Она кивнула:

— Но как не ошибиться в выборе?

— Для этого есть несколько правил. Помни, что быстрота важна, но поспешность вредна. А это значит, что действовать нужно хоть и быстро, но при этом не мешает представлять себе, что ты делаешь и что предпримет противник.

— А если я сомневаюсь?

— Если сомневаешься, лучше выжиди, но уж если чувствуешь, что момент настал, бей первой и никогда не останавливайся на полпути.

— Я поняла,— сказала наконец девушка,— твой девиз: осторожность прежде всего!

— Верно,— кивнул он.— Я хочу, чтобы ты держалась подальше от стали и кулаков, потому что люблю тебя. Тебе этого мало?

— Мало! — Она вспыхнула, села к нему на колени и, наградив поцелуем, обняла за шею.— Хочу еще!

— Да и постель мне приятнее делить со златовласой красавицей, а не с покрытым шрамами воином,— невинным тоном добавил он и едва успел увернуться от ее маленькой, но быстрой руки.

— Я сейчас сама покрою тебя шрамами!

— Хорошо, хорошо! — Он смеясь завел руки девушки за спину и некоторое время любовался тем, как она вырывается и шипит от ярости, словно дикая кошка.— Мы ведь не знаем, с кем столкнемся, а готовы должны быть ко всему.— Он выпустил ее руки.— Что смогут сделать два меченосца, стоящие спиной к спине, когда их окружили враги? Человек десять.

— Зависит от того, какова эта десятка.

— Верно мыслишь,— согласился Север.— А ты знаешь, что умелого воина в полном доспехе практически невозможно остановить? — Она смотрела на него широко раскрытыми глазами.— А если их окажется двое, или трое? Но все меняется, если я знаю, что ты в укрытии и ждешь момента.

— А если ты?..

— Я продержусь сколько потребуется.

Соня вздохнула и поняла, что в этом споре ей верха не одержать.

— Ладно. Пусть будет по-твоему. В конце концов, мы же не всю жизнь собираемся драться.

— Ну конечно! Да и пока остаемся в Логове, не думай, что станем либо общаться с матерью-настоятельницей, либо забираться в чужие дома.

— Это хорошо.— Девушка заметно повеселела.— Не хочется повторять избитые фразы, но жить хочется, пока молод. Другое дело, когда перед тобой вечность! — Она лукаво улыбнулась.— Ты понимаешь, о чем я?

— Перестань! — Вожак посмотрел на нее с укором.— Зачем понапрасну изводить себя?

— А ты задумывался когда-нибудь о том, что произойдет с миром, когда тебя в нем не станет?

— А зачем? Для меня, как для любого человека, мир существует лишь до тех пор, пока я живу в нем. Стоит мне его покинуть, он перестанет для меня существовать.

— Да? — заинтересовалась она.— И куда ты уйдешь?

— Кто знает? Есть много мнений.

— А ты? — взволнованно спросила девушка.— Что ты думаешь об этом?

— Ну,— он пожал плечами,— я кое о чем слышал, хотя особо и не интересовался. На Черном континенте верят, что душа мертвеца переселяется в вырезанного из дерева идола, которому поклоняется вся деревня, и таким образом усиливает его. А значит, и колдун племени, обращаясь за помощью к идолу, может рассчитывать на большую помощь. Для них смерть — благо. Поэтому они не боятся расстаться с жизнью, ведь они навсегда ос-

таются в племени. В северной Киммерии каждый знает, что после смерти душа его уходит на Серые Равнины. Это мрачный и суровый мир. Представь себе бескрайнюю равнину, затянутую серым густым туманом, по которой гуляет лишь колючий ветер. В бесконечном странствии бредут по равнине души умерших, страдая от отчаяния и безысходности.— Север посмотрел на девушку, и та зябко поежилась, прижимаясь к нему плечом, словно на нее только что дохнуло холодом Серых Равнин.— И только души великих воинов, при жизни покрывших себя славой, суровый Кром забирает в свои чертоги, где за бесконечно длинным столом идет нескончаемый пир.

— Уже лучше,— улыбнулась она.— Все-таки есть надежда.

— Да? — усмехнулся Север.— А вот немедийцы утверждают, что человеческая душа после смерти растворяется в мраке. Ты можешь сказать, кто из них прав?

— Неужели все верят только в такой исход?

— Ну почему же? Где-то за Вилайетом, я слышал, верят в то, что наш мир — это обитель страдания, в которой души неких высших существ расплачиваются за содеянное зло. Кому было на все наплевать, становится растением, кто проявил себя свиньей, тот искупает грехи, проводя жизнь в свинарнике. А кто лаял на каждого без разбора, после смерти напяливает на себя собачью шкуру.

— Тоже не слишком-то весело.

— Ну почему же? — не согласился Север.— Получается, что смерть здесь означает конец наказания и возвращение в свой мир.

— Ну не знаю! — Соня нервно пожала плечами.— Не нравится мне то, что ты рассказываешь.

— Да разве ж в том моя вина? — удивился он.— Ты ведь сама просила...

— Сам-то ты во что веришь?

— Да ни во что! — хмыкнул Север.

— То есть как это? — опешила девушка.

— Все просто. Ты никогда не бывала в Зембабве? — спросил он, и девушка отрицательно качнула головой.— Хорошо. Предположим, ты хочешь узнать, как там живут люди, какова природа, нравы, ну и вообще...— Он неопределенно покрутил рукой в воздухе, и она кивнула, давая понять, что понимает его мысль.— Как ты поступишь?

— Ну, съезжу туда сама...— неуверенно ответила она, но Вожак покачал головой.

— У тебя нет на это времени.

— Тогда найду того, кто бывал там.

— Верно! Но я в жизни не встречал такого!

— Как не совестно! — Она надула губки и стукнула его кулачком в плечо.— Все смеешься надо мной!

— Шучу! — Он обнял девушку. Она тут же перестала дуться и прижалась к нему.— Не думай ты о смерти! Живи и будь счастлива!

— Будь счастлива.— Она вздохнула.— Счастье не купишь в лавке.

— Не купишь,— согласился он.— Но один из древних мудрецов сказал: «Счастлив тот, кто считает себя счастливым». Внушай себе всю жизнь, что ты несчастна, так и проживешь в скорби и печали.

— А бессмертие?

— А бессмертие только продлит эту муку.

— А ты счастлив, Север? — спросила она.

— Да,— ответил он.— Теперь да.

— А прежде? — заинтересовалась Соня.

— Прежде я считал, что смысл жизни в борьбе,— честно признался он.— Я боролся и чувствовал себя счастливым, но только после побед. Потом радость притуплялась, и я начинал сознавать, что мне чего-то не хватает. Лишь благодаря тебе я понял, что борьба не смысл, а всего лишь одна из радостей жизни. Я понял, что для счастья нужна еще и любовь.

Девушка ничего не ответила. Может, не нашла нужных слов, а может, побоялась, что голос дрогнет. Она только прижалась теснее к нему и притихла, думая о чем-то своем.

— Вот вы и попались, прославленные воины! — торжествующе рассмеялся старец и продолжил уже серьезно: — Вы слишком беспечны для воинов. Я запросто мог убить вас обоих.

— А вот и не смог бы! — весело возразила девушка.— Ты вышел из дома, а я уже слышала, как ты хрюстишь коленками.

Хэлдир замер с удивленным лицом и в следующий миг расхохотался весело и молодо.

— Да, ничто нас так не старит, как годы! — отсмеявшись, повторил он уже высказанную однажды мысль.— Поделом мне — нечего хвастать.

— Не расстраивайся,— попыталась утешить его девушка.— На самом-то деле я услышала тебя шагов за десять.

Он поблагодарил ее кивком, и по его взгляду Соня поняла, что пришел старец не просто так. Он тут же заговорил, и первые же его слова показали, что она не ошиблась.

— Я не прислушивался к вашему разговору. Только случайно кое-что услышал.

— Что-нибудь интересное?

— Я понял, что вы теперь вместе? — Он вопросительно посмотрел на обоих.

— Как ты думаешь, милый? — Соня обняла Севера за шею. — Он не ошибся?

— Надеюсь, нет, — в тон ей ответил Вожак.

— Отлично, — кивнул стариk и посеръезнел. — Что тебя мучает по ночам, девочка?

— Откуда ты знаешь? — встревоженно спросила она.

— Ну, — он помялся, — не кричи по ночам, никто и не узнает.

Она посмотрела на Севера, и тот кивнул:

— Расскажи ему все.

— Но зачем? — растерялась она.

— Расскажи, — мягко повторил Хэлдир, — тогда и узнаем. Или в этом есть что-то стыдное?

— Да нет же! — Соня досадливо поморщилась. — Просто я не понимаю, зачем.

— Да я ведь уже сказал, — удивился он. — Вы теперь — одно целое. А это значит, что твоиочные кошмары — ваша общая слабость.

Девушка посмотрела на Хэлдира и поняла, что тот не шутит.

— Если так, то скажу, что есть у меня и еще одна слабость. Посерьезней этой.

— Да? — насторожился Север.

Она помолчала.

— Мою семью вырезали несколько лет назад, — нехотя сообщила она. — Двое братьев и родители — все погибли. Сама я случайно избежала смерти. Меня просто не оказалось дома. Но почти сразу за мной начали охотиться какие-то мерзавцы.

— Кто такие? — оживился Хэлдир.

— Не знаю, — Соня грустно покачала головой, — но надоели смертельно. Я испугалась, — продолжила она. — Испугалась по-настоящему: мне ведь не было еще и пятнадцати. Я поняла, что если хочу жить, то должна исчезнуть. Мне это удалось, а через пару лет до меня дошли слухи, что мой старший брат тоже остался жив, но отыскать его я так и не сумела. Впрочем, главной моей задачей оставалась прежняя — выжить. Я постоянно чувствовала их присутствие неподалеку, как чувствуешь взгляд врага в спину, даже не видя его. Наконец мне удалось замести следы, и последние несколько лет я провела относительно спокойно. — Она помолчала. — Но вот недавно, уже в Шадизаре, вернулось прежнее ощущение. Именно поэтому я сразу согласилась на предложение жреца Пайра пробраться в Логово и похитить кинжал.

— Пайр? — удивленно переспросил Север. — Кто он такой?

— Понятия не имею. Он сказал, что в Ианте есть храм Митры, где его знает каждый. Я, правда, не поклоняюсь Митре да и в митрианство не верю, но человек этот мне понравился, и я согласилась. Уже после Ханторек предложил нам то

же.— Она помолчала.— Так вот эти преследователи — они меня тревожат. В немалой степени из-за них я согласилась остаться в Логове.

— Понадеялась на защиту матери-настоятельницы?

— Не только. Защитить себя в крайнем случае я могу и сама, но я хочу знать, кто они и что им от меня нужно. Я думала, что, если расскажу обо всем Разаре...

— Нет,— решительно остановил ее Север.

—...Или вам,— не обращая на него внимания, закончила Соня,— то вы поможете мне.

— Не нужно Разары,— улыбнувшись, поддержал Вожака старец.— Если за всем этим кроется что-то серьезное, то ты можешь только навредить себе.

— Это почему? — удивилась девушка.

— Ну,— Вожак на мгновение задумался,— сложно говорить о том, чего не знаешь. Но представь на миг, что причина преследовать тебя есть... Скажем, наследство. Крупное состояние или титул. Не сомневаюсь, что Орден защитит тебя. Но кто защитит тебя от Ордена?

— И что же мне теперь делать?

— Ничего,— ответил за Вожака Хэлдир.— Положись на нас с Севером. Я постараюсь разузнать, кто они. Только не думай, что это случится скоро. Так что придется нам пока вернуться к твоим снам.

Соня не заставила их уговаривать себя и рассказала все, начиная от наказания и заканчивая снами. Она не скрыла даже мельчайших подроб-

ностей, которых предпочла бы избежать. Например, рассказала им о том, как позвала Севера в сон и он отогнал видение. Рассказала и о странном сне, в котором кроме незнакомца в сером были Вожак и Лорна. В общем, все, что только смогла вспомнить.

— Ну а сама-то ты что думаешь об этом? — спросил Хэлдир, когда девушка закончила свой рассказ.

— А что я могу думать? — Она пожала плечами.— Ясно, что никто меня не сжигал, но сумел сделать так, что я не только все видела, но и чувствовала.— Она посмотрела на Севера темнневшими глазами.— Ты знаешь, каково это — чувствовать, как, не выдерживая жара, лопаются вены, смотреть, как закипает сочащаяся из них кровь, как обугливается плоть, вдыхать тошнотворный запах горелого мяса, которое только что называлось твоим телом, и ждать смерти как избавления от мук?

— Успокойся, милая.— Он обнял ее за плечи.— Этого ведь не произошло на самом деле.

— Моя память говорит мне другое. Но я спокойна. Хотя и знаю, что та или тот, кто проделал со мной это, получил надо мной какую-то власть и теперь пытается воспользоваться ею.

— Ты никого не узнала? — спросил Хэлдир.

— Нет,— мотнула она головой.— Я же сказала, что не видела ни рук, ни лица, да и говорил человек шепотом. Голос гулко отдавался от стен, так что я не сумела даже определить, мужчина это или женщина.

— Ну, с этим-то как раз просто,— сказал Вожак.— Мужчины в подземелья просто не допускаются. Значит, остаются настоятельницы во главе с Разарой, которая, кстати, уехала в ту ночь в Похиолу.

— Халима! — не задумываясь выкрикнула девушка.

— Доказательств, конечно, никаких,— сказал Север,— но, думаю, вряд ли она упустила возможность сорвать на тебе злобу.

— Значит, я у нее в долгу,— прошипела амазонка.

— Выброси это из головы.

— Но почему?!

— Помнишь, я говорил тебе, что всякое действие обязывает? — спросил он.— Так вот, она не сделала ничего сверх того, что должна была сделать. Она выполнила приказ матери-настоятельницы, и только, да и Разара руководствовалась не своими желаниями, а интересами дела. Раньше за побег приговаривали к мучительной смерти. Если ты теперь отомстишь Халиме, то та же судьба, что дала тебе силы пройти через все, накажет тебя.

— Все забыть и спокойно ждать, когда она подстроит еще что-нибудь?

— Прояви храбрость,— улыбнулся Север.— Но если все-таки задумаешь мстить, расскажи о своих планах мне. Если после разговора желание не пропадет, действуй как знаешь.— Он подставил ей открытую ладонь. «Совсем как маленькой девочке»,— подумала она и невольно улыбнулась.— Договорились?

— Будь по-твоему.

— Я рад, что вы договорились,— кивнул ста-рик.— Но хочу добавить кое-что от себя. Я не со-гласен с Севером. Эта ваша Халима явно вышла за рамки дозволенного. Я уверен, что вторглась в сон она по своей воле. Мне кажется, она гото-вится к атаке. Так что хорошо, что ты все расска-зала. Ее надо изгнать. Иначе беда случится гораз-до раньше, чем вы оба думаете.

— Но что мне может угрожать, кроме плохо-го сна?

— Спроси у него.— Хэлдир кивнул на Вожака.— А я пока приготовлюсь.— Он поднялся и пошел прочь, но на полпути обернулся: — Кстати, вам тоже стоит перейти в дом. Здесь ничего не получится.

— Что он имел в виду? — спросила девушка, когда они остались вдвоем.

— Понимаешь, сны — это своеобразные миры. Одни из них бедны красками и скучны, но ведь и обычная жизнь нередко пасмурна и тосклива, как дурной сон. Но случаются сны, поражающие бо-гатством красок и буйством событий. Одни из них страшны, из других уходить не хочется. И то, что произошло с тобой, тоже сон. Вызванный чарами колдуны страшный сон.

— Колдуны, ты сказал?

— Все настоятельницы — колдуны,— хмыкнул Север.— А ты думала — они наставников ублажа-ют по ночам? Как бы не так!

— А тебя это огорчает,— съехидничала девушка.

— Уже нет,— в тон ей ответил Север.— Но давай о твоем сне. Она попытается подчинить тебя и увести с собой.

— Ты думаешь, я так просто сдамся?
 — Ну...— Он пожал плечами.— Если тебе хочется вместо отдыха бороться с ней по ночам...
 — М-да...— Она покачала головой.
 — То-то и оно. Когда-нибудь она сделает так, что ты не проснешься, и это даже не окажется убийством.

Соня зябко поежилась:

— Пойдем-ка домой.
 — Да, Хэлдир уже заждался.

Они встали и направились к огромному обросшему мхом срубу. Сейчас, в лучах заходящего солнца, он показался девушке таинственным и необычным. Дверь бесшумно отворилась, и сидевший у стола Хэлдир, не оборачиваясь, произнес:

— Я уже собрался звать вас.
 — Ты сам просил рассказать ей,— напомнил Север.

— Садитесь же,— кивнул стариk на места за столом и разжег от уголька свою трубку.

Хэлдир выпустил первое облако дыма, странного дыма — без цвета и без запаха, похожего на волну поднимающегося над раскаленной пустыней воздуха. Соне даже почудилось, что она ощущала на своем лице его горячее дыхание.

— Здорово,— невольно вырвалось у нее.
 — Я вызову силы, которых нет здесь сейчас, но не хочу, чтобы кто-то даже случайно узнал об этом.— Он помолчал и сделал еще одну затяжку.— Как ты относишься к огню? — неожиданно спросил он.

— Я люблю смотреть на огонь... Любила,— правила она себя.— Теперь он мне неприятен.

Хэлдир понимающе кивнул:

— Это плохо. Ты должна избавиться от своей неприязни, потому что огонь здесь ни при чем. Огонь не плох и не хорош — он могуч. Это самая изменчивая из сил мира! Огонь согреет пищу и накормит голодного, обогреет замерзшего, защитит от врагов и зверей,— говорил старец, и голос его звучал все торжественнее.— Огонь рассеет мрак и осветит путь! Но тот же огонь выжжет землю и отнимет жизнь. Огонь — всего лишь орудие для умеющего пользоваться им. В добрых руках он служит добру, но в злых творит зло. Полюби огонь и станешь сильнее.

— Почему ты так подробно рассказываешь мне об огне?

— Потому что подчинили тебя с его помощью. Если ты струсишь, то наше лекарство обернется ядом. Лучше тогда совсем ничего не делать, а просто пожаловаться Разаре и надеяться, что ее запрет удержит Халиму.

— Ну уж нет! — возмутилась Соня.— Я не привыкла ни от кого зависеть! И в особенности от тех, кто не желает мне добра!

— Это разумно,— сказал он, выпуская последнее облако прозрачного дыма. Теперь комната выглядела странно. Она словно вместила в себя целый мир и одновременно стены как бы сдвинулись.— Смотри в огонь,— заговорил Хэлдир.— Все вокруг перестало существовать. Только ты, огонь и мой голос.— Он нагнулся и заглянул в

глаза девушке.— Сосредоточься на языке пламени. Представь, что это бутон сказочного цветка. Постарайся проникнуть внутрь него. Ты слышишь меня?

— Да.

— Когда окажешься внутри Огненного Цветка, скажи мне.

— Да.

На некоторое время в комнате воцарилось молчание. Двое мужчин замерли, наблюдая за тем, как девушка пустыми глазами смотрит в огонь очага. Вилва привстала на передних лапах, но ближе подойти не решалась.

— Нет, не могу...— медленно проговорила Соня и отодвинулась.— Языки... Скачут. Не сосредоточиться...

— Смотри на Цветок,— быстро подсказал Хэлдир.— Сейчас я помогу тебе.

Он шагнул вперед и, засучив рукав, погрузил руку в огонь. Зрачки девушки расширились, но она не произнесла ни слова. И тогда он сделал резкое движение и выдернул руку — на ладони трепетал крохотный язычок пламени.

Странные изменения произошли в тот же миг вокруг них. Все предметы в комнате вроде бы остались на своих местах, но тени, метавшиеся по противоположной от очага стене, словно в страхе, отскочили в сторону и притихли, а некоторые так и вовсе исчезли. Те же, что уцелели, сделались кроткими и бледными и лишь едва трепетали, следя порывам пугливого лепестка. Хэлдир поднес к нему другую руку, и он тотчас отпры-

нул, словно испуганный зверек, угодивший в ловушку.

— Не бойся,— понизив голос, заговорил с ним маг, как с живым существом.— Я не причиню тебе зла, не погашу твоей жизни.

Он гладил пламя, как гладят нежную шерстку ручного зверька, и язычок перестал шарахаться от руки Хэлдира и трепетать, но стал темно-красным, как рубин чистой воды.

— Я вижу, ты устал,— молвил Хэлдир.— Наберись сил.

С этими словами он поднес руку к огню очага, и лепесток начал расти в высоту и в то же время светлеть. И вновь произошла странная перемена. Тени удлинились и потемнели.

— Ты не боишься? — спросил Север.

— Нет,— ответил Хэлдир,— ведь мы подружились.

Огненный цветок опять изменил цвет и стал желтым, а тени будто приобрели вес и объем и поползли к стенам.

— Скоро он наберется сил, которых хватит надолго,— пообещал маг.

Вскоре и впрямь на ладони его распустился бутон бледно-желтого пламени. Тени уползли в бесконечность и наполнились непроницаемой тьмой. Воздух, казалось, зазвенел от напряжения, хотя вокруг стояла мертвая тишина. Хэлдир подошел к девушке, которая все это время продолжала безучастно смотреть в очаг.

— Соня, взгляни на меня,— властно приказал Хэлдир. Она медленно подняла голову, и он продолжил: — Я привел тебе друга. Не бойся. Погладь его.

Она протянула руку к огню, но, почти коснувшись, остановилась в нерешительности. И тут случилось странное. Лепесток сам потянулся к руке девушки.

— Не бойся, погладь его,— повторил Хэлдир.— Я знаю, вы подружитесь.

Через мгновение рука Сони ласкала странный бутон, чувствуя не обжигающее пламя, а тепло живого тела. Тогда Хэлдир чуть наклонил ладонь, и огненное существо осторожно переползло с нее на руку девушки.

— Вот и хорошо. А теперь оставь его и попроси не уходить.

Словно в полусне, девушка кивнула.

— Прошу тебя,— прошептали ее губы,— как никогда и никого не просила — не оставляй меня. Помоги.

Цветок сполз с ее ладони и повис в воздухе на расстоянии вытянутой руки.

— Вглядись же в него,— велел старик,— и представь себя внутри.

Девушка сосредоточилась и вдруг почувствовала, как резко изменился окружавший ее мир. Она уже не видела ни очага, ни волчицу, ни людей, ни стола, у которого сидела. Она очутилась в чужом и непонятном месте. Соня обернулась: не проглядная темнота царила позади. Желтый свет, свет животворящего солнца, разливался перед ней.

— Не бойся... Иди! — сразу со всех сторон раздался громоподобный голос.— Не бойся огня!

Однако страха Соня не испытывала. Она шагнула к желтой стене и лишь на миг остановилась,

когда поднесла руку к ее поверхности. Почувствовав блаженное тепло, дарующее силу, девушка улыбнулась и шагнула внутрь.

Золотое сияние мгновенно обступило ее со всех сторон, словно она попала сразу в самую середину пламени. То здесь, то там под ногами распускались огненные цветы. Соня шла и любовалась ими, пока не заметила впереди знакомую уже фигуру в сером.

— А-а-а! Вот и ты! — обрадованно прошипела она.— Я долго не могла пробиться к тебе... Как тебе удавалось ускользать? Скажи мне, скажи! — требовала она, но Соня не отвечала ей.

Сердце ее стучало ровно. Она и прежде не боялась, но чувствовала исходящую от человека в сером угрозу, и тревога не покидала ее. Она знала, что должна избавиться от своего ночного кошмара, а вместо этого повесила на себя амулет Севера, который оградил ее от тревожных снов. Угроза осталась, она росла, и только теперь девушка поняла это.

— Молчиш-шь?! — послышалось шипение.— Сейчас заговориш-шь. Ты знаеш-шь, что это за место? Конечно, нет! Откуда тебе знать? Это Дом Огня — сердце одной из стихий, правящих миром. Только избранные имеют сюда доступ и среди них — я!

Соня медленно двинулась вперед.

— Как тебя звать, одна из немногих в мире? — насмешливо спросила она, подступая все ближе.

Как там говорил Север? Не торопись, но если решилась — бей первой и не останавливайся на

полпути! Что ж, можно и не торопиться...— Как насчет того, чтобы проверить на прочность тебя, милая гирканка?

— Я твойnoch-чной кош-шмар! Ты разве забыла?!

— А по-моему, ты переигрываешь,— усмехнулась Соня. Теперь их разделяло не более пяти шагов.— Для кошмара ты выглядишь слишком скучно... Да и могущество твое вызывает у меня сомнения.

— Ого! — воскликнула фигура в сером.— У шадизарской девки прорезались зубки?! Я понимаю! — хихикнула она.— Рядом с Севером ты кажешься себе сильнее и значительней... Платьице коротенькое с низким вырезом...— Капюшон шевельнулся, и Соня поняла, что ее разглядывают.— Так даже веселее — из постели и в огонь! Ты знаешь,— повторила она,— что это за место?

Теперь, видимо от волнения, она говорила почти нормально. Соне даже показалось, что она узнала голос настоятельницы, но она не торопилась.

— Это Дом Огня,— дерзко повторила воительница.— Истинное сердце одной из правящих миром стихий.

— Это тюрьма для рыжей твари! — выкрикнула Халима.— Тебе предстоит гореть здесь вечно, и то, что случилось с тобой в Логове, скоро покажется мелкой неприятностью.— Она расхохоталась, прежде чем заговорить снова.— После тебя Северу понадобится кто-то,— доверительно шепнула она,— и уж я постараюсь утешить его! На этот раз он от меня не уйдет.

— Значит, однажды он тебя уже выставил! — обидно хохотнула Соня.— Бедняжка! Мне даже жаль тебя.

— Ты подохнешь здесь со своей жалостью! — едва не задохнувшись от злобы, запипела настоятельница.— А я стану навещать тебя и рассказывать, как нам хорошо вдвоем.

— Да? — Амазонка шагнула вперед, и фигура в сером невольно отпрянула. Она заманила жертву в ловушку, а жертва и не думает пугаться. Наоборот, наступает. И ее охватило сомнение — все ли идет как надо? Она собралась выбраться отсюда, чтобы покончить с опостылевшей девкой, но новый вопрос Сони невольно заставил ее остановиться.— А с чего это ты взяла, что сумеешь меня заменить?

— Так ты осмелилась?..

— Да,— кивнула, прервав ее, Соня,— нам выпало счастье полюбить друг друга.

— Скажи лучше, что ты коварно соблазнила его, шлюха! — зло выкрикнула Халима.— В это я скорее поверю!

— Пусть так,— не стала спорить девушка.— Давай посмотрим, достаточно ли ты хороша, чтобы повторить мой трюк?!

Она сделала еще шаг, но настоятельница отскочила на два.

— Я сожгу тебя! — пригрозила она.— Изжарю на медленном огне!

Халима оглянулась, ища что-то, а Соня вспомнила вдруг напутствие Хэлдира: «Не бойся огня!» Она быстро нагнулась, сорвала ослепительно бе-

лый цветок, только что распустившийся у ее ног, и в тот же миг все остальные исчезли. Только мягкий золотистый туман по-прежнему обволакивал две женские фигуры. Увидев в руках Сони Огненный Цветок, настоятельница попятилась, пока не уперлась в желтую стену спиной, со страхом глядя на ослепительно белые лепестки, извивавшиеся в руке соперницы. Низко нависший капюшон все еще скрывал лицо, и Соня не видела его выражения, но почти чувствовала приступивший на нем ужас.

— Покажи личико,— насмешливо попросила воительница. Она понимала, что одерживает верх в этом поединке, хотя и действовала в отличие от колдуньи по наитию.— Сдается мне, ты не зря прячешь его.

Женщина в сером резко повернулась, пытаясь убежать, но в тот же миг белый лепесток в руке Сони превратился в огненный хлыст. Рука ее сама собой метнулась вперед, и хлыст, щелкнув, обвил укутанную капюшоном голову. Беглянка резко вскрикнула и остановилась. Шадизарка ухватилась за капюшон и рванула его к спине.

Халима снова вскрикнула, закрывая лицо руками, и обернулась. Соня увидела, как кожа на руках гирканки чернеет, и в растерянности отступила на шаг. И тогда настоятельница опустила руки и посмотрела на соперницу. Но то, что увидела Соня, невольно заставило ее попятиться еще дальше.

Сожженная незримым пламенем, кожа на руках Халимы обуглилась и осыпалась черным пеп-

лом. В тех местах, где ладони коснулись лица, кожа отстала и теперь висела отвратительными лохмотьями, обнажая белую кость черепа. Колдунья словно продолжала гореть в невидимом огне.

— Я ухожу из твоих снов,— прохрипела она.— Не знаю, кто помогает тебе, но обязательно узнаю, и тогда ему несдобровать.— Кусок левой щеки отвалился, и Соня увидела, как ворочается в пересохшей гортани почерневший язык.— Ты думаешь, что победила? — продолжала Халима.— Нет, ты не избавилась от меня. Теперь я займусь тобой наяву!

Она попыталась сказать еще что-то, но в этот миг освобожденная от плоти челюсть упала к ногам, вырвав из горла черный язык. Тогда настоятельница шевельнулась, словно хотела шагнуть к сопернице, но прогоревшие кости сухо затрещали и рассыпались прахом. Серый плащ упал к ногам Сони.

В тот же миг все переменилось. Девушка вздрогнула, увидев, что опять стоит в комнате, а в протянутой руке ее трепещет оранжевый лепесток. Повинуясь внезапному порыву, она наклонилась к очагу и протянула руку к пламени.

— Спасибо тебе,— прошептала она.

Пламя нежно слизнуло с ее руки лепесток, и Соня отдернула пальцы.

— Ай! — невольно вырвалось у нее.

Она взмахнула рукой и сунула мизинец в рот. Одними губами, едва заметно, Север улыбнулся.

— Как дела? — поинтересовался он.

— Все ваши премудрости яйца выеденного не стоят,— насмешливо ответила она.— Жизнь — лучший учитель! Так ты, кажется, говорил?

— Так оно и есть,— кивнул Вожак.

— А знаешь, что сказала мне напоследок Халима? — спросила она, и лицо девушки стало серьезным.— «Я ухожу из твоих снов, но только ради того, чтобы взяться за тебя наяву!» Ну?! Как тебе это нравится?

— Откровенно говоря, совсем не нравится,— честно признался Север, обменявшись с Хэлдиром долгим взглядом.— Тем не менее упрек твой несправедлив. Жизнь ведь преподает свои уроки всем, но учит лишь тех, кто ее изучает. Так что дело не в учителе, а в ученике.

— Да, ладно,— отмахнулась Соня.— Это я так.

— Вот и хорошо,— согласился Вожак, в то время как старец продолжал молча слушать их разговор.— Но все-таки что там произошло?

— Цветок помог мне,— ответила девушка.— Как только я сорвала его, Халима начала гореть в невидимом пламени, медленно разваливаясь на куски.

— Вот тебе и возмездие Рока, о котором я говорил,— заметил Хэлдир.— Запомни это как следует.

— Да уж. Вряд ли забуду,— призналась она.— Хотя, говоря по правде, вспоминать не слишком хочется. Да вам ведь и не это интересно? — Она посмотрела на мужчин, и оба кивнули.— Сперва она откровенно издевалась надо мной,— сказала Соня и, увидев удивление на лице Севера, смущенно добавила:

— Ну пыталась.— Он улыбнулся, и она продолжила: — Но когда я взяла в левую руку цветок, она испугалась, а когда я сдернула с нее капюшон, пообещала узнать, кто мне помогает, и отомстить. После этого заявила, что доберется до меня наяву. Хотела сказать еще что-то, но уже не смогла. Ну? Как вам моя история?

— Если я правильно тебя понял,— сказал старик,— то всем нам теперь грозит беда.

— Нам с тобой,— уточнила девушка, посмотрев на старца,— нашему другу Северу ровным счетом ничего не угрожает. Эта девка мечтает затащить его в постель.

Она одарила Вожака гневным взглядом, словно тот отвечал за слова настоятельницы. Север покачал головой и сокрушенно всплеснул руками. Потом прижал правую ладонь к сердцу и повернулся к девушке.

— Соня...— начал было он, но она оборвала его резким взмахом руки.

— Молчи, когда я говорю! — крикнула она.— Колдунья много порассказала мне!

— Не понимаю, о чем ты,— наконец удалось и ему вставить слово.

— Между вами ведь произошло что-то? Ты не желаешь рассказать, что? — с обманчивой мягкостью поинтересовалась девушка.— Да не вздумай лгать — я сразу почувствую! — предостерегла она, вонзив коготки в его щеку.

Он легко поймал ее руки и, несмотря на отчаянное сопротивление девушки, завел их ей за спину и мягко улыбнулся.

— Не нужно меня спрашивать,— попросил он, и она ответила ему яростным взглядом.

— Ага! Значит, ведьма не лгала! Тебе есть что скрывать!

— Да нет же,— поморщился Север.— Поверь. Просто я не хочу унижать ее, ведь и Халима женщина. Пусть даже такая...— Ему никак не удавалось поймать ее взгляд.— Просто поверь мне.

Он поцеловал девушку в губы и выпустил руки, которые тут же обвились вокруг его шеи. Ответный поцелуй девушки оказался гораздо горячее и длился значительно дольше.

— Не обманывай меня, Север,— прошептала она.— Никогда.

— Хватит ссориться,— улыбнулся, глядя на них, Хэлдир.— Идите лучше к столу.

— Разве мы ссоримся? — удивилась девушка.— Мы просто учим друг друга.

— Да? — заинтересовался старец.

— Конечно,— кивнула Соня.— Он меня — искусству убивать, а я его — умению общаться со мной.

— По-моему, неравноценный обмен,— заметил старик, расставляя на столе посуду.

— Такова жизнь,— заметила девушка, лукаво улыбнувшись Северу.— Если он скверно усвоит мой урок, то тут же убедится, что я свой выучила на совесть.

— Но ведь это жестоко! — рассмеялся Хэлдир.— Всего одна ошибка, и!..

— Пусть следит за собой,— возразила девушка.— Это приучает к дисциплине.— Север с улыбкой слушал их и думал о том, что давно не чув-

ствовал себя так хорошо.— Можешь сесть с нами,— милостиво разрешила она.

Он уселся и обнял девушку за плечи. Хэлдир тем временем расставил на столе еду и разлил вино по кубкам.

— Ну что ж,— сказал он,— от одной опасности мы избавились, и это хорошо. Или нет? — удивленно спросил он, видя, как девушка вдруг посерезнела.

— Не знаю,— глядя куда-то в сторону, ответила она и покачала плечами.

— Тебя что-то тревожит? — Север накрыл ее ладонь своей рукой.

— Она ведь не оставит меня в покое, верно? Да к тому же поклялась отомстить Хэлдиру, о существовании которого до сих пор даже не подозревала. Так что мы выиграли? По-моему, положение только ухудшилось.— Мужчины переглянулись, а Соня продолжила: — Как странно... Раньше я заботилась только о себе...— Она взгляделась в темноту за окном и некоторое время сидела неподвижно.— Всего несколько дней прошло, как я согласилась остаться с вами, а уже беспокоюсь о вас.

— Ты просто взрослеешь,— заметил Север и отхлебнул вина.

— Взрослый нашелся! — Девушка сбросила с плеча его руку и отодвинулась.— Учитель!

— Ты зря обиделась,— усмехнулся он.— Раньше ты думала лишь о себе, теперь чувствуешь ответственность и за других — один из признаков взросления.

Девушка недоверчиво посмотрела на него и опять отвернулась.

— Ну что ты дуешься? — простодушно спросил Север.— Только что ведь радовалась!

Она посмотрела на него невесело, но вдруг приблизилась, крепко поцеловала в губы и улыбнулась.

— Вот так,— удовлетворенно вздохнула она.— Теперь мне гораздо лучше.

Улыбаясь, Хэлдир смотрел на них и думал о чем-то своем. Быть может, об ушедшей молодости, о трагической любви, а может, и о том, что ждет их впереди.

Глава шестая

Всю ночь Вилва беспокоилась. Хэлдиру показалось, что она так и не сомкнула глаз. Волчица то поскрипывала, то принималась ворчать, и тогда шерсть у нее на шее вставала дыбом. Нередко она вдруг вскакивала и начинала озираться, словно выискивала в темноте невидимого противника. Старец не раз подходил к ней и успокаивал, но очень скоро все начиналось сначала. Только когда начало светать, Вилва притихла и старик смог наконец уснуть.

Вожак с Соней провели эту ночь на свежем воздухе, в общем-то тоже без сна, и под самое утро, обнявшись, пошли к дому.

Совершенно неожиданно дверь резко отворилась, и волчица стрелой вылетела наружу. Даже не посмотрев на людей, она бросилась вдоль ручья к выходу из ущелья.

Север нахмурился, и они ускорили шаг. Хэлдир как раз выходил из дома, когда двое молодых людей подошли к нему.

— Это я, старый дурак, виноват,— мрачно заявил он.— Всю ночь Вилва беспокоилась, а я, вместо того чтобы задуматься, утихомиривал ее.

— О чём это ты? — Соня требовательно посмотрела на старца.

— Я слишком поздно понял, что она просто учудила то, чего не ощущаем мы, люди. Она чувствовала нависшую над Вулофом угрозу, а оставшийся в комнате дым мешал ей понять, что происходит.

— К утру дым рассеялся,— закончил за него Север,— и Вилва сообразила, в чём дело.

— Да,— кивнул старик.

— Но что же могло случиться? — спросила Соня.

— А что тут думать? — Север беспомощно развел руками.— Вулоф ведь остался с Лорной. Поже, они попали в беду.

Последние слова он произносил уже в дверях. Вскоре Вожак вернулся, но уже в облачении, в котором Соня увидела его впервые. Голову Севера украшало оголовье из толстой бычьей кожи с крестьообразной выпуклой бляхой на лбу. Широкий пояс из вороненой стали удерживала огромная округлая, вытянутая книзу бляха с незатейливым орнаментом, больше походившая на небольшой щит. Две лямки, перекинутые через плечи, с кольцевыми вставками как бы держали пояс на месте, но Соня заметила, что они укреплены стальными полосками. Передние их части служили ножнами для метательных кинжалов, а в перекрестьи задних она заметила крепления для ножен меча, который он

пока держал в руке. Наружную часть левой руки от плеча до кисти защищал стальной доспех, совершенно не стеснявший движений. Спереди и сзади с пояса свисали широкие кожаные пластины, усиленные стальными бляхами. Но самое большое впечатление на Соню произвел меч Севера, которого она прежде не видела. Его гарду и ножны покрывал странный узор, напоминавший орлиные перья.

— Я с тобой! — крикнула Соня и, не дожидаясь ответа, бросилась к дому.

Север нахмурился, но спорить не стал.

— Только быстрее! — поторопил он ее вдогонку.

Но беспокоился он напрасно. Что-что, а быстро соображать и не менее быстро действовать девушки умела. Вожак не успел обменяться с Хэлдиром и парой слов, а она уже вернулась.

Все трое без промедления направились по тропе, и на этот раз путь показался девушке значительно короче, чем прежде. Спускаться им так и не пришлось. Когда до спуска оставалось шагов двадцать, огромный темно-серый волчище кинулся прямо к ним в ноги.

— Вилва! — крикнул Север и побежал было на встречу, но успел сделать всего два шага, как зверь ткнулся ему в грудь передними лапами, едва не повалив наземь.— Где они? Что случилось? — спросил он, совершенно позабыв, что волчица не умеет разговаривать.

Вместо ответа Вилва дважды лизнула его в нос, бросилась обратно и мгновенно скрылась.

— Надо думать, все обошлось,— с облегчением вздохнул Хэлдир.

Словно в подтверждение его слов на тропинку выбежала Лорна и метнулась к ним, но, завидев Соню, остановилась на миг и бросилась на шею деду.

— Ну рассказывай же,— не выдержал старик.

— Не торопи ее,— остановил старца Север и обернулся к Вулофу.

— Никого! — коротко рыкнул волк.

— Отлично! — кивнул Вожак.— Всем нам не мешает перекусить. Идем к дому,— обратился он к девочке,— там и расскажешь.

Она тут же согласилась и только потом впервые посмотрела по сторонам. Глаза ее округлились от восторга.

— Да ведь это же...— начала было она.

— Да,— кивнул старик,— почти как дома.

Обратно шли молча, но Лорна все-таки не выдержала и заговорила сама. Видимо, ей не терпелось рассказать о случившемся.

— Они пришли сразу после полуночи, но Вулоф учゅял их еще задолго до того.

Соня посмотрела на зверя, и тот кивнул:

— Плохие люди, плохо пахнут.

— Много? — коротко спросил Север.

— Четыре лапы.

— Двадцать человек, значит,— задумчиво повторил Вожак.

— Тебя ценят все выше,— невесело усмехнулся Хэлдир.

— Брось! — поморщился Север.

— Что бы ты ни говорил, а с этим придется что-то делать. Сорок латников в Гиперборее, но

там тебя сопровождали десять конников.— Он выразительно посмотрел на Вожака.— Двух лун не прошло, и вот уже двадцать на одного! Смотри,— серьезно добавил Хэлдир,— как бы в следующий раз тебе не напороться где-нибудь в лесу на сотню.

— Ну что ты меня уговариваешь? Уйти я сейчас не могу: только-только подошли к главному. Сам ведь понимаешь... Сделай что-нибудь, если можешь, а нет, обойдусь.— Он обернулся к девочке.— Ты поняла, кто они?

— Нет.— Лорна виновато покачала головой.— Они ведь ночью пришли.

— А ты? — обратился Север к Вулофу.

Они уже вернулись к дому и расположились за столом. Волк отрицательно помотал головой и только потом заговорил.

— Не видел... Нет...— ответил он и тут же добавил: — Чуял: много железа, много пота, много вина... И кони... Чужие...

Сперва Соня не поняла смысла последнего слова, но тут же вспомнила, что их вороные остались на попечении девочки.

— Как только Вулоф разбудил меня,— опять заговорила Лорна,— я тут же выгнала коней в лес и убежала сама, а сюда меня привел Вулоф. Дед! — внезапно переменила она тему.— А что это за место?

— Чш-ш! — Он приложил палец к губам и заговорчески подмигнул внучке.— Это тайная долина. О ней никто не должен знать.

— И я? — удивилась она.

— И ты не должна бы,— кивнул он и вновь перевел разговор на свое.— Так ты больше ничего не видела?

— Как не видела? — удивилась девочка.— Они же сожгли наш дом! Разве я могла уйти? Я проплакала всю ночь, глядя из кустов на пожар, а когда рассвело и они убрались, вернулась, надеясь, что хоть что-то уцелело.— Ее губы задрожали, но все-таки она сумела сдержаться и только добавила хмуро: — Все сгорело.

Дед обнял ее, прижал к себе, и тогда она не выдержала и разревелась. Соня смотрела на ее худенькие, мелко вздрогивающие плечики и почувствовала, как в ней самой растет злость на потных и пьяных вооруженных людей, которые ночью прискакали на конях, чтобы сжечь дом старика и его маленькой внучки.

Впрочем, Хэлдир ведь сказал, что чужаки появились из-за Севера. Если так, то дело становится интересным. Она невольно задумалась и на время даже забыла о плачущей девочке и ее бедах. «Странно,— подумала она,— что я не видела дыма. Впрочем, быть может, его просто отнесло ветром. Или темнота помешала. В любом случае ничего хорошего в этом нет». Когда-то она думала, что митрианцы охотятся за людьми Логова, и ничего странного в этом не видела. Но теперь у нее появилось чувство, что здесь кроется что-то другое...

— А кто эти люди? — внезапно спросила девушка.

— Это долгая история,— ответил Север.— Да-вай поговорим об этом после.

— Хорошо,— кивнула Соня, явно делая усилие, чтобы держать себя в руках.— Тогда я спрошу по-другому. Почему эти люди явились в самую глушь Бритунии и сожгли дом, в котором мирно жили седой старик и его маленькая внучка?

Лорна оторвала от груди деда заплаканное лицо.

— Потому что они охотятся за Севером,— пробурчала она и нахмурилась. Рыжая красавица явно не нравилась ей: слишком уж влюбленно смотрела на ее Севера!

— Об этом я уже догадалась,— старательно не замечая ее сердитого взгляда, ответила девушка.— Но как они узнали, что Север побывал в этом доме? — Она вопросительно посмотрела теперь уже на Хэлдира.

— Я ведь тебе уже говорил — за ним следят,— недовольно поморщившись, ответил старец. Он явно не хотел обсуждать этот вопрос.— Хотя Север и не колдун, но в нем скрыта огромная сила, а чем мощнее сила, тем проще ее обнаружить.

— Кому? — продолжала допытываться Соня.

— Тому, кто умеет это делать.

— Я вижу, ты не склонен говорить об этом,— заметила девушка.— Давай тогда поговорю я, а ты поправишь, если что не так.

Она вопросительно взглянула на Хэлдира, и тот склонил голову в знак согласия, в то время как Север просто молчал, а Лорна неодобritoльно хмурилась, однако спорить со взрослыми не решалась.

— Так вот,— продолжила Соня,— за Севером, как ты сказал, могут следить. Эти люди, вероятно,

знают, что основную часть времени он проводит в Логове, но сунуться туда боятся. А может, и совались уже, да безуспешно.— Хэлдир кивнул.— Поскольку он до сих пор жив, я понимаю так, что высledить его не очень-то просто. Наверное, необходимо, чтобы он оставался какое-то время на месте? Или что-то еще? — Девушка выжидательно посмотрела на старца, и тот вновь кивнул, но уже заинтересованно.— Итак, совсем недавно они проследили путь Вожака из Логова в Похиолу, совершенно логично предположили, что вскоре он вернется, и устроили засаду, но все сорвалось. Через какое-то время Север направился в Британию. Его путь вновь проследили, но он закончился у предгорья Карпаш. А ведь здесь нет ни перевалов, ни подземелий...

— Какой же я глупец! — неожиданно воскликнул Хэлдир.— Позабылся о безопасности мужчины и совсем забыл о ребенке.

— Да ничего со мной не случилось,— проворчала Лорна.

— Ты совершенно права,— не обращая внимания на слова внучки, сказал он, обращаясь к Соне.— И могу сказать с уверенностью, что сейчас они затаились и ждут, когда мы появимся.

— Ну это вряд ли,— усомнился Север.— Домо сожгли.

— Пожалуй, ты прав,— согласился старец.— Кто-то из них немного погорячился.

— Или перепил,— усмехнулся Вожак,— хотя, конечно, всякое бывает, но это завтра. Ты уверен,— повернулся он к Вулофу,— что за вами никто не увязался?

— Да,— коротко ответил тот.
— Это хорошо. Но за тропой лучше следить.
— Да,— кивнул Вулоф, поднимаясь, и с разрешения Вожака волки ушли.
— Что ты собираешься делать? — спросил Севера Хэлдир.

Тот пожал могучими плечами:

— А что тут поделаешь? Уходить нужно. Хотели несколькими днями позже, придется сейчас.

Соня хмыкнула, Хэлдир недовольно поморщился:

— Думаешь, я не понимаю? Как?

— До чего же вы, маги, неприспособленные люди! — усмехнулась девушка.— А ведь все просто. Ночь не спали,— сказала она, чуть заметно покраснев,— сейчас позавтракаем, отоспимся. Вечером поужинаем и соберемся в путь. Как стемнеет, начнем спускаться. Как сказал Вулоф, их всего четыре лапы. Найдем и передавим по одному, как клопов.

— Все очень просто,— согласился Север, и девушка так и не поняла, шутит он или говорит всерьез.

Старец с ехидцей посмотрел на девушку и поддержал своего молодого друга:

— Можно, конечно, и так, но как-то скучно.

Лорна прыснула и уткнулась носом в руку деда.

— Как знаете! — фыркнула девушка, встала и ушла в дом.

— Думаешь, обиделась? — спросил Хэлдир.

— Крыску пошла кормить,— убежденно возразил Север.

— Ой! — Лорна всплеснула руками, мгновенно позабыв обо всех своих печалях, и взглянула на деда.

— Конечно, иди,— разрешил тот.
Оба мужчины смотрели ей вслед, пока дверь не закрылась.

— Ну так что же нам делать? — вновь спросил старец, когда они остались одни.

— Увози Лорну домой. Кто бы там ни шастал ночью, но искали они меня, да только не нашли. Я очень сомневаюсь, что эти люди ушли просто так. Но если и ушли, то непременно вернутся. Если так, то они видели на пепелище девочку, которая тоже пропала неизвестно куда. Если они и не поняли, что между нами есть связь, то доложат хозяевам, и уж те непременно сообразят, что к чему. Но даже если ее и не видели, то все равно останутся ждать, когда я вернусь.

— Убедил. Но неужели ты действительно собираешься всех их...

Он не договорил, но Север прекрасно понял его мысль и усмехнулся:

— Нет, успокойся. Это просто бравада, но если придется убивать, ничего не поделаешь. Так что тебе с Лорной лучше держаться от нас на расстоянии.— Он помолчал.— А вот лошадей придется у них забрать, иначе далеко нам не уйти. Ну пошли.— Вожак встал.— Там, наверное, уже и стол накрыт.

* * *

Во второй раз за этот день люди собирались у края ущелья, только теперь солнце не светило им в спину, как утром, а слепило глаза. Подумав, что, быть может, уже никогда не вернется сюда, Соня

в последний раз оглянулась. Длинные тени легли на землю и вытянулись к дальнему концу долины, словно стремились убежать в некий иной мир.

— Жаль уходить,— шепнула Соня Северу, и он, соглашаясь, рассеянно кивнул в ответ, а Лорна, рассыпавшая тихий голос девушки, нахмурилась, только никто этого не видел.

— Сейчас солнце сядет, и тогда отправимся,— сказал Хэлдир.

— Они не видят нас? — поинтересовался Север.

— Нет,— уверенно ответил старик и произнес в подтверждение фразу, показавшуюся Соне странной донельзя: — Слишком много поворотов разделяет нас.

— Вулоф, ты все помнишь? — спросил Север. Волк кивнул, но Вожак посчитал не лишним напомнить.— Ты идешь впереди, ищешь проход, разведываешь посты, находишь коней и после этого возвращаешься к нам. Лорна и Хэлдир остаются с Вилвой.— Он посмотрел на волчицу, и та коротко кивнула.— Мы втроем идем вперед и устраляем препятствия, пока не добираемся до коней. Дальше все просто. Садимся на них и уезжаем.

Солнце тем временем скрылось за горизонтом, и отряд тронулся в путь. Всего один раз Соня шла по горной дорожке, однако прекрасно помнила ее. Огромные валуны, словно вехи пути, отмечали изгибы тропки, которым люди и звери строго следовали, обходя камни с наружной стороны.

Девушка насчитала три десятка таких камней, когда идущий перед ней Север поднял руку, по-

казывая, что они достигли последнего поворота. Сумерки к этому времени сгостились настолько, что в пяти шагах различить что-либо казалось просто невозможным. И только зверям тьма нисколько не мешала.

Вожак присел у последнего камня и что-то шепнул на ухо волку. Тот убежал вперед. Все остались ждать его возвращения. Ждать пришлось молча, а потому время тянулось медленно. С невидимого в темноте пепелища тянуло гарью, и запах этот не нравился ни людям, ни волкам.

Серая тень скользнула перед лицом, и девушка едва не вскрикнула.

— Идем,— как всегда, коротко сказал Вулоф, и все двинулись следом.

Неожиданно Север резко остановился и поднял руку.

— Впереди двое,— еле слышно шепнул он Соне.— Подожди меня здесь.— И растворился в темноте.

Девушка только успела подумать, что осталась одна, когда услышала звяканье металла, а еще через несколько мгновений из темноты вынырнул Север.

— Что там произошло? — тихонько поинтересовалась девушка.

— Шлемы,— коротко бросил он.— Я сшиб их головами. Жаль, нащумел.

— Надо же,— усмехнулась Соня,— а по звуку — точь-в-точь дваочных горшка.

— Немудрено,— согласился Север.

— В смысле?

— Пьяные в дым,— объяснил Вожак.— Кого они собирались ловить в таком состоянии?

Подойдя ближе, девушка смогла рассмотреть первую пару.

— Выглядят они отвратительно,— сморщилась она.— Да и пахнут не лучше.

Вулоф вновь вернулся за ними, и все трое двинулись дальше. Еще пару раз Север оставлял ее в одиночестве и устранил полупьяные дозоры, прежде чем они увидели впереди пламя костра. Видно, незнакомцы посчитали, что ушли в лес довольно далеко, чтобы ничего не бояться. Как ни странно, но люди у костра не перепились. По крайней мере, они еще могли разговаривать.

Север вернулся и объяснил Соне, что их там всего пятеро и всех придется убрать, по возможности бесшумно. Вожак взял на себя трех сидевших особняком с дальней стороны от стреноженных коней. Его напарнице достались двое мрачных, заросших грязными волосами дикарей.

Вскоре стали слышны пьяные голоса.

— Между нами говоря, я вам скажу откровенно,— хриплым басом вещал главарь двум собутыльникам, которые усердно кивали, давая понять, что во всем согласны с ним.— Мужик,— он потряс огромным кулачищем,— это мужик, а баба...— Он брезгливо сморщился.— Баба — она и есть баба!

Пораженная такой глубиной мысли, Соня ошарашенно глянула на Севера, но тот лишь покал плечами, словно говоря: «Я-то что могу тут поделать? Хочешь — убей его за неуважение!». Но де-

вушка уже отползла в сторону. Их стрелы проплыли в воздухе почти одновременно, и тут же рядом появился Вулоф.

— Еще двое,— сообщил он.— Остальные дальше.

— Жди здесь,— шепнул девушки Север и исчез.

Соня задумалась: чтобы справиться с этими мозглаками, ни к чему обладать достоинствами Вожака, а ведь из поездки в Гиперборею он, похоже, едва вернулся. Нет, что-то здесь не так...

Север быстро вернулся, и почти одновременно с ним на поляну вышли Вилва и старик с девочкой.

— Все спокойно,— сказал Вожак.— Можем уходить.— Он взглянул на Соню.— Тебя беспокоит что-то?

— Не похожа эта история на продолжение гипербoreйской...— задумчиво ответила она.

— Ясно как день,— улыбнулся Север.

— Не понимаю, почему ты радуешься.

— Что с тобой? — Вожак посеръезнел.

— Кто эти люди? — Соня кивнула на трупы у костра.

— Не знаю,— честно признался Север.

— Вот это меня и беспокоит. Клянусь Огненным Лепестком, нет ничего хуже, чем неизвестный враг. Поверь, я испытала это на себе.

Лорна посмотрела на рыжеволосую красавицу удивленно, но с уважением. Словно подтверждая справедливость ее слов, дрова в костре затрещали и взметнули в небо сноп разноцветных искр, хотя пламя уже угасало. Где-то в лесу заухал филин.

— Идем отсюда,— сказал Север и зашагал к лошадям.— Ты права, и я займусь этим,— добавил он уже позднее, когда они оседлали коней и медленно тронулись через лес.

Поначалу скакуны табуна пытались разбежаться, но Вулоф с Вилвой не давали им сделать это, и скоро лошади хотя и продолжали настороженно коситься на волков, но сбежать уже не пытались.

Ехали не слишком быстро, и не только потому, что вокруг царила полная темнота, но и из опасения неожиданно повстречаться с новыми врагами. Скоро тьма посерела, напоминая о том, что ночь подошла к концу. Стало видно гораздо дальше: близился рассвет. Солнце взошло, но люди так и не увидели его, так густо росли деревья в лесу. Однако к полудню, когда дневное светило поднялось почти над головами, отдельные лучи его начали пробиваться между ветвями и подсвечивать золотистую кору сосен. К этому времени путники уже скакали не таясь. Ночь давала себя знать, и всем не терпелось перекусить и отдохнуть.

Хижину Ферана они увидели сразу после полудня. К тому времени, когда отряд подъехал, Хуг и Борс уже дали знать хозяину о приближении чужаков, однако Феран появился из-за деревьев с луком в руках, и такая встреча говорила о том, что совсем не этих гостей он ожидал.

— Хвала богам, что все вы целы.— Он окинул внимательным взглядом Лорну, по-дружески кивнул Хэлдиру с Соней и вновь обратился к Северу: — Несколько дней по лесу шлялись какие-то оборванцы, а вчера к утру ветер принес с восто-

ка запах дыма, и я всерьез забеспокоился.— Он посмотрел на старца.— Рад, что все обошлось.

— Обошлось, да не все,— ответил Вожак.— Дом-то они сожгли. Так что придется им пока перебраться в Келбазу. Кстати, и тебе тоже. Хотя бы на время. Мы, правда, увели у них коней, но к завтрашнему утру они сюда и пешком доплещутся.

— Так они и мой дом сожгут, Север,— возразил отшельник,— когда увидят, что я ушел. Сразу поймут, что неспроста.

— Сожгут, сожгут,— оборвал его Север.— А останешься, сожгут вместе с тобой — надо же на ком-то сорвать злость! Так что уйдешь вместе с ними.— Он кивнул на Лорну с дедом.— Вернешься, когда все успокоится.

— Дела... — только и смог сказать Феран.

Он поскреб в затылке, но спорить перестал. Север обернулся к Хэлдиру:

— Увози Лорну домой. Ей здесь оставаться нельзя.

— Нет! — закричала девочка.— Не хочу!

— Ну что ты, успокойся. Здесь действительно становится слишком опасно.

Соня попыталась приласкать девочку, но та сердито оттолкнула ее руку:

— Уходи! Это все из-за тебя!

Взгляд ее горел искренним гневом, хотя Соня и не увидела в нем ни ненависти, ни злости.

— Лорна, прекрати! — прикрикнул на нее Хэлдир.— Это решено, и не мели ерунды, а то завтра придется краснеть! — Девочка окинула Соню сер-

дитым взглядом и пошла к лесу.— Далеко не уходи! — крикнул ей вслед старик.

— Ладно...

Феран засуетился и как-то виновато заглянул в глаза рыжеволосой красавице.

— Пойдем соберем на стол. Поспать, наверное, все равно не удастся, так хоть поедим на дорогу,— предложил он.

Девушка кивнула, и они направились в дом.

Север раздосадованно посмотрел на Хэлдира:

— Как-то нескладно все получилось.

Старец неожиданно возразил:

— А может, и нет. Вспомни, что говорят старики. Дитя речет истину!

— Что ты имеешь в виду? — не понял Вожак.

— А ты вспомни пророчество,— сказал Хэлдир и начал читать по памяти шепотом и немного нараспев:

И как звезда в ночи встречается с звездою,
Спасая мир от мрака пустоты,
Соединяется Сила с Красотою,
А Мудрость встретится с Мечтою,
И сыщут тайную тропу к Корням Горы...

— Ты всерьез хочешь сказать...

— Да,— кивнул он.— Я должен был понять это значительно раньше и сам! Ее ведь тоже ищут, и она не знает, кто! Теперь понятно, почему. Они отследили не тебя, а вас обоих. Двойной след, ты понимаешь? Он намного сильнее и проявляется значительно раньше!

— Да брось! — отмахнулся Север.— Мы с Соней уже говорили об этом. Те латники знали свое

дело и понимали, на что идут. Они все полегли, но не побежали, а это просто какой-то пьяный сброд. Ничего общего.

— Может, оно и так,— начал Хэлдир,— тебе виднее. Наверное, в Гиперборее ты и впрямь напоролся на людей, хорошо подготовленных к вашей встрече. Но подумай,— тут же добавил он,— если ты сам лишишься человека, которому привык доверять, не обратишься ли при необходимости к любому? Даже к тому, кто заведомо не справится с делом? Все-таки шанс!

— Не знаю,— сказал Север задумчиво.— В это трудно поверить, но всякое бывает. Однако что это меняет?

— Это все меняет! — воскликнул старец.— Вы теперь действительно одно целое, и если каждыйnochleg превратится в смертельную угрозу, то лучше тебе вернуться домой сразу, пока жив! Пока есть возможность!

— Ну так сделай что-нибудь! Ты ведь маг, а не я!

— Это проще сказать,— проворчал старец.— Впрочем,— он встретился взглядом с Севером,— мы ведь с Лорной идем домой... Думаю, вернувшись, сумею помочь вам. Ты можешь не покидать Логова до осени?

— Я уверен, что сумею внушить матери-настоятельнице мысль о том, что мы полностью готовы,— заявил Север.— Когда мы уезжали из Логова, ее обуревала жажда деятельности. Бряд ли она удергится от соблазна сразу же заняться чем-то серьезным, а такое дело требует солидной подго-

товки. Но и дольше луны нам, скорее всего, не позволят оставаться на месте.

— К этому времени я вернусь.

— Эй, спорщики! — услышали они за спиной голос Сони.— У нас все готово!

Мужчины направились к дому, и ни один из двоих не заметил грустного девчоночье личика, выглядывавшего из зарослей молодого ельника. Едва они скрылись, девочка вышла из своего убежища и направилась к хижине. Остановившись перед дверью и заглянув в бадейку с водой, она чуть не заплакала. Гадкий утенок... Как тебе соперничать с ослепительной амазонкой?! С досады она выплеснула воду на землю и уселась на скамью. Слезы бессилия сами собой потекли по щекам. Дверь рядом отворилась.

— Что это ты тут делаешь? — узнала она голос Севера и быстро вытерла щеки.

— В глаз что-то попало,— соврала она.

— Ну-ка, дай посмотрю.

Север попытался заглянуть ей в лицо, но Лорна отвернулась:

— Уже прошло.

— Ну так пойдем в дом. Чем раньше уедем отсюда, тем лучше.

Он собрался уйти, но она вдруг окликнула его:

— Север! — Он обернулся.— С тобой ведь ничего не случится? Ты вернешься? Правда?

— Ну конечно, глупышка,— улыбнулся он.

— Не называй меня так! — нахмурилась она.— И помни, ты обещал.

Обед прошел не слишком весело и кончился гораздо быстрее, чем можно было ожидать. С лиц

мужчин не сходила озабоченность. Соня, чего с ней совсем уж никогда не случалось, в присутствии Лорны чувствовала себя не в своей тарелке. Лорна вообще отказалась от еды. Понурившись, сидела она у стола и кормила с рук крысенка, который за две пролетевших луны из слепого и беспомощного существа превратился в бойкого смышеного зверька с гладкой лоснящейся шерсткой. На все вопросы девочка отвечала, что у нее нет аппетита, и, обменявшиесь взглядами с Севером, Хэлдир махнул рукой: не следует потакать девчоночным капризам, но еще глупее пытаться бороться с ними.

Сборы Ферана заняли и того меньше времени. Все, что он решил взять с собой, уместилось в двух тюках, навьюченных на пару коней. Оседлали еще пятерых жеребцов, и Соня вздохнула с облегчением. Она жалела девочку и все-таки радовалась тому, что все кончается.

— Как появилась, дай знать,— сказал Вожак на прощание Хэлдиру, обменялся рукопожатиями с Фераном, но, когда повернулся к Лорне, девочка не выдержала и бросилась ему на шею.

Она вцепилась в него и рыдала навзрыд. Трое взрослых умных мужчин застыли в растерянности, а Соня отвернулась, просто потому, что понимала: ей лучше не вмешиваться. Наконец общими усилиями девочку удалось успокоить. Ее усадили на коня и тронулись в путь, но она сидела вполоборота и, когда маленький отряд добрался до развязки, закричала:

— Я дождусь тебя, Север! Когда бы ты ни вернулся!

— А ведь и впрямь дождется! — с неожиданным ожесточением сказала Соня.

— Да перестань,— попытался урезонить ее Север.— Лорна еще девочка.

— Девочки вырастают и становятся девушками,— резко ответила она, вскакивая в седло,— а те — женщинами.— Север только рассмеялся, быть может, чуть-чуть наигранно, потому что серые глаза девушки полыхнули холодным пламенем.— Поверь мне, я знаю: ждать осталось совсем недолго,— произнесла она оставшуюся непонятной для Севера фразу и, ударив своего вороного ладонью по крупу, понеслась вперед.

Вулоф с Вилвой бросились догонять ее. Север посмотрел ей вслед, недоуменно пожал плечами, покачал сокрушенno головой и вскочил в седло. Тут он вспомнил, что до ущелья не так далеко, а Соня не знает пароля. Стало быть, ему надо повторяться, если он не хочет, чтобы с ней что-то случилось.

Девушка тем временем все скакала вперед, подставляя пылающее лицо прохладному встречному ветру, и зелилась.

Она сознавала, что это глупо, но ничего с собой поделать не могла.

* * *

Ночь провели в знакомом уже доме, который опять оказался пустым, если не считать только что вернувшегося из обхода Вамматара и двух сопровождавших его послушников, которых он старался не отпускать от себя.

— А ну-ка, парни, погуляйте по лесу,— бесхитростно выставил их за дверь Вамматар, повинувшись взгляду Вожака.

— Как жизнь в Логове? — первым делом поинтересовался Север.

— Кучулуг на диво спокоен,— поведал им начальник внешней стражи.— Мать-настоятельница ждет не дождется вашего возвращения. Халиму я не видел ни разу. Появилось трое новеньких. Двоих, что ты советовал, я забрал сюда и держу при себе.

— А Ханторек? — спросила Соня.

— Отец-настоятель как уехал, так до сих пор и не возвращался.— Он улыбнулся девушке и вновь обернулся к Вожаку.— Ну а у вас как дела?

— Мы теперь пара,— улыбнулся Север, обнимая девушку за плечи.

Соня посопротивлялась для виду и, обхватив его руку, прильнула к плечу.

— Значит, кончилась суматоха? — полуувопрительно-полуутвердительно спросил Вамматар.

— Суматоха? — удивленно переспросила девушка.

— А как же! — хохотнул гипербореец.— В Логове до сих пор только и разговаривают о тех днях, когда Огненная Соня жила там! — Он повернулся к девушке: — Но кое-кто из настоятелей весьма этим недоволен.

— Это кто же? Кучулуг? — попыталась угадать девушка.

Вамматар отрицательно помотал головой.

— Юрг точно не может забыть про свой подбитый глаз, а может, и еще кто-то,— пояснил он и тут же добавил: — Но точно не знаю.

Он говорил и выкладывал на стол еду: хлеб, холодное мясо, фрукты, вино.

— Ну, насчет этого можно не беспокоиться,— заметил Север,— я с ними поговорю.

Вамматар кивнул и продолжил свое занятие. На столе появились сыр, масло, зелень.

— Зачем же так? — промурлыкала Соня, заставив гиперборея вздрогнуть от неожиданности.— Разве ты плохой учитель?

— Да нет вроде бы...

— Может, я показала себя скверной ученицей? — продолжила она.— Я не готова?

— Ты лучше всех,— заверил ее Вожак.— Но зачем тебе драка, которой можно избежать?

— Мне приятно, что ты за меня волнуешься.— Соня ослепительно улыбнулась.— Но ведь в Логове правит закон кулака, верно? — Она посмотрела на Вамматара, на Севера, и оба кивнули.— Твой запрет, безусловно, действует, но недовольство останется и рано или поздно прорвется наружу. Так уж пусть лучше сразу все встанет на свои места!

Север не стал спорить, хотя и соглашаться ему совсем не хотелось.

— Хорошо. Вернемся — посмотрим. Ты, кстати, знаешь,— обратился он к Вамматару,— что в лесу теперь неспокойно?

— Да,— кивнул тот, и тень озабоченности легла на его лицо.— Передовые посты видели каких-то вооруженных оборванцев. Правда, в долину они войти не пытались, и поэтому их пока не тронули.

— Это только начало,— убежденно сказал Вожак.— Боюсь, спокойные времена кончаются.

— Плохо дело,— нахмурился Вамматар.— Свободных людей у меня уже сейчас нет.

— Пока, я думаю, ничего страшного не произойдет. Ты просто скажи своим людям, чтобы не расхолаживались, а что делать дальше, пусть решает мать-настоятельница.

* * *

Утром опять пришлось прощаться. На этот раз с Вулофом и Вилвой. Соня совершенно забыла о том, что оба волка принадлежали наружной страже.

— Ну как? — спросил Север, глядя в желтые волчьи глаза.— Пойдешь с нами, если позову?

— Да,— как всегда, однозначно ответил Вулоф.

— А ты, Вилва? — обратился Север к волчице.

— Не сомневайся,— неожиданно ответил за свою подругу Вулоф, чем немало удивил Вамматара.

— Значит, договорились,— удовлетворенно кивнул Вожак, вскакивая в седло.

Лето близилось к середине. Наступило самое жаркое время года. Солнце палило немилосердно, но внизу, под защитой лесных великанов, чувствовалась прохлада. Мужчина и женщина ехали не торопясь, и Соня не удивилась, когда увидела распахнутые настежь ворота: видно, кто-то из волков уже предупредил внутреннюю стражу об их возвращении. Они спешились у самых ворот, перед которыми стоял Кучулуг, а в десяти шагах позади него выстроились и остальные наставники. В окне трапезной застыла Халима, но за спинами наставников ее никто не замечал.

— Чего это они? — удивилась Соня.

— Тебя встречают,— ухмыльнулся Север. Она посмотрела на него с укоризной, но промолчала.

— Как дела? — спросил, спрыгивая на землю, Север у Кучулуга.

— Трое новеньких,— сообщил тот.— Двое из них, по-моему, неплохи, но третий...— Он поморщился.— Двое ушли к Вамматару. А так все по-старому.

— Постарайся сохранить всех троих,— сказал Вожак и, видя, что Кучулуг собирается возражать, добавил: — Скоро понадобятся люди, и гораздо больше, чем у нас есть.

— Что-то серьезное? — насторожился тот.

— В Бритунии нас тоже поджидали,— коротко ответил он, и гирканец нахмурился.

Север окинул взглядом столпившихся недалеко наставников, приветствовал каждого из них, но при этом увидел, что некоторые с недобрными улыбками поглядывают на Соню. Значит, Вамматар прав. Он обернулся к девушке, и та коротко кивнула ему: все нормально.

Халима приникла к окну, чтобы лучше видеть и слышать все, что происходило на плацу и перед воротами. Правда, интересовали ее только двое — Соня и Север.

— Что вы стоите, олухи! — зло прошипела она, и Юрг даже вздрогнул от неожиданности, услышав за спиной ее голос.— Вы что, не поняли? Она теперь напарница Вожака, но, пока мать-настоятельница не взяла ее под свою защиту, у вас есть время!

Последние слова она говорила уже полуслепотом, потому что Север подошел слишком близко.

— Приветствуя тебя, Вожак.— Гайрам приложил ладонь к могучей груди и склонил голову.— Как показала себя послушница?

— А ты, я вижу, не прочь проверить? — ответил вопросом Север, и турانец вновь почтительно склонил голову.

— Она ведь так и не захотела стрелять из лука,— заговорил вместо приятеля Юрг.— Вот ему и не терпится посмотреть, чему она научилась.

— Тебе, я вижу, тоже не терпится,— заметил Север,— а потому вот что хочу сказать: не тронь девушку, пока она не трогает тебя.

Север внимательно посмотрел Юргу в глаза, но тот не отвел взгляда.

— Это приказ? — спросил он.

— Это совет,— ответил Север и решительно зашагал ко дворцу. Он знал, что его ждет мать-настоятельница, которой, несомненно, уже доложили об их приезде.

Притаившаяся за стеной Халима слышала через открытое окно весь разговор и направилась к выходу. Колдунья и сама не знала, чего хотела. Она увидела спину Севера и собралась идти следом, но в этот миг услышала голос соперницы и обернулась.

Что-то знакомо блеснуло золотом на ее груди, и Халима пошла навстречу, не в силах отвести зачарованного взгляда от сверкавшей на солнце вещицы. Так и есть — медальон Севера с литым орлом на каждой из половинок! Она и сама не заметила, как подошла к толпе послушниц почти вплотную, и очнулась только после того, как те прекратили разговор и наглая тварь нахально уставилась на нее.

— Я смотрю, Вожак не обделил тебя своим вниманием,— ехидно улыбнулась Халима и протянула руку к медальону, словно собралась сорвать его.

Настоятельница не заметила до сих пор смирился сидевшего на плече рыжей девки крысенка, но когда рука ее почти дотянулась до плеча послушницы, он зашипел, спрыгнул на ладонь Халимы и помчался по ее руке. Та завизжала, сбросила его на землю и занесла ногу, но зверек уже отскочил в сторону.

— У-у! Дрянь! — злобно прошипела Халима и пошла прочь.

Послушники и послушницы молчали. Все они знали, кто такая Халима, и ни один не захотел испытать на себе ее гнев, но все как один смотрели ей в спину с усмешкой. Она же, словно почувствовав обжигающий взгляд, обернулась, но увидала лишь равнодушную толпу.

— В последнее время она стала совсем несносной,— пожаловалась Лума, когда настоятельница уже не могла их слышать.— Не так давно она сожгла себе лицо и пару седьмниц не показывалась на людях. Зато теперь все стараются держаться от нее подальше.

— Ну иди ко мне, задира!

Соня нагнулась, чтобы скрыть усмешку, и подняла с земли крысенка. Зверек поднялся на задние лапки и внимательно посмотрел на свою хозяйку, словно говоря: «Где не струсишь ты, там и я не подведу!»

— Задира,— повторила Соня и посмотрела на подругу.— Да ведь это отличная кличка!

— И, по-моему, подходит к нему,— заметила одна из девушек.

— Интересно, что заставило его броситься на настоятельницу? — задумчиво проговорила Аванта.

— Ну уж если люди сразу чувствуют, какова Халима,— заговорила Мила,— то чего же ты ждала от зверька, который все чувствует острее?

— Ты и права, и не права,— сказала Соня.— Халима хотела утопить его. Задира наверняка узнал ее запах.— Крысенок пискнул, соглашаясь.— Так ты не против своей клички? — спросила девушка, и он снова пискнул.

Все рассмеялись, но почти сразу смех смолк, потому что к ним приближались Гайрам с Юргом. Гайрам лениво грыз огромные румяные яблоки, одно за другим доставая их из корзины, но все сразу поняли, что идут сюда они не просто так. Быть может, потому, что бритый наголо турец нес на плече лук, чего обычно не делал.

* * *

Разара ждала Севера и встретила его едва ли не у дверей, хотя лицо ее, как всегда, оставалось бесстрастным.

Она окинула Вожака внимательным взглядом и, кивнув в сторону кресла, направилась к столу и уселась напротив Севера.

— Как поездка? — коротко спросила она.

— Все хорошо.

— Все хорошо не бывает,— возразила Разара.

Конечно же, она хотела знать подробности. Север понимающе кивнул.

— Тем не менее это так. По крайней мере, в отношении нашей подопечной.

— Есть еще что-то? — насторожилась мать-настоятельница.

— Да. Но, если позволишь, я расскажу обо всем по порядку.

Разара молча кивнула.

— Мне удалось убедить девушку,— начал Вожак.

— Как-то ты не слишком уверенно об этом говоришь.

— Верно. Дело в том, что ее не слишком увлекли наши идеи.

— Это плохо,— коротко отозвалась Разара.

— Да,— согласился Север,— но пока ее согласие питает только ненависть.

— Ненависть? — задумчиво переспросила мать-настоятельница.— Ненависть — хорошая основа. Кого же ненавидит эта красавица?

— Митрианцев вообще и аквилоццев в частности. Оказывается, они уничтожили ее семью: родителей и двух братьев.

— Для начала неплохо.

— Да, для начала довольно, а потом, надеюсь, она сознательно встанет в наши ряды.

— Ты стал ей другом? Не так ли?

— Можно сказать и так,— согласился Вожак.— По крайней мере, надеюсь на это, но...

— Но? — вновь насторожилась Разара.

— Есть одна мелочь, которая немного все усложняет. Девушка непоседлива.

— К чему ты клонишь?

— Нельзя, чтобы она скучала,— начал объяснять Север.— Особенно вначале. Мои люди разузнали, что в Шадизаре она отказывалась от многих

очень выгодных заказов только потому, что они казались ей неинтересными.— Он сделал паузу, чтобы подчеркнуть значимость своих слов.— Но если все пойдет как надо, она очень скоро почувствует себя членом Стai, а это как раз то, что нам нужно.

— Ты, как всегда, прав, мой друг,— кивнула она и неожиданно мягко улыбнулась.— Но готова ли она?

— Она подготовлена лучше, чем я мог надеяться,— ответил Север.— Кое-какие из замеченных недостатков мне удалось сгладить. Так что мы можем хоть сегодня отправиться куда угодно.

— Что ж, это хорошо. Я подумаю, куда направить вас. А сейчас давай-ка о неприятном.

Север задумался, и она не торопила его, давая собраться с мыслями.

— В Бритунии мы напоролись на засаду,— начал он.— Дом одного из моих людей сожгли. К счастью, на сей раз это оказались не латники, а какие-то грязные оборванцы, так что нам без труда удалось пройти, но все-таки меня это настороживает. Боюсь, как бы в следующий раз они не наведались в Логово.

— Они не посмеют! — воскликнула Разара и вскочила.

— Посмеют,— спокойно возразил Север.— Другой вопрос — когда? — Мать-настоятельница медленно села, не сводя с него настороженного взгляда, и Вожак продолжил: — Лето идет на убыль, а зимой сюда не пробраться. Так что до будущей весны они вряд ли сунутся, но за это время мы должны подготовиться.

— Как не вовремя...— Разара с силой сжала подлокотник кресла.

— Неприятности не бывают вовремя,— философски заметил Вожак и тут же продолжил: — Нам потребуются люди, а значит, придется мягче отсеивать кандидатов.

— Ты опять за свое,— раздраженно поморщилась Разара, но Север видел, что сумеет уговорить ее.

— Да,— твердо ответил он.— Я и прежде говорил, что не надо убивать неудачников, а теперь у нас просто нет иного выхода. Тем более что, боюсь, даже этих мер окажется мало.

Она надолго задумалась. Север сидел молча и не мешал ей.

— Ты опять прав,— наконец признала она.— Слишком часто ты оказываешься прав, Вожак.— Взгляд ее на миг потепел.— Но мне нравится, что ты не боишься спорить со мной, как прочие. Иногда я даже жалею, что ты не женщина.

Она посмотрела на него испытывающе, и Север понял, что она имеет в виду.

— Я вполне доволен своим положением,— просто ответил он.

— Это хорошо,— кивнула мать-настоятельница.— Ты принес хорошие вести, но сейчас оставь меня: мне необходимо подумать. А попозже я хотела бы поговорить с вами обоими.

* * *

Гайрам и Юрг остановились в двух шагах от Сони, и послушницы расступились перед ними, образовав за спиной девушки тесный полукруг.

Задира встал на ее плече на задние лапки и, оскалив острые белые зубы, несколько раз угрожающе клацнул ими, словно и впрямь рассчитывал отпугнуть двух сильных мужчин от своей хозяйки. Те, однако, не обратили на его угрозы никакого внимания.

Соню тоже их появление не слишком порадовало, но она всегда знала, что делает, и пока ограничилась лишь взглядом, ясно говорившим, что оба им лучше проваливать пока не поздно, но и это не произвело на наставников впечатления. Какое-то время все изучающе разглядывали друг друга, и, когда все почувствовали, что молчание затягивается, Соня заговорила.

— Чего это вы плятитесь, словно у меня выросли на голове рога? — насмешливо спросила она и потрогала прическу.

При этом невинном движении ее доспех чуть-чуть разошелся на груди, отчего глаза Юрга изумленно округлились, но Гайрам лишь скептически хмыкнул.

— Успокойся, послушница. Рога на твоей голове не растут — это привилегия мужчин, — насмешливо заговорил турец, и послушники приглушенно рассмеялись. — Но вот я вижу у тебя на плече лук, — продолжил он уже серьезно, — а его открыто носить достоин не всякий.

— Ты сомневаешься в моем умении, наставник? — гордо спросила Соня.

— Мы не уверены, умеешь ли ты вообще стрелять из этой штуки! — заявил Юрг, ухмыльнувшись, и с хрустом откусил кусок яблока.

— Хотите спор?

— Спор? — пренебрежительно хмыкнул все тот же Юрг. — Доспех-то на тебе богатый, а вот денег, уверен, и на заплатки нет. Что с тебя взять?

— Доспех и возьмешь, — не колеблясь ответила она, — но если проиграешь ты, сам останешься без штанов! — Она окинула его скептическим взглядом. — Ну?

— Мы вроде говорили о стрельбе? — вмешался Гайрам. — Я согласен на твои условия.

Он вопросительно посмотрел на девушку, и та кивнула:

— Хорошо.

— Тогда поживее на тренировочную площадку. Не заставляй себя ждать!

Говорил он ровным голосом, и, несмотря на кажущуюся грубость, все знали, что он не пытается оскорбить их подругу. Послушницы гурьбой повалили за ними следом, в сторону плаца, на западном краю которого возвышались столбы с укрепленными на них мишениями. Там к ним присоединились и свободные от службы стражники, быстро сообразившие, что предстоит интересное зрелище, а поскольку жизнь Логова событиями не богата, никто не хотел пропустить бесплатного представления. Тем более что все знали и Соню, и Гайрама — до сих пор ни тот, ни другой слов на ветер не бросал.

— Стрельба из лука требует не только меткости, но и самообладания, — заметил турец.

— Мудрая мысль, наставник, — насмешливо кивнула Соня.

Гайрам скрипнул зубами.

— Вот я сейчас и проверю, обладаешь ли ты этим качеством.

Девушка с вызовом посмотрела на него, откинула рыжие кудри за спину и, увидев в руке Гайрама яблоко, улыбнулась, мгновенно сообразив, к чему клонит многоопытный наставник. «Однако девчонка умна... — подумал он. — И держится молодцом. Жаль, если не выдержит».

— Ну что ж, наставник. Стреляй, — предложила она. — Покажи свое искусство.

Она безропотно встала к столбу, прислонилась спиной к мишени, и Гайрам поставил яблоко ей на голову.

— Не забывай о самообладании, — напомнил он и принялся отсчитывать шаги.

— За меня не беспокойся, — сказала она ему вслед.

Туранец отсчитал два десятка шагов и остановился. В руках его словно сам собой появился лук с положенной на тетиву стрелой. Он обернулся к Соне и внимательно всмотрелся в ее лицо, но она застыла, словно статуя, ничем не выдавая волнения. Наставник удовлетворенно кивнул: девушка нравилась ему все больше.

— Лучник должен обладать стальными нервами.

Он уже опасался, что Соня не выдержит, и только поэтому произнес последнюю фразу, но она даже не шелохнулась. Все. Слова кончились, и теперь оставалось от слов перейти к делу. А тут еще Соня, как назло, подняла руки над головой и сомкнула их в кольцо вокруг яблока.

— Ну что ж, наставник, лук у тебя в руках! — напомнила она, и разговоры вокруг мгновенно стихли.

Все впились взглядами в Гайрама и не могли не заметить, как он побледнел.

— Ты еще можешь отказаться, девочка, — сказал Гайрам почти ласково.

Но Соня промолчала, хотя через мгновение все увидели, как задрожали ее сомкнутые над головой руки. Туранец вздохнул, призвав богов на помощь, натянул тетиву, быстро прицелился и выстрелил. С коротким упругим рыком изогнутый гирканский лук послал вперед стрелу. На мгновение мертвая тишина повисла над плацем, но тут же толпа взорвалась громкими восторженными криками.

Послушницы бросились поздравлять подругу, в то время как наставники и стражники сгрудились возле Гайрама, восторженно обсуждая его великолепный выстрел. Лучник же, судя по всему, больше радовался не своей меткости, а тому, что все счастливо завершилось. Никто из мужчин так и не заметил, как в передних рядах появилась огненно-рыжая красавица. Она спокойно ждала, когда же на нее обратят внимание, а когда Гайрам заметил ее, подняла руку, в которой держала обломок стрелы с нанизанным на него яблоком. Никто еще не успел сообразить, чего же она хочет, как Соня вытянула из плода обломанное древко.

— Твоя очередь, — пояснила девушка, подбрасывая пробитый плод.

В наступившей вдруг мертвой тишине туранец поймал на лету брошенное ему яблоко, а Соня

неторопливо сняла с плеча лук, достала стрелу и ослепительно улыбнулась бритоголовому наставнику. Все знали, что мужества туранцу не занимать, и никто не сомневался, что он примет вызов.

Вскоре Гайрам стоял прислонясь спиной к столбу, с трудом удерживая на бритой макушке оказавшийся удивительно скользким плод. Его глаза буравили девушку. Впрочем, взгляд девушки был не менее выразительным. Похоже, ей пришлось таки поволноваться, стоя у столба, и теперь она собиралась сполна отплатить ему той же монетой.

— Ты не мог бы не прыгать? — капризно попросила Соня. — Мне трудно целиться.

Гайрам стиснул зубы и замер как вкопанный. Как назло поднялся ветерок, не сильный, но порывистый.

— Если дунет после выстрела, я не виновата, — известила своего противника и окружающих Соня, вскидывая лук.

— Если собираешься мазать, — сквозь зубы процидил Гайрам, — лучше целься выше.

— Ну нет, — возразила девушка, — я не проиграю.

— Для этого нужно попасть, — заметил он и тут же пожалел о сказанном, потому что ответ ее — «Куда-нибудь да попаду!» — ему совсем не понравился.

Она вскинула лук, резко натянула тетиву, так же коротко, как и он, прицелилась и послала стрелу в полет. Вновь зрители затихли, чтобы через мгновение вторично разразиться бурей восторгов.

Она стояла, уперевшись луком в настил плаца у правой ноги, и смотрела на Гайрама, а тот присел,

чтобы вылезти из-под прибитого к щиту плода, вытер ладонью забрызганную соком лысую голову, выдернул стрелу и неторопливо направился к девушке. Все замерли в ожидании — что он скажет?

— Ты достойна носить лук, Соня! — Он впервые назвал девушку по имени, тем самым признавая равной себе, подмигнул ей и протянул повернутую ладонью вверх огромную ручищу. — Меня зовут Гайрам.

Она сжала его ладонь, а Задира пробежал по их сомкнутым рукам, добрался до плеча туранца и, встав на задние лапы, что-то пропищал туранцу в ухо.

— Чего он хочет? — покосился на зверька наставник.

— Не знаю, — ответила Соня. — Я еще плохо понимаю его. Наверное, просто знакомится.

— Ну так уости его яблоком!

Туранец протянул девушке дважды пронзенный стрелой плод. Задира, казалось, все понял, потому что со всех ног помчался обратно и через мгновение уже замер на плече Сони.

Гайрам развернулся и пошел прочь. Девушку обступили подруги, и они все вместе уже собрались было удалиться в укромный уголок и поболтать, когда Соня услышала голос Юрга, заставивший ее остановиться.

— Я твой должник, послушница.

Она резко обернулась. Наставник, зло прищурившись, смотрел на нее. Гайрам, направлявшийся в другую сторону, тоже повернулся назад.

— Рассчитаемся немедленно, а условия мы с тобой только что обсудили.

— Проигравший возвращается к себе без одежды,— зло прощедил он.

Соня передала Задиру подругам, сняла с плеча лук и колчан со стрелами и повернулась к Юргу:

— Вот и потопаешь к себе с голым задом.

— Уступаю эту честь тебе! — огрызнулся он.— К тому же ты победила не по правилам.

— Не обольщайся,— посоветовала девушка.— В тот раз мы о правилах не договаривались, как, впрочем, и теперь.

Юрг побагровел от злости и оглянувшись не успел, как получил звонкую затрещину. Он потер щеку и окатил Соню ненавидящим взглядом. Удар оказался неожиданным, сильным и очень унизительным. Зато Соня поняла, что избрала верную тактику. И Север прав: ни к чему ей тягаться в силе с мужчинами. У нее свои достоинства! Она помнила первый их поединок и умение Юрга уходить от удара, но если ей удастся вывести его из равновесия, то она победит. Впрочем, у нее ведь есть оружие, против которого бессильна его защита,— слово.

— Зря ты все это затеял,— задушевным тоном поведала она.— Чем так позориться перед всеми, сидел бы лучше и тень не отбрасывал.

— З-замолчи! — прохрипел он, и Соня убедилась, что находится на верном пути.

Она наклонилась вперед и улыбнулась своему противнику, а он вдруг вытянул руку и попытался схватить девушку за длинные рыжие локоны, но она словно ждала этого — мгновенно отбила его руку звонким шлепком. Так примерно наказывают маленьких детей.

— Да ты совсем не умеешь драться! — удивилась она.

— У тебя хватает наглости говорить это мне?! — вскричал он, от неожиданности останавливаясь, и тут же получил по второй щеке, которая через мгновение стала такой же пунцовой, как и первая.

— Наглость здесь ни при чем,— миролюбиво ответила Соня, предусмотрительно не подпуская его близко.— Но посуди сам. Ты пропустил два удара в голову и один по руке. Это значит, что я могла выбить тебе все зубы и сломать руку.— При этих словах зрители расхохотались, а Юрг зарычал и попытался нанести удар, но девушка не позволила застать себя врасплох.— Я просто жалею тебя, но впредь не стану. Еще одна ошибка, и, клянусь огнем, я тебя искалечу!

Этого уж Юрг ей простить никак не мог, и зрители увидели настоящий кулачный поединок. Роли бойцов поменялись. Если сначала послушница нападала, а Юрг умело уклонялся, то теперь девушка уже не стремилась вперед, справедливо рассудив, что раз он желает реванша, то пусть и старается. И, надо сказать, наставник полностью оправдал ее ожидания. Он атаковал, вначале осторожно, а затем все активнее. Удары его становились сильнее, но Соня уходила легко и изящно, чем вызывала одобрительные возгласы зрителей. Однако она видела, что Юрг осторожничает, а значит, бой может затянуться.

— Ну что, мешок с потрохами? — Соня решила поторопить противника.— Не можешь с женщиной справиться?

Юрг даже зарычал, и Соня поняла, что своего добилась: разошелся он не на шутку. Она на миг приоткрыла защиту, словно перестала следить за ним, и он мгновенно нанес прямой удар в лицо, вложив в него всю свою силу. Именно этого Соня и ждала. Она наклонила голову, и кулак наставника угодил в литую бляху на ее лбу. Тем, кто стоял поближе, показалось, что они слышали, как хрустнули кости Юрга. Он присел, прижав к животу сломанную кисть здоровой левой рукой. Соня остановилась и посмотрела на него сверху вниз.

— Штаны я с тебя снимать не стану,— усмехнулась она.— Зрелище, думаю, не самое интересное. За руку не извиняюсь. Тебя предупреждали.

Она повернулась и ушла, а вместе с ней — и все девушки. Гайрам нагнулся к приятелю:

— Ну-ка покажи.

Юрг шумно выдохнул, словно исторгая терзавшую его боль, и поднял окровавленную разбитую руку. Гайрам осторожно прощупал ладонь.

— Придется тебе идти к матери-настоятельнице, если не хочешь остаться калекой.

— Проклятая девка...— простонал Юрг.

— Брось,— отмахнулся Гайрам.— Меня она тоже причесала, но я не в обиде.

— Ты цел остался! — огрызнулся Юрг.

— Это верно,— миролюбиво согласился турец,— но она ведь могла мне и в глаз попасть. А ты хоть и пострадал, но жизнью-то не рисковал. И не будем торговаться,— остановил он готовые было сорваться гневные слова приятеля.— Дай-ка лучше руку: я помогу тебе встать.

Они направились к зданию, в котором жили наставники, но, проходя мимо Кучулуга, Юрг остановился.

— Надеюсь, ты не оставил это просто так?

— А что я могу сделать? — пожал могучими плечами гирканец.— Вожак ведь предупредил тебя: не лезь к девчонке! Ты плюнул на совет и остался без руки. Ну? — Великан развел руками.— Все, что я могу,— наказать тебя.

— Меня?! — вскипал Юрг, от возмущения даже забыв о боли.

— Тебя, тебя,— Гайрам дружески похлопал его по спине,— ты ведь руку-то сам сломал.

— Может, мне еще извиниться перед ней?! — вскричал Юрг.

— Именно! — Гайрам расхохотался.— Это урок. Кучулуг ведь тоже «поучил» ее, но она не бросается на него с кулаками.

— Ладно,— гирканец жестом заставил Юрга замолчать,— закончим на этом. Сюда идет Вожак.— Он посмотрел на туранца.— Гайрам, объясни ему, что произошло, а я провожу Юрга.

Лучник молча кивнул. Ни для кого не было секретом, что после своего поражения Кучулуг старался не встречаться лишний раз с Севером, но никто не видел в этом ничего удивительного. Мало приятного встречаться со своим удачливым соперником.

* * *

Халима металась по комнате, как загнанная в клетку пантера, и остановилась, лишь когда поймала себя на мысли, что с тех пор, как рыжая

шадизарская сука поселилась в Логове, она, мнившая себя едва ли не полновластной хозяйкой этого места, теперь отошла на второй план. Послушники — эти ничтожные и жалкие создания! — боятся и избегают ее, но и только!

Халима остановилась перед зеркалом и взгляделась в свое отражение. Из-за тонкой грани, отделяющей реальный мир от иллюзорного, на нее смотрела красивая черноволосая женщина. Высокий чистый лоб, смуглая кожа, тонкие ниточки бровей, прямой носик, высокая шея — все гармонировало, порождая красоту.

— Ну что, милая? — устами Халимы поинтересовалось отражение.— Трудно тебе приходится?

Она покачала головой. Да, что и говорить... Еще в начале лета она держала в руках все нити сложной игры, которой — так ей тогда думалось — она управляет. А теперь все изменилось, и виновата во всем эта проклятущая шадизарская девка! Нет, пора от нее избавляться.

Она скжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Как? Как теперь это сделать? Еще совсем недавно, в подземельях Логова, она могла просто заставить ее умереть тихо и без боли, либо обречь на смерть мучительную и долгую. Так ведь нет. Ей показалось этого мало, и она решила отправить рыжей мерзавке остаток жизни.

И чего добилась? Теперь эта стерва — напарница Вожака, почти равная ему, а значит, просто так к ней уже не подобраться. Гирканка в ярости закусила пухлую губу, и тоненькая струйка крови побежала по подбородку.

Ну ничего! Сдаваться она не намерена. Она все так же красива и по-прежнему сильна. За дело нужно браться немедленно, а для этого не мешает разузнать, какие планы строит Разара относительно новой парочки.

* * *

Разара после ухода Севера в глубокой задумчивости ходила по комнате, не находя себе места. Наконец-то после многих лет упорного труда она подошла к главному делу своей жизни. Долгая подготовительная работа завершена. Правда, неизвестно, насколько можно доверять девчонке, но это может оказаться не столь уж и важным. Ответ на этот вопрос даст сегодняшний вечер.

При мысли о том, что похищенные века назад документы скоро попадут в Логово, что она сможет подержать их в руках, взгляд матери-настоятельницы запыпал восторгом. Ее радости не омрачило даже то, что их придется тут же перевезти в Похиолу, где не сумели уберечь бесценное сокровище. Что ж, пускай, но тайно снять копии она всегда успеет. Впрочем, почему же тайно? Пробиваться в катакомбы все равно предстоит ее людям — Северу с его подругой, если даст им Волчица сил уцелеть!

Какое-то время мать-настоятельница еще сомневалась, каким станет их первое задание. Разум подсказывал, что благоразумнее сначала проверить пару. Разумеется, в Вожаке она не сомневалась, но вот не ошибся ли сам Вожак, приписывая своей подопечной столь многочисленные до-

стоинства? Она задумалась. А если он просто не устоял перед чарами рыжекудрой красавицы? В конце концов, он ведь всего лишь мужчина, а она так красива...

Дверь бесшумно отворилась, мать-настоятельница обернулась и с удивлением увидела в дверях Кучулуга.

— Прошу простить за то, что прерываю твои размышления, но не могу ли я попросить тебя уделить мне немного времени, Владычица? — склонившись, спросил он.

— Конечно, Кучулуг. В чем дело?

В комнату вошли еще двое: Гайрам и наставник Юрг, правая рука которого была завернута в полотно, покрытое алыми пятнами.

— Они с Гайрамом хотели поучить послушницу манерам,— без тени насмешки пояснил гирканец.

— Руку на стол! — приказала Разара.

Юрг безропотно положил кисть ладонью на столешницу. Разара развернула полотно и покачала головой, затем прошла в смежную комнату и вернулась с банкой темного стекла, наполненной мазью.

— Ты правильно сделал, что привел его ко мне,— заговорила она, накладывая остро пахнущую мазь на руку и бинтуя ее, не обращая при этом внимания на гримасы Юрга.— Проведи остаток дня в покое и хорошенько выспись,— обратилась она уже к раненому.— Кости сами встанут на место. Но утром обязательно придешь ко мне. А теперь рассказывайте.— Она посмотрела на Кучулуга.— Мне

не терпится узнать, как хрупкая девушка сумела покалечить моего наставника по кулачному бою.

— Он бил в лицо,— пояснил Кучулуг,— но девушка опустила голову, и кулак угодил в бляху на оголовье.

— Такую девушку бить в лицо? Хм! — Разара удивленно посмотрела на Юрга.— Это твой дурной пример, Кучулуг!

— Ее язык хуже змеиного жала! — зло огрызнулся наставитель.— А драться с ней — все равно что бежать по раскисшему от воды льду!

— Тогда понимаю,— кивнула мать-настоятельница и вновь посмотрела на Кучулуга.— Ты, кажется, упомянул Гайрама? Он тоже участвовал в этом?

— Да, госпожа,— ответил Кучулуг, в то время как сам туранец молча стоял рядом с ними.

— Он выиграл?

— Нет.

— Что? Проиграл?

— Нет,— повторил гирканец.— Их силы оказались равны, но я предпочел бы оказаться на месте девушки,— честно признался он, чем в немалой степени удивил Разару.

Она перевела недоверчивый взгляд на Гайрама, и тот коротко кивнул, подтверждая сказанное. Не ограничившись кивком, он кратко пересказал все, что произошло между ними, и Разара удовлетворенно — как показалось Кучулугу — покачала головой.

— Что ж,— медленно произнесла она,— значит, Север не преувеличивал. Девочка действительно хороша.— Взгляд Юрга полыхнул гневом, и мать-настоятельница обернулась к нему: — Запомни,

глупец, слово смертоносней кулака! Ты этого так и не понял! Сегодня же поговорю с Вожаком. Пусть он решает твою судьбу. Но, чтобы он ни решил, не забудь утром явиться ко мне,— напомнила она.

— А Гайрам?! — всполошился Юрг.

«Хорош дружок»,— подумал туранец, но промолчал.

— Гайраму не следовало затевать это состязание,— согласилась Разара,— но он вел себя достойно и не уронил чести наставника. Я не сержусь на него. А теперь оставьте меня,— велела она негромко, но таким тоном, что даже Юрг, собравшийся сказать еще что-то, побледнел и вышел.

Вновь мать-настоятельница осталась одна. Сами того не ведая, эти двое, Юрг и Гайрам, рассеяли остатки ее сомнений.

* * *

— Держись скромно, но с достоинством,— наставлял девушку Север.— Говорить предоставь мне, но не переигрывай — не строй из себя немую. Мать-настоятельница ведь знает, что это не так.— В ответ на каждую его фразу Соня кивала. Он внимательно посмотрел на нее и покачал головой.— И помни: мать-настоятельница умна. Она гораздо проницательнее, чем ты о ней думаешь.

— Я о ней вообще не думаю.

— Тем более.

В комнате матери-настоятельницы, к их удивлению, находилась Халима. Север многозначительно посмотрел на свою спутницу, мол, помни о нашем уговоре.

Халима встретила их ленивым кивком. Разара же, наоборот, приветливо улыбнулась им, что совсем не походило на нее.

— Я рада вновь видеть тебя, милая,— начала она, глядя на девушку, и, заметив легкую тень удивления на ее прекрасном лице, пояснила: — С Севером мы уже виделись. Я рада,— продолжила она,— что все недоразумения разрешены.— Она вопросительно посмотрела на Соню и, дождавшись ее утвердительного кивка, продолжила: — Кроме одного.

Соня приподняла бровь, изображая искреннее удивление. Север пока молчал: о случившемся он знал только с чужих слов. Халима слушала, не проявляя к разговору видимого интереса.

— Я говорю о Юрге,— пояснила мать-настоятельница.

— С ним что-то случилось? — невинным голоском пропшебетала Соня.

Разара рассмеялась. Сухо и коротко, чем опять-таки в немалой степени удивила Севера и, вероятно, Халиму.

— У меня сегодня прекрасное настроение,— сообщила она.— К тому же мне нравится, как ты держишься. Но на будущее запомни: в этой комнате не шутят, когда говорят о деле.— На сей раз Соня ограничилась скрытым кивком: ей вовсе не хотелось просто так дразнить мать-настоятельницу.— Тебе нечего бояться. Я во всем разобралась.— Она повернулась к Северу: — Юрг заслуживает наказания. Как поступить с ним, решать тебе.

— Если мне позволят сказать... — Соня посмотрела на Разару, и та кивнула. — Он уже достаточно наказан.

— Он затаил на тебя злобу, — возразила Разара, — а ведь ты отныне член Стai.

— Наказание только разозлит его еще больше. Пусть все останется как есть, — попросила девушка.

Разара посмотрела на Севера.

— Я согласен. Его злость питается самомнением, но он еще может измениться.

— Редкое единодушие, — усмехнулась мать-настоятельница, — но ты все-таки поговори с ним. Надеюсь, ты рассказал своей воспитаннице о ваших задачах вообще и о ее роли в частности?

— Не беспокойся, Владычица! — заговорила Соня, не обращая внимания на то, что Север нахмурился. — Мы готовы выполнить любое задание, а я, клянусь Лепестком Огня, защищу его от любого врага!

Разара сдержанно улыбнулась, а лицо Халимы при упоминании Лепестка Огня свело судорогой боли, и, хотя она тут же взяла себя в руки, Соня заметила это. Что ж, если придется, то теперь она знает, как досадить своей сопернице.

— Что ж, — продолжила Разара, — должна сказать, что я почти решила вопрос о вашем первом задании, но скажу о нем только после возвращения Ханторека: кое-что предстоит еще уточнить. Не беспокойтесь, ждать не придется долго. Он вернется со дня на день. Кстати, — она посмотрела на сидевшего на плече Сони Задиру, словно впервые увидела его, — я рада, что твой питомец выжил. Его братья, к сожалению, умерли. В Похиоле случилось то же са-

мое. Он единственный из десяти выводков остался в живых. Хочу показать тебе кое-что еще. Идем.

Мать-настоятельница прошла в смежную комнату, а трое молодых людей направились следом. Комнатка оказалась узкой и длинной, с окном в торцевой стене, напротив которой стояла конторка, а рядом небольшой круглый столик. Только теперь на нем вместо клетки с Вестницей поклонилось воронье гнездо, в котором галдели семеро неоперившихся воронят.

— Один из них станет вашим Вестником, — сказала Разара.

И тут Соня вспомнила поучения Хэлдира.

— Я хочу взять его сейчас, — заявила она.

— Зачем? — удивилась мать-настоятельница. — Он у тебя просто не выживет.

— У меня выживают те, кто у других умирает, — напомнила девушка.

— Эти посвящены обычным способом и выживут все, — возразила мать-настоятельница.

Ворона-мать стояла на столике и прислушивалась к разговору людей, переводя взгляд с одного лица на другое.

— К тому же она, — Разара указала на взрослую птицу, — не позволит забрать неоперившегося птенца.

— А если я с ней договорюсь? — спросила девушка.

Разара посмотрела на нее с недоумением:

— Что ж, попробуй, упрямица.

— А вы выйдете, пока мы шепчемся, — вновь попросила девушка.

Халима фыркнула и, не проронив больше ни звука, вернулась на прежнее место. Разара, против ожидания, не стала спорить. Север покинул свою напарницу последним.

Разговор не клеился. Халима держалась подчеркнуто равнодушно. Разара, явно заинтересованная Соней, ждала ее возвращения. Обе молчали. Впрочем, это вполне устраивало Севера: ему сейчас не хотелось говорить ни с молодой настоятельницей, ни с Разарой.

Когда девушка присоединилась к остальным, в ладони у нее сидел бледно-желтый вороненок и старательно тянул вверх головенку.

— Ну что ж,— заговорила Владычица, прерывая затянувшееся молчание,— завтра я поведаю вам о грядущих переменах в жизни Логова. И помните,— она обратилась к Соне с Севером,— основные заботы лягут на вас.

В черных глазах Халимы вспыхнуло пламя.

«Хвала Волчице,— усмехнулась она,— заботы будут и у меня. И ты, Рыжая Соня, непременно о них узнаешь... Когда придет время. Я позабочусь и о Севере... и о тебе!».

Конец второй книги.

СОКРОВИЩА СВЯЗАННОГО БОГА

О дуряюще-жаркий полдень раскинулся над джунглями Кешана. Мясистые листья растений, ослепительно-яркие цветы, сверкающие крылья гигантских бабочек, пестрое оперение тропических птиц — все словно источало негу. В такое время суток хорошо нежиться под живительной прохладой навеса из пальмовых листьев.

Но молодая женщина — белокожая, с меднорыжими волосами, убранными под белое покрывало, — упрямо стиснув зубы, шла вперед, пробираясь сквозь заросли. Она была довольно рослой, с красивыми серыми глазами — сейчас сощуренными, словно она гневалась.

Она и вправду гневалась — на удушающую жару, на нелепые обстоятельства, благодаря которым она запутала в бесконечных джунглях. Лошадь ее пала два дня назад, и женщине пришлось идти пешком. Она все же не теряла надежды выйти к человеческому жилью.

Рыжая Соня, гордая одинокая воительница, чья жизнь и цели не были известны никому во всем

мире, давно забыла о том, что такое отдых под крышей, пусть это даже крыша туземной хижины. У нее оставался верный лук, полтора десятка стрел и два кинжала за поясом. Продовольствие, запасенное на рынках большого кешанского города Алкменона, закончилось. Сладкие водянистые тропические плоды и мясистые сладковатые корни растений, указанные ей друзьями из племени макололо как съедобные, смертельно ей надоели. Чего только ни отдала бы сейчас Соня за кусок доброго, хорошо прожаренного мяса, который — вечность назад! — великолепно готовила Сонина мать!

Вот уже три недели Соня не видела человеческого лица. С ней было двое спутников-дикарей, но они погибли. Недюжинное здоровье, молодость и нечеловеческая сила воли молодой воительницы и на этот раз позволили ей выиграть смертельную схватку с джунглями. Впрочем, игра еще не окончена...

И если в ближайшие два дня она не выберется к человеческому жилью, силы могут оставить ее. Она не сможет больше идти и погибнет.

Одна только мысль об этом казалась Соне невыносимой. Умереть сейчас, в самом начале жизни, когда она только начала путь к своей великой цели... Нет! Вся деятельность натура Сони восставала против этого.

Боги не допустят такой глупой несправедливости.

Соня никогда не отличалась особой набожностью, однако в своих богов верила безусловно. Ее покровительница Рысь не раз приходила к ней

на помощь, спасая беспокойную девушку, попавшую в самые неожиданные и подчас смертельно опасные ситуации.

Чтобы разогнать одиночество, Соня негромко запела одну из боевых гирканских песен — их она знала множество.

Испуганные звуком человеческого голоса, с тревожными криками разбегались мелкие обитатели джунглей.

И словно в ответ на пение Сони донесся слабый зов.

Соня остановилась и прислушалась. Не может быть!

Но нет. Голос принадлежал человеку.

Соня ускорила шаги. Вскоре она вышла на поляну. Ужасное зрелище предстало ее взору.

«Люди! — с горечью подумала Соня. — Как стремилась я вновь увидеть ваши лица. И вот я опять стыжусь того, что и сама принадлежу к роду человеческому, погрязшему в жестокости и изуверстве! Здесь, в девственных джунглях, иной раз хочется стать диким зверем, яростным и невинным!»

Изуродованные, истерзанные человеческие тела покрывали поляну, так что даже густой тропической зелени не видно было под бренными останками изувеченной плоти. В беспорядке были разбросаны одеяла, котлы, разбитые деревянные миски. Судя по всему, какие-то странники, такие же бродяги, как Соня, расположились здесь на привал, но ужасная судьба настигла их.

Кто же напал на них врасплох? И чего искали убийцы?

Увы! Никто не мог дать ответа на этот вопрос. На первый взгляд свидетелей ужасающего деяния не осталось. Трупы убитых безмолвствовали.

«Но я же слышала человеческий голос,— подумала Соня, беспокойно озираясь по сторонам.— Кто-то явно звал на помощь. Нет, я не могла ослышаться».

Она довольно долго бродила по полю боя, пребинаясь между трупов. Черные, как эбеновое дерево; белые, смуглые тела лежали рядом, словно заснувшие братья. В жарком тропическом климате их уже тронуло тление, и мухи слетались на запах. С громким тревожным криком вспорхнула из густой травы птица, заставив Соню шарахнуться от неожиданности.

Наконец!

Соня заметила, что в одном из несчастных все еще теплилась жизнь. Это был рослый чернокожий человек, истекающий кровью, которая лилась из его многочисленных ран. Усилие, которое он приложил, чтобы позвать на помощь, окончательно истощило его и без того слабые силы, и он потерял сознание.

Соня стремительно наклонилась над раненым, желая осмотреть его. С первого же взгляда даже неопытной целительнице — а у Рыжей Сони был неплохой опыт, благодаря ее участию во множестве сражений — стало бы ясно, что раны юноши смертельны.

Однако, несмотря на это Соня, охваченная чувством милосердия, смочила виски умирающего водой и поднесла флягу к его воспаленным гу-

бам. Веки юноши дрогнули, страдальческие глаза медленно открылись.

— Ты умираешь, мой друг,— печально проговорила Соня.

— Кто ты? — прошептал чернокожий.

— Мое имя Соня...

Пальцы чернокожего слабо сжали сонино за пястье.

— Так ты — Огненная Грива? — изумленно проговорил юноша.— Это ведь о тебе поют в джунглях барабаны?

— Огненной Гривой называют меня некоторые черные племена по обоим берегам Зархебы и в верховьях Стиksa,— ответила Соня, несколько удивленная.— Но откуда тебе известно мое имя?

— Неважно,— был ответ.— Я знаю тебя. Это главное.

— Зато я тебя не знаю,— возразила Соня.

— Я Мгонга, сын великого жреца Мбонга. Я и сам жрец.

Соня дала ему еще немного воды. Это, казалось, приободрило молодого человека, и он снова заговорил.

— Стигийские псы и их дарфарские прихвостни напали на нас. Они схватили одну девушку, такую же белую, как и ты, Соня. Не дай им увести ее. Они продадут ее в рабство, и участь ее будет ужасной. Останови их! Я не успею. Мне не хватит времени.

— Мне жаль покидать тебя одного,— мучаясь сомнениями, сказала Соня.

— Я пойду к моему богу, и он исцелит мои раны,— сказал умирающий и закрыл глаза.

Пальцы чернокожего, сжимавшие руку Соня, разжались. Соня почувствовала, как силы ее удесятерились. Ее энергию питала ненависть к работоговцам. Сейчас никто не узнал бы в ней той измученной путницы, которая хриплым голосом распевала песенки, лишь бы не поддаться отчаянию, из последних сил продираясь сквозь тропический лес.

Стремительно, как тень, заскользила она по джунглям. Зоркие тренированные глаза следопыта легко обнаруживали след убийц на мягкой земле. Вот примятый лист, вот сломана ветка. Сама же Соня давно уже научилась следов за собой не оставлять. Этому научили ее в храме, а отточили это мастерство бывалые воины, с которыми Соня обошла половину населенного мира.

Белая девушка в руках работоговцев! Откуда она здесь взялась? Соня представляла себе ее — свою сестру — в грязных лапах насильников и почти скрежетала зубами.

И еще одно увеличивало ее ярость. Мысль о том, что она оставила молодого человека умирать на поляне, одного среди искалеченных трупов. Молодой сын жреца встречал смерть с достоинством и спокойствием, как истинный воин, которому мог бы позавидовать и испытанный ветеран. Соня, не раз смотревшая смерти в лицо, никогда не отводила от нее глаз. Она испытывала глубочайшее уважение к таким людям.

Впереди мелькнуло что-то светлое. Соня мгновенно забыла обо всех своих сожалениях. Теперь она была как сжатая, распрямляющаяся стальная пружина.

Двумя меткими выстрелами из лука Соня насмерть уложила двоих бандитов, в которых сразу же признала стигийцев. Затем она выхватила из-за пояса оба своих кинжала, острых, как бритва, и бросилась в неравный бой.

Суеверные чернокожие носильщики, которых стигийцы наняли в ближайшей деревне, приняли невесть откуда взявшуюся белую женщину с разевающимися огненными волосами за злого духа леса. Соня и была сейчас похожа на воплощение Ярости.

Увидев, что все его спутники разбежались кто куда, гирканский наемник — единственный, кто готов был дать отпор неожиданному врагу, — выругался сквозь зубы и рванулся за своей саблей. Но, к несчастью, разбивая лагерь на привал, он слишком далеко положил оружие. Не ожидал он встретить здесь врагов.

Стремительная и разъяренная, как пантера, Соня вихрем налетела на него. Сабля так и осталась лежать в траве. Рукоять кинжала ударила гирканца в висок. Тот потерял сознание.

И только тогда, тяжело переводя дух, Соня огляделась по сторонам в поисках пленницы.

Поляна была усеяна вещами — судя по всему, награбленными убитыми стигийцами. Тюки материи мало заинтересовали Соню, чего нельзя сказать о продовольственных запасах и оружии.

Безжалостные негодяи, устраиваясь на привал, не позаботились развязать пленницу. Белокурая девушка скрочилась между корней большого дерева и дрожала всем телом, как пойманная птич-

ка. Голубые, как незабудки, глаза с ужасом смотрели на Соню.

— Ты свободна! — произнесла Соня.

— Кто ты? Чего ты хочешь от меня? — пролепетала девушка.

Судя по выговору, она была родом откуда-то с севера... Может быть, даже из Аквилонии.

Соня поморщилась. Она ненавидела аквилонцев и все, что несли они миру: так называемую «цивилизацию» — цивилизацию сытости, продажности и убийств.

Тем не менее с пленницей нужно было что-то делать. Она была совершенно беспомощна. Бросить ее одну в джунглях только потому, что бедняжка имела несчастье родиться в Аквилонии, — значит обречь ее на верную гибель. В таком случае лучше было бы оставить ее в лапах работоторговцев. Те по крайней мере заботились о ее жизни.

— Постарайся не двигаться. Я развязжу тебя, — сказала Соня, стараясь придать своему хриплому голосу ласковые интонации.

Увидев в руках странной женщины кинжал, белокурая девица отчаянно завизжала и забилась в своих путах.

«Она не верит мне, — сообразила Соня. — Она думает, что я сейчас перережу ей горло. Что ж, возможно, она и права...»

Соня остановилась в нерешительности. Конечно, долгое отчаянное путешествие по джунглям, полуоголодная жизнь, одиночество — все это отнюдь не красило Соню. Если быть совершенно честной,

то сейчас она, наверное, выглядит похуже самого лютого разбойника.

От грязи, пота, раздавленных насекомых ее лицо превратилось в жуткую маску. Одежда Сони изорвалась, когда-то белое покрывало на волосах сбилось и утратило былую чистоту. В косах застрияли листья и веточки. А как еще может выглядеть человек, потерявший все свои вещи в водах Стиksа — в верховьях эта река была довольно быстрой и бурной!

Соня нахмурилась. Ей вовсе не нравилось выглядеть замарашкой, пусть даже в глазах этой насмерть перепуганной холеной аквилонской девицы. Соня сердито пригладила свои огненно-рыжие волосы и тряхнула головой.

— Ну вот что, — проговорила она, — брось-ка ты глупить. Давай сюда руки. Ничего дурного я тебе не сделаю.... — И не удержалась от удовольствия прибавить: — Пока что.

Измученная пережитыми ужасами, прекрасная пленница потеряла сознание. Что ж! Соня и сама с удовольствием рухнула бы в обморок, но сейчас она не могла позволить себе подобной роскоши. Для этого она была слишком голодна.

Соня собрала оружие и продукты, готовясь разбить лагерь на новом месте. Когда она вспомнила о гирканце, которого оглушила ударом в висок, было уже поздно: того и след простыл. Соня решила пока что не беспокоиться об этом. Одной заботой меньше, только и всего. Соня не слишком любила убивать безоружных, беспомощных людей. А оставлять врага в живых было непозво-

лительным легкомыслием. Словом, гирканец позабочился о себе сам и избавил Соню от разных не приятностей и необходимости принимать какое-то решение. Когда-нибудь, возможно, они снова встречаются лицом к лицу как достойные противники. За годы скитаний и приключений Соня кое-чему научилась. Никто не сумеет найти ее следов в джунглях, если только сама Соня того не захочет.

* * *

Пробуждение оказалось не из приятных. Лежа связанной по рукам и ногам и глядя в низкое небо, Соня угрюмо размышляла: что же помешало ей заснуть чутко, как обычно, прислушиваясь к каждому шороху? Сытный ли ужин — впервые за долгое время? Какой-то таинственный дурман, подмешанный ей в питье?

Какая разница! Она попалась — только это и имело сейчас значение.

Как бы то ни было, а сейчас она мерно покачивалась, привязанная к большим носилкам, которые несли на плечах два высоких туземца.

А белокурая девушка, пленница, аквилонка? Уж не приснилась ли она Соне? Действительно, она была похожа на видение — в красивом платье, с блестящими золотистыми волосами, голубоглазая, как фарфоровая куколка... Что она делала в джунглях?

— Не приснилась! — произнес вдруг чей-то голос над ухом у Сони.

Этого еще не хватало! Кто-то читает мои мысли, подумала Соня и выругалась про себя — специально для подслушивающего негодяя.

Однако голос человека, заговорившего с Соней, показался ей странно знакомым. Где она слышала его? Где? Вроде бы они встречались совсем недавно... Когда же это было?

Да нет, не может быть! В последний раз она разговаривала с человеком — если конечно, не считать белокурой пленницы и умирающего чернокожего юноши — несколько недель назад. Не мог же чернокожий... Глупости! — одернула себя Соня. Раны парня были смертельны. Он давно уже стал пищей для червей.

— Как видишь, нет, — спокойно отозвался тот же голос. — Я же говорил тебе, что мой бог исцелит меня. Ах, Соня, ты все время забываешь, что здесь, в Кешане, богов много. Я служу хорошему, старому богу. Он многое может и никогда не отказывает жрецам в их скромных просьбах. А мы постарались доставить ему удовольствие. Мы наняли стигийцев, которые согласились в обмен на наше золото привезти белокурую девушки с белой, как слоновая кость, кожей в жены нашему богу. Ему нужна жена, он ясно выразил свою волю... А у нас есть золото. Ты не слышала об этом? Много золота. Можно взять не один мешок, а останется еще больше. По дороге на стигийцев напал этот сумасшедший Сирхан, который называет себя Братом Рассвета... Гирканец, наемник. Он иногда работает сам на себя. Ну, тот гирканец, которого ты убила на поляне...

— Я его не убивала, — хрипло проговорила Соня. — Он сбежал.

— В таком случае, ты совершила большую ошибку, — спокойно отозвался собеседник Рыжей

Сони.— Но, как бы то ни было, спасибо тебе. Ты отобрала у него пленницу. Теперь у нашего бога будет настоящая белая жена. Ты заслужила награду, Соня. Чего ты хочешь? Золота?

— Нет,— ответила Соня мрачно. Мысль о том, что обманщик-чернокожий заплатит за предательство, была ей ненавистна. Кровавый туман застилал ей глаза.— Не нужно мне ничего от вашего презренного идола! Я освободила девушку не для него, а для себя. Как ее зовут, кстати?

— Энна.

— Отпусти ее! Отдай ее мне!

— Не могу,— сказал дикарь.— Наш бог рассердится на тебя и на меня. Он старый бог, хороший, но когда он сердится — всему племени очень плохо. Что такое две белые девушки, если погибнут много черных людей? Неужели ты не жалеешь черных людей, Соня? Неужели ты хочешь нашей гибели?

Соня не ответила. Демоны, казалось, разрывали ее грудь. Если проклятый чернокожий умеет читать ее мысли, то нечего и тратить слова на этот бесполезный разговор.

— Ну, дело твое,— примирительно произнес дикарь.— Однако мы не хотим платить злом за добро, которое ты, сама того не желая, принесла нашему племени. Поэтому мы просто привяжем тебя к дереву и оставим... на свободе.

Соня похолодела. Встретить смерть от зубов хищников? Умереть, как жертвенная скотина,— беспомощной, привязанной, не имея даже возможности защититься?

Шествие между тем остановилось. У Сони оставалась еще последняя надежда на освобождение. Только бы они развязали ей руки... Но увы! Для этого пленители рыжеволосой воительницы были слишком опытными воинами. Соню поставили на ноги, не отвязывая от жердей, к которым она была накрепко притомана.

Упрямство Сони кого угодно могло вывести из себя. Пока чернокожие привязывали ее к дереву, она злорадно ругалась на всех известных ей языках.

— Заклинания не помогут тебе, Соня,— мрачно сказал Мгонга, затягивая последний узел.

Выражение лица предателя-дикаря порадовало Соню. Ей удалось-таки вывести из себя невозмутимого Мгонгу. А главное — чернокожий не догадался о том, что ей, Рыжей Соне, страшно.

Джунгли вскоре поглотили караван, уводящий с собой белокурую Энну.

Когда ей надоело сыпать проклятиями, Соня принялась распевать на весь лес любовные песенки, особенно любимые наемниками.

По крайней мере, на какое-то время это пение удержит зверей на расстоянии. А может быть, какая-нибудь человеческая душа услышит этот отчаянный призыв о помощи...

* * *

Соня не знала, сколько прошло времени. Жажда обметала ее губы. Голова бессильно повисла на грудь. Соня знала, что через несколько часов она умрет. В бессильной ярости она кусала губу. Как глупо! Столько узнать, столького достичь, стольких

бед и опасностей избежать — и все ради того, чтобы бесславно погибнуть в джунглях, пав жертвой предательства каких-то дикарей!

И тут...

Соня прислушалась. Надежда вновь ожила в ней. Кто-то шел по лесу.

Конечно, это белый. Ни один чернокожий, ни одно животное не в состоянии прорыться сквозь джунгли с таким шумом.

Матерь богов! Да это тот гирканец, которого Соня только оглушила ударом рукоятки кинжала в висок вместо того, чтобы убить... Как там его зовут? Сирхан!

Все-таки случается иногда польза от добрых порывов. Хорошо бы еще внушить эту идею гирканскому наемнику...

Сирхан, завидев Соню привязанной к дереву, страшно обрадовался. Он обнажил нож и принял размахивать им перед носом у связанный девушки, на что та взирала мрачно, но без всякого страха. Она знала, что человек, решивший убить другого человека, не станет с ним разговаривать.

А Сирхан болтал не переставая.

— Ты напала на меня неожиданно, женщина! Ты думала, что убила меня? Ха! Твой удар для меня — как укус комара! Чтобы свести со света Сирхана, нужно что-то посерезнее рыжеволосой девки! О, какой радостью будет для меня вонзить этот кинжал в твое лживое сердце!

В таком духе гирканец торжествовал и хвастался, пока Соня не проговорила с глубокой уверенностью в голосе:

— А ведь ты, Сирхан, пожалуй, погибнешь один в этих джунглях. Ты, наемник, — не лесной житель. Ты даже ходить по лесу толком не умеешь. Как ты полагаешь выбраться отсюда?

Гирканец зарычал от ярости. Некоторое время он поливал Соню проклятиями, но затем признался: в джунглях, среди незнакомой местности, ему одному жутковато. Проклятые дикари-носильщики разбежались, проводника еще найти надо, да такого, чтоб не завел и не бросил... Да, опыта жизни в подобных местах у гирканца совсем нет.

Таким образом вскоре Сирхан и Соня нашли общий язык. Сирхан освободил девушку. Они развели костер и, ужиная мясом зверька, убитого Соней, принялись толковать о золоте туземцев.

Когда дикарям понадобилась белокурая девушка для торжественного жертвоприношения («Значит, я не ошиблась» — подумала Соня), они предложили работогоровцам такую колосальную сумму в чистом золоте, что несколько отчаянных стигийских голов в конце концов рискнули. Их выбор пал на молодую аквилонку, дочь одного купца, торговавшего в Алкменоне шелковыми тканями. Этот купец шел из Кхитая к себе на родину и решил провернуть еще несколько выгодных сделок, ради чего и задержался на стигийской границе.

Девушка была похищена с такой изощренной ловкостью, которая делала честь профессионализму стигийских работогоровцев. Ее выкрали прямо с улицы, вместе с носилками. Рабов, несших носилки, перебили за считанные мгновения, девуш-

ку завернули в ковер и оглушили ударом по голове. После чего ее преспокойно вынесли из города.

При этом сами стигийцы вынашивали собственные алчные замыслы. Их привлекала возможность подобраться поближе к таинственному идолу — добруму богу Мгонги, который если уж рассердится, то беда! По слухам, божок был вырезан из цельного алмаза...

Когда пленница была передана чернокожим, а стигийцы получили свое золото, то хищники-работорговцы не успокоились. Они начали высматривать Мгонгу и его спутников, надеясь по их следу выйти в таинственное селение, к загадочному идолу, о котором ходило столько легенд...

Однако дикиари с их удивительным чутьем вскоре распознали слежку и в свою очередь устроили ловушку стигийцам. На той поляне, где Соня нашла чернокожего колдуна умирающим, и произошло роковое столкновение.

Чернокожие недооценили умение стигийцев пользоваться луком, стрелами и кинжалами. Работорговцы, хладнокровные профессиональные убийцы, привыкшие уничтожать любое препятствие, возникшее на их пути, будь то дерево, растущее на дороге, женщина или ребенок, случайно нарушающие их планы,— эти люди выиграли битву против многочисленных чернокожих дикарей, хотя и заплатили за это страшную цену. Только двое уцелело, не считая кучки носильщиков, запуганных стигийцами до потери человеческого достоинства.

Тут-то в дело и вмешалась Рыжая Соня. Казалось, сама судьба позаботилась привести ее на эту поляну. Страшно даже подумать о том, какая участь ожидает молодую пленницу-аквилонку, оказавшуюся в дебрях Кешана без всякой поддержки, без всякой надежды на спасение.

Та же таинственная сила сделала сейчас союзниками гирканского наемника Сирхана и Рыжую Соню. Конечно, оба понимали, что едва только достигнут цели — сокровища народа Мгонги, как этим добрым отношениям, скорее всего, придет конец. Но пока что...

* * *

В деревне Мгонги караван ждали с нетерпением. Весть о том, что сын жреца возвращается с добычей, отнятой у стигийцев, с белой девушкой и с золотом, которое снова вернулось к черному народу, разнеслась быстро, далеко опережая караван. И вот Мгонга ступил в родную деревню.

Энна в ужасе разглядывала фантастическую картину, открывшуюся ей внезапно среди густой зелени. Конусообразные хижины, возле которых копошились дети — многие с раздутыми животами, хлопотали женщины с большими, отвисшими грудями и девушки с золотыми кольцами, впивающимися в упругую гладкую черную кожу их рук... Большое кострище посреди деревни... Голые черные мужчины, раскрашенные для устрашения с головы до ног в яркие цвета, вооруженные копьями и барабанчиками, висящими у пояса...

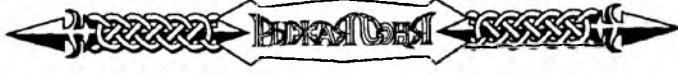
Страшный грохот больших барабанов, украшенных перьями, трещоток, труб, бамбуковых флейт оглушал Энну. Каким далеким казался ей теперь Кхитай, куда отец возил ее! Какими изящными были кхитайские девушки — многие из них стали подругами Энны. Как изысканно был устроен дом, где остановился аквилонский купец с дочерью...

Отец! Мысль о нем невыносимой болью отзывалась в груди Энны. Несчастный! Как он, должно быть, страдает, обнаружив исчезновение дочери...

А может быть, безжалостные негодяи лишили его жизни? Кто знает — не было ли это для отца Энны благом... Ведь он души не чаял в своей единственной дочери!

По приказу Мгонги чернокожие женщины с кольцами в губах (видимо, это были местные красавицы) отвели Энну, едва живую от страха, в туземную хижину, где сидело еще около десятка женщин. Все они при виде белокурой красавицы вскочили, залопотали, удивленно притрагиваясь к ее ослепительно-белой коже, касаясь ее распущеных золотистых волос. Видно было, что эти дикарки никогда в жизни не видели аквилонцев и теперь не могли поверить, что перед ними — такое же человеческое существо, как и они сами. Впрочем, и сама Энна едва ли в состоянии была поверить в это.

Десяток ловких черных рук быстро сняли с Энны все ее одежды, не обращая внимания на ее ужас и попытки сопротивления. И вот уже она стоит среди них совершенно обнаженная.

Многочисленные юбки Энны мгновенно разошлись по женщинам. Каждой досталось хотя бы по лоскуту от ее одежды.

Затем гомон голосов смолк: женщины встали и начали почтительно кланяться кому-то.

Разглядев вновь вошедшего человека, Энна похолодела. Это была чернокожая старуха, седая и безобразная. Огромная жирная туша, увенчанная с головы до ног многочисленными бусами, украшениями, амулетами, различными изображениями всяких туземных божков, перьями. Казалось, на Энну надвигается ожившая лавка раритетов, древностей и экзотических сувениров.

Могучая старая женщина уложила Энну на листья, расстеленные на полу хижины и, напевая и время от времени похлопывая в ладоши, принялась умащать ее тело какими-то липкими благовониями.

Энна задыхалась. Казалось, этому ужасу не будет конца. Но вот наконец старуха завершила свою работу. Энну, лоснящуюся от благовоний, совершенно голую, разрисованную с ног до головы красной краской, вывели на деревенскую улицу. Она была готова умереть со стыда. Неужели сейчас все увидят ее в этом непотребном виде? Увы! именно это и произошло.

Деревенские жители выссыпали из своих конусообразных соломенных хижин, приветствуя Энну и старуху радостными криками. Девушка шла между двух своих стражей, дюжих чернокожих, опустив голову и стараясь ни с кем не встречаться глазами. Ей казалось, что она попала в самое

кошмарное из своих сновидений. О, если бы ей сейчас проснуться в своей постели, позвать служанку, одеться, выйти к завтраку, обнять отца! К несчастью, это было невозможно...

Между тем дикари влекли ее к зияющей черной расселине в скале. Это был вход в подземный лабиринт. И вскоре скала поглотила и черных, и их несчастную жертву.

По многочисленным переходам, ступенькам, лесенкам они продвигались вперед, в недра скалы. Вокруг теперь царила полная тьма, которую едва рассеивали коптящие факелы в руках у идущих впереди чернокожих. Куда же ее ведут? Энна терялась в догадках. Каждая последующая была страшнее предыдущей.

Она пыталась осматриваться по сторонам. То и дело в неверном свете факелов она видела мелькавшую на стенах роспись. Какой-то неведомый древний художник оставил здесь стилизованные изображения людей, птиц. Некоторые картины показались Энне ужасными, другие притягивали взор странной, извращенной фантазией. Они не были лишены своеобразной прелести.

Постепенно чередование картин на стенах, мерный стук барабанов, ритм шага вводили девушку в транс. Она перестала дрожать, слезы высохли на ее прекрасных голубых глазах, на губах появилась слабая улыбка.

И вот шествие вступило в святая святых племени Мгонги, в таинственное святилище, о котором грезили золотоискатели и разбойники, наводнившие Черные Королевства, Куш и Кешан.

Это был колодец в самом сердце скалы. Подняв голову, можно было увидеть далеко наверху черное бархатное небо. Но когда бы ни оказались там люди — среди ночи или в самый жаркий и светлый полдень — небо над ними неизменно было ночным, и звезды располагались на этом небе так, как стояли они миллионы лет назад, в ту пору, когда этот колодец был только-только вырублен в скале.

Энна, оглушенная и ошеломленная, не замечала ничего этого. Она с удивлением оглядывалась в святилище.

Слухи о золотом или алмазном идоле оказались досужими. Здесь не было никакого золота. Стигийские работорговцы, грезившие сокровищами, были бы чрезвычайно разочарованы, окажись они тут. Только голые отвесные стены и глиняный истукан — больше в святилище ничего не находилось. Во лбу истукана горел одинокий алмаз. Это был драгоценный камень изумительной красоты — но всего один. Из-за него не стали бы сходить с ума десятки людей, мечтавшие о несметных богатствах.

Само изображение божества также вызывало странные чувства. Оно словно бы нарочно отвечало наихудшим представлениям «цивилизованных» народов (к которым, несомненно, относились и аквилонцы) о дикарских идолах. Глиняный божок был чрезвычайно уродливым и свирепым с виду. У него было шесть рук, жирное отвисшее брюхо с оттопыренным пупком, шесть грудей, как у свиньи, кривые мускулистые ноги. Это отвра-

тительное существо было связано и, казалось, отчаянно боролось, пытаясь освободиться.

Под гром барабанов и громкое пение Мгонга выступил вперед из толпы раскрашенных дикарей и воздел руки к идолу. Энна увидела, что он держит на раскрытых ладонях новую веревку, выкрашенную в яркие цвета и богато украшенную золотом, бусами и перьями. Проговорив нараспев какое-то заклинание, Мгонга заново связал идола и только после этого осторожно, не переставая напевать заклинания, снял с изображения старую веревку. Ее он с великими предосторожностями уложил в особый кожаный мешочек. Несколько музыкантов все это время ожесточенно трясли над Мгонгой своими трещотками.

После этого Мгонга — он, видимо, распоряжался остальными — сделал знак двум своим спутникам, державшим наготове большой кожаный мешок, сшитый из шкуры антилопы. Те с видимым усилием подтащили мешок к ногам божества и перевернули. Из мешка хлынуло золото. Оно потоком заливало кривые ноги идола и...

И бесследно исчезало! Пол святилища впитывал его, словно влагу!

Затем Мгонга обратился к божеству.

— Мы принесли тебе дары, о Бхати-Ног, — почтительно заговорил Мгонга. — Мы почтили тебя так, как ты просил. У тебя есть теперь новое золото. У тебя есть теперь даже белая девушка, хотя добыть ее было непросто. Много храбрых воинов отдали свои жизни ради твоего удовлетворения. Теперь же мы просим тебя избавить нас от жад-

ных собак-работорговцев и золотоискателей. Пусть они никогда не найдут сюда дороги! Пусть в срок придут дожди на наши поля, пусть в срок согреет нас солнце! Пусть дикие звери из джунглей не тронут наших детей! Пусть никто не повредит нашему урожаю, когда он взойдет! Дай нам жизнь, о Бхати-Ног!

Толпа пришла в движение. Размахивая копьями и перьями, дикари ритмично распевали:

— О Бхати-Ног, останься с нами, останься с нами навсегда!

Идол слушал и — Энна готова была поклясться, что замечает это, — по его ужасному глиняному лицу бродила коварная улыбка...

* * *

Мгонга привязал Энну и еще одну черную девушку, раздетую, умашенную и раскрашенную, как она сама, к двум столбам, вбитым в каменный пол по обе стороны от идола. Веревка оставляла пленницам достаточно свободы, чтобы можно было прилечь на подстилку из листьев священного дерева дамма. Поклонившись идолу в последний раз, все ушли. В святилище остались только две пленницы, предназначенные — в этом не было сомнений — в жертву этому ужасному божеству.

Энна заснула только к рассвету и проснулась в слезах. Утро встретило ее сладкоголосым пением птиц, доносившимся сверху через расселину в скале. Ничего ужасного ночью не произошло — ни с Энной, ни с ее подругой по несчастью. Чернокожая девушка не хотела разговаривать с аквилон-

кой. Но Энна видела, что та не слишком испугана. Отчасти это успокоило дочь аквилонского купца.

Вскоре в святилище показались черные женщины, разодетые в свои пышные одежды из листьев и перьев, раскрашенные ритуальными узорами. Они несли на головах большие подносы, полные тропических фруктов. С громким пением они окружили обеих девушек, поставили свои подносы на каменный пол святилища и простерлись ниц перед идолом.

Затем одна из них поднялась. Энна с ужасом узнала в ней вчерашнюю гигантскую старуху. Улыбаясь и напевая сквозь сомкнутые губы, старуха принялась умывать обеих пленниц и снова умастила их благовониями. Как ни странно, эта варварская процедура показалась Энне довольно приятной. Она видела, что черные женщины относятся к ней с величайшим почтением — как, впрочем, и к ее «подруге», второй супруге (или, точнее сказать, жертве) безобразного божка.

Не переставая кланяться, женщины накормили обеих девушек, украсили их свежими цветами и удалились. По-видимому, они не замышляли ничего дурного. Энна незаметно для себя самой начала надеяться на избавление... на то, что ничего ужасного с ней не случится...

Может быть, бедным суеверным дикарям просто необходимо было подобрать для их идола подходящее общество на какое-то время? Может быть, потом, когда идол вволю пообщается с двумя живыми человеческими существами, их — целыми и невредимыми — выпустят отсюда?

А может, чернокожие решили видеть в Энне супругу глиняного истукана? Богиню? Энна не знала, плакать ей или смеяться! Она, дочь аквилонского купца, бывавшая при дворах цивилизованных королей,— в роли богини какого-то забытого богами варварского племени!..

Однако вскоре Энна забыла обо всем на свете. Случайно подняв глаза к небу, она заметила склонившуюся над расщелиной фигуру какого-то человека. В свете звезд она разглядела только огненно-рыжие волосы, распущенные по плечам незнакомца. Изо всех сил Энна закричала:

— Помогите! Помогите!

Откуда эта уверенность, что рыжеволосая незнакомка придет к ней на помощь и спасет ее из этого ужасного места? Энна и сама не могла этого объяснить.

Однако именно таковы были намерения Рыжей Сони. Вкупе с намерением обогатиться... и кое-что узнать об этом таинственном идоле Мгонги. Об этом боже Мгонги, который может исцелить смертельные раны и вернуть человека из царства мертвых.

Рискуя жизнью, Соня вместе с Сирханом прорвалась в селение Мгонги, выследив чернокожих по следам. Всю ночь они пролежали в засаде, прислушиваясь к душераздирающему грохоту барабанов.

Мысль о том, что, быть может, сейчас безжалостные дикиари приносят беззащитную девушку в жертву своему отвратительному божеству, приводила Соню в неописуемую ярость. Поневоле она

представляла себя на месте жертвы. Соне доводилось видеть отвратительные ритуалы, принятые в некоторых варварских племенах. Все эти обряды унижали женщин, заставляли их отдавать свое тело на поругание мерзким божкам и их воплощениям — животным, которые в конце концов съедали несчастную кричащую жертву...

Несколько раз Соня была готова в буквальном смысле слова свалиться дикарям на голову. Но рука Сирхана сурово и по-мужски легла на ее плечо. Да, гирканец прав. Полным безумием было бы обнаруживать свое присутствие сейчас, когда пещера кишит чернокожими воинами, вооруженными до зубов. Как долго тянулась эта ночь, полная неизвестности!

До самого утра Соня и гирканец обшаривали каждую щель в скале в надежде отыскать другой путь в таинственное святилище. О том, чтобы проникнуть туда через расщелину, куда вошел с процессией Мгонга, не могло быть и речи — главный вход тщательно охранялся.

Наконец Соня услышала крик Энны.

Соня окликнула Сирхана и рассказала ему о том, что слышала. Если бы аквилонка не позвала на помощь, вряд ли Соня сумела бы найти это отверстие в скале. Дно шахты скрывалось в глубокой тьме, так что разглядеть что-либо не представлялось возможным. Однако сомнений у Сони не было — Энна находилась там, в глубине. Соня узнала ее голос.

Посоветовавшись с Сирханом, Соня решила отправиться в лес и сплести из лиан прочную ве-

ревку, чтобы с наступлением темноты попытаться незамеченными проникнуть в святилище через колодец и вызволить Энну. И конечно же добыть сокровища.

* * *

Мгонга почувствовал что-то неладное. Почему Бхати-Ног не принял жертву? Почему обе девушки наутро оказались живы? Он поднялся на священный холм и вознес руки к небу. Долго стоял так Мгонга, распевая заклинания и молитвы, пока наконец весь мир не открылся перед жрецом как на ладони. И все-таки что-то было в этом мире не так...

Мгонга так и не смог проникнуть в эту тайну. Разгадка могла находиться только в одном месте — в святилище.

И жрец направился туда один, оставив свиту на ярком солнечном свету. Уверенно прошел по переходам и ступеням, вошел в святилище, пристально посмотрел на обеих пленниц...

* * *

Следующее утро оказалось для Энны ужасным. То был самый страшный день в ее жизни. Ничто не предвещало такого пробуждения. Ночь прошла спокойно, ни один звук не потревожил сна пленницы. Как ни странно, она начинала свыкаться со своим положением. Но когда Энна открыла глаза, чудовищная картина предстала ее взору.

Чернокожая подруга Энны была мертва. Нет! Она была более, чем мертва! Энна, оцепенев, смот-

рела, как мертвая девушка превращается в гигантское чудовище. Мех животного-оборотня был мокрым от крови, разорванным чудовищными когтями, внутренности выедены. Из лопаток выпирали неоформившиеся крылья, которые так и не успели вырасти. Однако уже сейчас можно было определить, что они напоминали бы крылья огромной черной летучей мыши. Труп корчился, словно со смертью муки для него не кончились. Прямо на глазах он начал разлагаться, исчезая с тихим шипением в мутной кровавой луже на полу святилища.

Энна почувствовала, как к горлу подступает тугой комок. Ее вырвало. Из широко распахнутых от ужаса глаз потоком хлынули слезы. Она кричала, рыдала, давилась — все одновременно, не в силах совладать с ужасом, который царил в этом жутком святилище и, казалось, охватывал ее со всех сторон своими ледяными крыльями...

Лучше бы ее сожрали дикие животные! Лучше бы ее продали на невольничьих рынках похотливым стигийским вельможам! Лучше бы ей погибнуть в быстрых водах безымянной речки, которую переходил караван! Любая участь лучше этой ужасной, чудовищной нечеловеческой судьбы!

Когда к Энне снова явились женщины, чтобы поклониться идолу и омыть и переодеть пленицу, та встретила их взглядом, полным страха. Как могут они всю жизнь жить рядом с этим? Как могут улыбаться, зная, что любая из них может оказаться жертвой чудовища?

Но в груди Энны продолжала теплиться надежда — нелепая, невозможная...

Она не могла забыть о том, что видела ночью рыжеволосую воительницу. Может быть, незнакомка придет к ней на помощь. Лишь бы не оказалось слишком поздно...

И вот торжествующе загрохотали барабаны. По лестницам затопали шаги босых ног. В подземное святилище вошла процессия дикарей. Несомненно, Мгонга ведет к своему глиняному истукану новую жертву.

Энна заставила себя поднять глаза, чтобы посмотреть, кто обречен разделить ее страшную судьбу.

То была Рыжая Соня!

* * *

Рыжеволосая воительница была худа и утомлена. С ее виска капала кровь, одежда была разорвана и висела лохмотьями, которых постыдился бы самый отъявленный гирканский бродяга. Все в ее внешности выдавало следы отчаянной борьбы.

Но сейчас Соня не выраживала ни малейшей воли к сопротивлению. Казалось, она погружена в глубокий сон.

Мгонга, как всегда, невозмутимый и непроницаемый, привязал бесчувственную Соню к столбу, где еще совсем недавно сидела чернокожая девушка. На полу не до конца еще высохла лужица крови — это было все, что осталось от несчастной жертвы.

Несмотря на то что Соня очевидно не могла сейчас оказывать своим пленителям никакого сопротивления, она была тщательно связана по рукам и ногам. Видимо, черные преисполнились

уважения к ее ловкости и отчаянной воле, которую Соня выказала, когда боролась за свою жизнь.

Как же она оказалась в пленау? Энне предстояло узнать это через несколько часов, когда Соня наконец очнулась и смогла говорить.

Соня решила проникнуть в пещеру по лестнице, сплетенной из лиан. Она спряталась в лесу, недалеко от деревни, и, набрав лиан, занялась изготовлением веревки. Сирхан куда-то ушел. Соня не опасалась, что товарищ еебросит. Сейчас, когда они только начали свое безумное предприятие по добыванию сокровища связанныго бога и Соня и гирканский наемник — союзники и почти друзья, в той степени, насколько слово «друг» вообще применимо к людям типа Сирхана.

Не опасалась рыжеволосая воительница и подвоя со стороны своего союзника. Еще не время. Пока золото там, в недрах пещеры, пока они еще не придумали, как добраться до святая святых народа Мгонги...

Занятая этими размышлениями, Соня ловко плела веревку и связывала узлы там, где должны быть перекладины будущей лестницы. Ей пришлось потрудиться на славу. Для того, чтобы вытащить из подземного святилища Энну, нужна именно лестница. Соня не тешила себя надеждой на то, что избалованная дочка аквилонского торговца кхитайскими шелками будет в состоянии взобраться на такую высоту просто по веревке с узлами.

Работа поглотила вскоре все мысли Рыжей Сони. Она тщательно проверила каждый узел, намотала лестницу из лиан на локоть и аккурат-

но сложила большой моток на землю. Что ж, теперь можно и передохнуть. До заката остается еще несколько часов.

Соня с наслаждением растянулась на мягкой земле, слушая сладкоголосое пение тропических птиц. Да, у юга есть свои положительные стороны. Например, приятное тепло, веселое щебетание птиц, яркие бабочки и сочные тропические фрукты. Еще бы не было этой одуряющей жары, что набрасывается на человека в полдень, точно дикий зверь, и терзает его до того часа, когда тени становятся более длинными.

Соня плохо переносила жару — сказывалось ее наполовину ванирское происхождение. Однако ее силы воли хватало на то, чтобы стойчески претерпевать даже душные полдни тропиков.

Лежа в тени деревьев, Соня улыбалась. Золото, драгоценные камни? Что ж, гирканский наемник набьет себе карманы. Изнемогая от жадности, утащит целый мешок — на здоровье! Сколько таких алчущих богатства искателей приключений встречала уже Соня на своем пути! И все они в самом лучшем случае пропивали большую часть добытых с риском для жизни денег, а на остаток, спохватившись, открывали таверну где-нибудь в тихом местечке.

Были и менее удачливые — те погибали, не успев насладиться роскошью и причудами состоятельной жизни.

Нет, конечно, Соня не откажется от десятка драгоценных безделушек. И золотые монеты не отягощают ее пояса. Золото вообще лишним не

бывает — к этой мысли Соня приучила ее полная приключений бродячая жизнь.

Но главное... Главное — Соня чувствовала это кожей — жречество народа Мгонги владеет как-то страшной тайной. Бессмертие? Может быть! Скорее, путь к бессмертию...

Ни один намек такого рода Соня не оставляла без внимания. Подобно искателю жемчуга, она раскрывала раковину за раковиной в поисках единственной прекрасной жемчужины.

Неожиданно Соня почувствовала, что за деревьями кто-то таится. Она не пошевелилась и ничем не выдала, что обнаружила присутствие сопляката. И тем не менее теперь она была собрана и готова к бою.

Медленно, осторожно она переместила правую руку поближе к поясу, готовясь молниеносным движением выхватить кинжал.

Незваный гость не двигался с места. Он чего-то ждал.

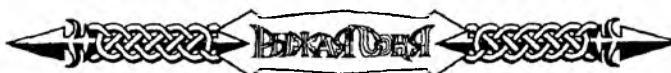
Быстрым прыжком, как разворачивающаяся в атаке пустынная змея, Соня вскочила на ноги. В ее правой руке уже сверкал нож.

— Ни с места! — яростно крикнула она.— Кто ты? Я знаю, что ты здесь!

— Я здесь,— отозвался спокойный, даже ленивый голос.

— Выходи! — рявкнула Соня.— Только медленно. Одно неосторожное движение — и я наделаю лишних дыр в твоей шкуре.

В просвете между деревьями показался Мгонга. Он улыбался.

— Привет, Соня.— Молодой жрец кивнул разъяренной девушке.— Как тебе удалось обнаружить меня?

Соня презрительно усмехнулась.

— Чутье,— проговорила она с чувством легкого превосходства.— Слишком много времени я провела среди врагов, знаешь ли.

— Ну, я же тебе не враг,— протянул Мгонга.

Соня заметила, что он бросил быстрый взгляд на моток лестницы, сплетенной из лиан.

— А это что такое? — бесцеремонно осведомился Мгонга.

— А тебе какое дело? — огрызнулась Соня.— Я пока что не подчиняюсь твоему совету старейшин.

— Ты находишься на моей земле, белая женщина,— Мгонга стал очень серьезен.— С этим не шутят. Для чего тебе веревочная лестница?

— Ты похитил женщину, которая принадлежит моему племени, и хочешь принести ее в жертву своему богу,— парировала Соня.

— Я на своей земле,— повторил Мгонга.

— А женщина — моего народа,— заявила Соня и вызывающе посмотрела на черного жреца.

На самом деле в любом другом случае она скорее дала бы себя удушить, чем признала бы аквилонца человеком одной крови с собой. Но здесь, в черных землях, когда буквально под ногами горит некая древняя тайна... Соня была готова даже на такое признание!

В конце концов, несчастная Энна не виновата в том, что ее отец родом из ненавистной Аквилонии...

— Ты была здесь ночью,— задумчиво проговорил Мгонга.

— Откуда ты знаешь? — удивилась Соня.— Ночью ты не мог меня видеть.

Мгонга загадочно усмехнулся. Его белые зубы блеснули на очень черном лице.

— Соня, Соня. Когда ты научишься наконец понимать, что хаман может видеть то, что скрыто от глаз обыкновенного воина?

— Я это знаю,— угрюмо отозвалась Соня.

— Ты — друг,— миролюбиво заметил Мгонга.— Вот, погляди. Я ничего от тебя не скрываю.

Он протянул ей шар, лежавший в его черной ладони. Соня недоверчиво заглянула в этот шар. Поначалу она ничего не видела, а затем вдруг прозрачный, как стекло, магический предмет затуманился. В нем забурлил туман, сперва молочно-белый, затем с кровавыми прожилками — и неожиданно Соня увидела пещеру, связанного бога и спящую на листьях священного дерева Энну.

— Ну? — спросил жрец, поглядывая на Соню с нескрываемой насмешкой.— Убедилась теперь?

— Я и не сомневалась,— заявила Соня.— Что с того? Да, я была здесь! Эта гора для меня не табу! Я не принадлежу к твоему народу, Мгонга!

— Ты была здесь ночью. Твои мысли были тревожны и проникали слишком глубоко. Бог был встревожен. Поэтому в первую ночь он не принял предложенную ему жертву. Я стоял на этом холме, заклиная луну и звезды дать мне ответ. Луна и звезды молчали. Я заклял ветер, и ветер принес мне ответ. Ты встревожила бога, и ночью ему было

не до наслаждений, которых он ждал столь долго. Но мне удалось успокоить его. Он принял первую жертву. Он разбудил свой аппетит. Сегодня ночью он насладится второй девушкой.

— Что он делает с жертвами? — содрогнувшись, спросила Соня.— Ты ведь можешь ответить мне на этот вопрос?

— Могу.— Жрец искося глянул на Соню. В его больших черных глазах с голубоватыми белками вдруг мелькнуло демоническое лукавство.— Другое дело — я не уверен в том, что тебе следует это знать, Соня.

— Расскажи!

Мгонга пожал плечами, как бы подчиняясь неизбежному.

— Хорошо, хорошо, Соня Огненная Грива. Сейчас ты все будешь знать. Связанный бог подманивает к себе девушку, и та приближается к нему... вплотную. Она ласкает его так, как он ей велит, и он испытывает наслаждение от ее покорности и ужаса. А затем он...— Мгонга сделал паузу и снова спросил: — Мне продолжать?

— Да,— ответила Соня сквозь зубы.

— Он поедает ее живьем. То, что остается после божественной трапезы, преобразуется и становится подобным... некоему существу...

Мгонга снова замолчал, закатив глаза к небу.

Соня, бледнея от гнева, молча ждала продолжения. Она видела, что чернокожий получает настоящее удовольствие от ее нетерпения. Что ж. В последние годы Соня немало времени провела среди кочевников и дикарей — она умела выжидать.

Наконец Мгонга сказал:

— Это существо, на наш взгляд, отвратительно, но оно ласкает взоры божества... Он смотрит, как оно умирает. Когда оно перестает забавлять повелителя, оно исчезает. Теперь твоё любопытство удовлетворено, Соня?

— Вполне,— ответила Соня хладнокровно.

— Ну что ж...— Мгонга еще раз пожал плечами.— В таком случае, скоро ты получишь бесценную возможность увидеть все это собственными глазами.

Соня не успела метнуть кинжал. Откуда-то из засады свистнула стрела. Соня почувствовала, как по всему телу разливается холод...

* * *

Сбивчивый, то и дело прерываемый рыданиями рассказ Энны подтвердил все самые худшие предположения Сони. То, что видела аквилонская девушка, полностью соответствовало злорадному повествованию черного жреца.

— Мы — всего лишь жертвы, жертвы, приведенные на убой этому ужасному монстру! — рыдала Энна.

Соня хмуро смотрела на свою подругу по несчастью. Но если Энна, изнеженная, выросшая среди кружев и шелков, готова была покориться судьбе — даже такой чудовищной, то Соня была совершенно иного десятка.

— Да, нас заманили в эту ловушку,— сказала Соня, вытирая кровь, запекшуюся на виске.

Она с удивлением обнаружила, что дикари перевязали ее рану. Стрела лишь незначительно оца-

рапала кожу на левом плече, однако яд, содержавшийся на наконечнике, попал в кровь и ненадолго погрузил Соню в глубокий сон. Этого времени хватило, чтобы дюжие черные набросились на нее и связали по рукам и ногам. Когда Соня очнулась, она была уже совершенно беспомощной.

— Но я не вижу причин отчаяваться и уж тем более — отдавать свою жизнь на волю этого глиняного ублюдка,— продолжала Соня.

Энна сжалась и бросила на связанного бога испуганный взгляд.

— Не говори так, Соня! Ведь он все слышит!

— Что он может слышать? Не смеши меня, девушки! Это всего лишь истукан!

— Там, внутри...— Энна со страхом поглядывала на идола.— Там кто-то... живой... Более чем живой! И здесь все пропитано злой магией! Разве ты не чувствуешь этого?

— Я чувствую, что тебя перепугали до смерти,— ответила Соня. Ей не хотелось признаваться аквилонке, что и она сама, Рыжая Соня, испытывает ужас при одной только мысли о том, какую чудовищную участь уготовила им извращенная фантазия Мгонги.

— Я видела...— прошептала Энна.— О, Соня! Я это видела собственными глазами! Здесь... У того самого столба, где сейчас привязана ты, была черная девушка. Дикарка. Она даже не боялась. А наутро никакой девушки уже не было. Она превратилась в отвратительного монстра. Этот монстр был мертв. Он погиб ужасной смертью, ужасной! Его... его заели... по-моему, Соня, его заели зажи-

во,— сейчас голос Энны шелестел еле слышно. Девушка дрожала всем телом. В ее голубых глазах застыл дикий страх.

— Ты что, сожалеешь о каком-то монстре? — спросила Соня, пытаясь придать своему голосу презрительную небрежность.

— Ты понимаешь меня! — Энна вспыхнула.— Ты отлично все понимаешь, Соня! Зачем ты прикидываешься дурочкой? В монстра превратилась та несчастная... И мы с тобой тоже... Сначала я, потом ты... Это ненасытное чудовище пожрет нас...

— Тише, тише,— успокаивающе произнесла Соня.— Я вовсе не прикидываюсь дурочкой, как ты изволила заметить. Просто не хочу, чтобы ты тряслась тут от страха, как перепуганная перепелка. Расскажи лучше о своей семье, о своем детстве. Чем ты займешься, когда мы выберемся отсюда? Есть ли у тебя жених?

Энна разрыдалась, как безумная.

— Какой жених! О чем ты говоришь! Как ты можешь так говорить, Соня! Ведь наутро одна из нас уже будет мертва!

— Ну, может быть, и не будет,— протянула Соня лениво, подражая выговору Мгонги.

Энна замерла.

— Что ты сказала? — прошептала она. В ее голубых глазах вновь вспыхнула надежда.

— Только то, что ты услышала. Есть некоторая вероятность того, что обе мы целыми и невредимыми встретим завтрашний рассвет.

— Но откуда... почему...— сбивчиво залепетала Энна.

— Не скажу. У этих стен могут быть уши,— решительно заявила Соня. Она почти не сомневалась в том, что Мгонга сейчас подглядывает за ними в свой магический шар.— А теперь давай немного поболтаем! Лучшего способа скрасить одиночество двух покинутых на милость связанного глиняного ублюдка девушек и не найти. А ты как считаешь?

* * *

— Проснись, Энна! Да проснись же, аквилонская неженка! Открой глазки! Ну, папина дочка, давай-давай просыпайся!

Настойчивый шепот Сони в темноте святилища разбудил наконец Энну. Измученная страхами и переживаниями аквилонская девушка сама не заметила, как погрузилась в мертвый сон. Сейчас ее настойчиво трясли и шептали ей на ухо.

— Что случи...— вскрикнула Энна. Чья-то рука зажала ей рот.

— Тише,— сурово прошептал мужской голос.

— Кто здесь? — повторила Энна, на этот раз еле слышно.

— Сирхан.— Гирканец хохотнул.

— А Соня?

— Здесь твоя Соня.

— Я тебе не верю... Соня! — позвала девушка.

— Да здесь я, здесь,— отозвалась в темноте Рыжая Соня.— Дай кресало, Сирхан. Здесь темно, как... у Мгонги в заднице.

Сирхан зажег наконец факел, осветив и подземную пещеру, и отвратительного божка, и блед-

ные лица обеих девушек. В открытом к звездному небу колодце висела веревочная лестница. Мгонга так и не забрал ее. Видимо, жрец решил, что опасность похищения пленницы миновала, и беспечно бросил изделие ловких сонных рук в лесу, там, где отравленная стрела настигла рыжеволосую воительницу.

— Скорей! — начала торопить Энна.— Выберемся из этого ужасного места! Пожалуйста!

— Еще чего,— возмутился Сирхан.— Я нарочно рисковал жизнью, лез сюда, едва не свалился в пропасть, едва не погиб от отравленной стрелы этих чернокожих мерзавцев — да мало ли еще каких бед натерпелся! И все ради того, чтобы сбежать?

— Разве ты пришел не для того, чтобы спасти нас? — Энна удивленно подняла брови.

Сирхан от души расхохотался.

— Повезет же твоему мужу, девушка! Ты, как я погляжу, девственна не только телом, но и умом. Стал бы такой пройдоха, как я, ставить на кон свою бесценную жизнь ради двух безмозглых куриц.

— Гм,— произнесла Рыжая Соня.

Гирканец на мгновение смешался, но его смущение тотчас же развеялось. Он широко, нахально улыбнулся.

— Ради одной безмозглой курицы и ради одной курицы с мозгами,— поправился он.— Словом, я хочу сказать...

— Словом, он хочет ограбить этого сластолюбивого поедателя монстров,— заключила Соня,

кивнув в сторону идола.— Я полагаю, кстати, что нам с Энной тоже причитается своя доля.

— Здесь хватило бы на всех,— прошептала Энна.— Боги! Я совсем забыла о золоте, о драгоценных камнях! Они перепугали меня до полусмерти...

— А дочери купца не следовало бы забывать о богатствах, не так ли? — усмехнулся Сирхан.— Тем более не для кого не секрет, что обогатиться можно быстро и легко.

— Сомневаюсь, чтобы так уж легко,— покачала головой Соня.— Для начала, никто из нас не видит здесь никаких богатств.

— Я видела,— начала Энна.

Соня и Сирхан, как по команде, одновременно повернулись к ней.

— Да? — ободряющее произнес Сирхан.— И что ты видела? Говори, не бойся.

— Когда они привели нас сюда, в это святилище,— неуверенно произнесла Энна и снова замолчала. Она явно колебалась.

Соня заметила ее нерешительность и решила приободрить девушку.

— Почему ты замолчала, Энна? Чего ты опасаешься?

— Что вы не поверите и поднимете меня на смех.

Сирхан ударил себя по бедру и расхохотался.

— Нашла, чего опасаться! Мы не в том положении, чтобы трястись за хорошие манеры. Ну, что ты видела?

— Мы не будем насмехаться, что бы ты ни сказала,— твердо обещала Соня.— Пусть даже твой

рассказ поначалу покажется нам невероятным. Плодом большой фантазии или бредом.

— Хорошо.— Энна решительно тряхнула белокурыми волосами.— Я видела, как дикари высыпали сюда, на пол, под ноги идолу целый мешок драгоценностей и золотых монет.

— И куда же все это подевалось? — жадно спросил Сирхан, блуждая глазами по подземной пещере.

— Оно... оно все впиталось в пол,— сказала Энна.— Оно где-то здесь. Невидимое. Может быть, действительно под полом... Или в самом идоле. Если там скрывается живое существо, как утверждает Соня...

— Я не утверждаю,— перебила Соня,— я только высказала предположение.

— Неважно. Может быть, это существо, связанный бог, пожирает драгоценности,— продолжала Энна. Ей льстило напряженное внимание ее слушателей. Она говорила все увереннее и громче.— Как бы то ни было, а золото и камни — здесь. И я видела их собственными глазами.

Все трое помолчали, обдумывая план дальнейших действий. Наконец Сирхан заявил:

— Да что тут долго голову ломать! Я таклагаю: если идола развязать да своротить, можно поглядеть, что делается внизу. Может, там-то все и хранится. Может, оно туда скатилось... по желобкам или еще каким-то образом...

— Может быть...— задумчиво проговорила Соня.— Я вот думаю: почему чернокожие связывают своего бога? Уж не опасен ли он настолько, что они предпочитают держать его пленным? И

какие силы высвободятся, если мы снимем веревку? Не накличем ли мы страшную беду?

— На кого? — спросил Сирхан, кривя губы.— На этих жалких дикарей? Туда им и дорога, между нами говоря!

— Да будь они прокляты, эти дикари! — взорвалась Соня.— Не погибнем ли мы сами от клыков и когтей этого чудища, которое предпочитает превращать женщин в отвратительных монстров и пожирать их во время совокупления!

— В монстров? — озадаченно переспросил Сирхан.— И он пожирает их, ты говоришь? Гм, странный вкус...— Гирканец смерил глиняного идола взглядом, в котором неожиданно мелькнуло что-то вроде насмешливого уважения.— По крайней мере, это что-то новенькое.

— Перестань дурачиться! — прикрикнула на своего товарища Соня.— Это не шутки.

Гирканец вздохнул.

— Понимаю, что не шутки. Какие уж тут шутки, если монстры... И все же я бы рискнул, Соня. Огромные богатства! Горы золота и бриллиантов! Мы сможем купить себе по дворцу где-нибудь в Аренджуне и жить беспечно, среди наслаждений, фонтанов, красивых женщин и противно орущих павлинов с роскошными хвостами!

Соня кривовато улыбнулась. Сколько раз уже она выслушивала подобные мечты от своих спутников, непутевых искателей наживы, рыцарей больших дорог! И никто из них не купил себе дворца. Самое большое — таверну или дом где-нибудь в деревне.

— Ты помрешь со скуки в этом дворце, Сирхан,— сказала Соня.— Тебе будет не хватать этой жизни, полной лишений и приключений.

— Ну, изредка, чтобы поразмять косточки, я буду развлекаться разбоем на дорогах,— утешил Соню Сирхан.— Хватит болтовни. Помоги-ка мне, Соня.

С этими словами гирканец решительно направился к идолу и начал снимать с него веревку. Он долго возился с причудливыми узлами, которые вывязывал на идоле жрец. Наконец веревка поддалась.

— Да разрежь ты ее! — нетерпеливо сказала Соня.

— Еще чего! — возразил Сирхан.— Веревка, девочка моя, в иных ситуациях вещь совершенно бесценная. Дороже золота.

— Знаю,— проворчала Соня. Ей не хотелось сейчас признавать свой промах.

— То-то же.— Сирхан снял веревку с истукана и, смотав ее, повесил себе на пояс.— А теперь вперед!

Большой алмаз, вделанный во лбу глиняного истукана, вдруг загорелся кровавым пламенем, но ни Соня, ни Сирхан этого не заметили.

* * *

— Глядите! — возбужденно проговорил Сирхан, указывая на подземный ход, открывшийся им после того, как глиняный идол был опрокинут.

Крутые ступени уводили вниз, в загробную черноту.

— Дай мне факел, Соня! — крикнул Сирхан. Его ноздри алчно раздувались.— Я чую запах золота! Клянусь всеми богами, я чую здесь запах большой поживы! Ах, как сладостно здесь пахнет!

— По-моему, здесь разит гнилью, затхлым воздухом и летучими мышами,— содрогаясь всем телом, заявила Энна.

Соня обменялась с ней понимающим взглядом.

— Я тоже терпеть не могу летучих мышей,— сказала она, намереваясь поддержать аквилонскую девушку. Пусть она хотя бы не чувствует себя одинокой в своих страхах! — Но что поделаешь? Если уж мужчине взбрело в голову забраться в подземелье, то не нам с тобой становиться у него на пути. Лучше подчиниться.

Сирхан изумленно поднял брови.

— Ты издеваешься, Соня?

— Отнюдь.

Однако Сирхан продолжал глядеть на нее с подозрением, справедливо подозревая какой-то скрытый подвох со стороны Сони. Наконец он подмигнул своей приятельнице.

— Ладно. Давай сюда факел — и полезли.

Соня протянула ему горящий, коптящий факел. По стенам святилища запрыгали фантастические тени. В их неверном свете Энне вдруг показалось, что связанный — теперь уже освобожденный! — глиняный божок отвратительно ухмыляется.

— Я пойду первым,— заявил Сирхан.— Энна посередине. Соня, ты замыкаешь. Прислушивайся хорошенько. Вдруг проклятые черномазые что-

то почуяли и отправили за нами погоню? Хотя я думаю, раньше, чем настанет утро, ни один из них не сунет сюда свой приплюснутый нос.

С этой оптимистической речью Сирхан начал спускаться по ступенькам.

* * *

Казалось, не будет конца этому спуску. Виток за витком лестница уводила трех искателей золота в глубину, в самые недра земли. Что ждало их впереди — ужасная гибель, разочарование, победа?

В любом случае, раз уж они начали, необходимо довести дело до конца.

У Энны начала кружиться голова. Она потеряла счет ступенькам. Ей казалось, что она погружается в самые глубины земли.

Должно быть, подобное же чувство испытывала и Соня, потому что неожиданно рыжеволосая воительница нарушила молчание, сказав:

— Похоже, мы направляемся прямиком в недра преисподней!

Сирхан хмыкнул.

— Погоди немного, Соня. Может быть, эта преисподня обернется для нас волшебным золотым краем!

— Или могилой,— прошептала Энна. Сейчас ей было просто страшно. Дочь аквилонского купца отдала бы все сокровища народа Мгонги за простое счастье прижаться к отцовской груди, за обыкновенную радость проснуться у себя дома, в чистой постели. Увы, сейчас все это казалось ей недостижаемой мечтой.

— Мы спустились! — крикнул идущий впереди Сирхан.— Я ступил на ровный пол. Идите за мной.

— Подожди нас,— сердито попросила Соня.— Не беги вперед. Идти — так уж всем вместе.

— Ну, давайте быстрее, копуши! — Сирхан поднял коптящий факел высоко над головой, освещая длинный коридор, в котором оказались беглецы.— Тут что-то интересное, потрохами чую!

— Как бы эти твои любопытные потроха не намотали на жертвенное копье,— проворчала Соня.— Ты шумишь, как пятьдесят слонов на водопое, Сирхан. Веди себя потише. В конце концов, мы ворвались в святая святых чужого народа. Кто знает, может быть, здесь стоит бдительная охрана?

— Пока что эта охрана была не слишком бдительной,— возразил Сирхан.

— Ждут, пока мы подойдем поближе,— предположила Энна.

Сирхан удостоил ее насмешливой улыбки.

— Ого, девушка, а ты у нас, оказывается, былая искательница приключений, как я погляжу! — фыркнул гирканец.— Нет, говорю тебе: любая охрана давно уже с улюлюканьем принялась бы обстреливать нас отравленными стрелами или дротиками!

— Не любая,— возразила Соня.— Но хватит болтовни. Идем.

— Можно подумать, это я тут стоял и трепал языком,— недовольно проворчал Сирхан, направляясь вперед.— Не отставайте, подружки. Не то я заберу все золото сам.

— Тебе не унести всего, что там находится,— проговорила Энна.— Ты даже представить себе не можешь, сколько там драгоценностей! Если, конечно, мы их отыщем...

Подземный ход был достаточно высоким, чтобы мужчина среднего роста мог пройти по нему, не наклоняя головы. Конец коридора терялся в бесконечной тьме.

— Какой длинный! — прошептала Энна.

Они шли и шли, а коридор все не заканчивался. Куда он ведет? Далеко за пределы деревни? В пещеры? В джунгли, где рыщут одни только дикие звери?

Неожиданно впереди мелькнул свет. Сирхан остановился, подняв руку. Девушки замерли, как по команде.

— Там кто-то есть,— прошептал Сирхан.

— Идет сюда? — спросила Соня.

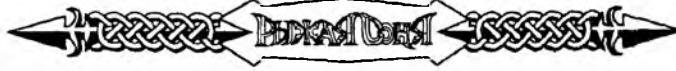
— Нет, он неподвижен... кажется. В любом случае он нас уже заметил.

— Наш факел не заметить мудрено,— заметила Соня.— Но таиться смысла не имело.

— Да уж. Мы в конце концов разорили их святилище,— согласился Сирхан.

— Это отвратительное, нечеловеческое место,— содрогаясь, прошептала Энна.— Надо было бы уничтожить его совсем...

— Ну, все! Не хватало еще, чтобы ты тут раскопливалась! — прикрикнул на девушку Сирхан.— Утри глазки и вперед, на врага! — Заметив, что Энна глядит вперед с нескрываемым испугом, гирканец добавил: — А как ты хотела? Никто не

подаст тебе сокровища за здорово живешь. Любое богатство нужно заработать.

— Заработать? — насмешливо переспросила Соня.— От кого я это слышу, грабитель?

Их спор был прерван.

Светящееся пятно впереди неожиданно переместилось и теперь оно плясало всего в пяти шагах от троих беглецов.

— Что это? — шепнула Энна.

— Молчи.— Соня быстро препроводила девушку себе за спину.— Не высовывайся. Я постараюсь прикрыть тебя.

Хищно оскалившись, Сирхан потянулся за спину и извлек из ножен свою кривую саблю. В руке у Сони уже блестел кинжал.

Неровные очертания светового пятна впереди постепенно приобретали форму.

— Глядите-ка, да это же наш старый приятель Мгонга! — воскликнула Соня.— Кажется, он опередил нас!

— Соня! — прошипел жрец, окруженный сиянием.— И ты, нечестивый гирканец! И ты, глупая белокурая девка! Все вы умрете! Вы — пища для нашего бога!

— Твой бог — всего лишь глиняный истукан! — возразила Соня.— Мы отбросили его в сторону как ненужный хлам. Он мешал нам!

— Глупцы! — проскрежетал Мгонга.— О, какие же вы глупцы, белые люди! Вы недооцениваете силу черных богов!

— Твои черные боги — тьфу против добродушной гирканской сабли! — проревел Сирхан.

Но Мгонга никак не отреагировал на вызов. Черные глаза жреца остановились на мотке веревки, висевшем на поясе гирканца.

— Что это? — спросил Мгонга, указывая на веревку.

— Не видишь, что ли, ты, глупый дикарь! — ответил Сирхан, поднимая саблю.— Веревка, которой я свяжу твои руки и ноги... Впрочем, когда я закончу развлекаться с тобой, падаль, связывать будет уже нечего. Клянусь богами, я отрублю тебе свои паучьи лапы и брошу их на съедение крысам!

Но и сейчас Мгонга остался равнодушен к оскорблению, которыми осыпал его гирканец.

— Ты... Вы развязали нашего бога? Вы что, осмелились снять с него путы?

— Ну и что такого? — с вызовом спросил Сирхан.— Божок был привязан, а мы хотели проникнуть сюда. Угадай, кстати, зачем?

— Безумцы! Вас соблазнил блеск сокровищ, и вы выпустили на волю чудище!

— Чудище? — насмешливо повторил вслед за жрецом Сирхан.— Так вот как ты именуешь своего божка, черномазый! А я-то думал, ты почитаешь его!

— Я отношусь к нему так, как он заслуживает! — резко возразил Мгонга.— С почтением — ибо он могуч; с ненавистью — ибо он жесток; с любовью — ибо он дарует нашему народу благость урожаев. Не тебе судить, наемник без семьи, без родины, без прошлого и будущего,— не такому, как ты, судить моего бога, обычай и верования моего народа!

Сияние вокруг Мгонги наконец померкло. Стало видно, что жрец стоит перед своими противниками совершенно обнаженный. Лишь белые спирали раскраски украшали его черные бедра, а низ живота был испещрен крупными красными точками, нанесенными охряной краской. В руке жрец связанный бога держал длинное копье.

— Он нарочно выигрывал время, чтобы подготовиться к битве! — крикнула Рыжая Соня, которая только сейчас разгадала коварный замысел Мгонги.

Испустив громкий душераздирающий боевой клич, Мгонга ринулся с копьем на Сирхана. Гирканец отступил на шаг в сторону и в свою очередь нанес противнику рубящий удар своей кривой саблей.

Брызнула кровь. Мгонга взревел и развернулся, размахивая копьем. В этот момент Соня, визжа, как дикая кошка, набросилась на черного и вонзила кинжал ему под лопатку.

— Получи, предатель! — вскрикнула она.

Мгонга повернул к ней лицо, полное боли и удивления. Соня отступила на шаг. Мгонга рухнул на пол, к ногам своих врагов.

— Свяжи его,— проговорила Соня, тяжело переводя дыхание.

Сирхан быстро опутал руки и ноги поверженного жреца веревкой, которую снял с пояса.

Слабо корчась, Мгонга проговорил:

— Глупцы...

Он закрыл глаза и, казалось, потерял сознание.

— Вперед,— сказала Соня.— Заберем сокровища и вернемся к нему.

Сирхан удивленно уставился на свою приятельницу.

— Ты что, хочешь забрать его отсюда? Этого черномазого людоеда?

— Он по-своему честен,— признала Соня.

— Разве ты только что не назвала его предателем? — Удивлению Сирхана не было предела.

— Назвала... Ладно, о чем мы спорим? Пошли. Я уверена, что сокровища — там, впереди.

Соня побежала по коридору.

* * *

Они оказались в просторной пещере где-то глубоко под землей. Это было еще одно святилище, о существовании которого — Соня была в этом уверена — из всего племени знали только жрецы.

Посреди совершенно голой пустой пещеры стоял каменный саркофаг, вырубленный в скальной породе в незапамятные времена. Странные узоры — может быть, письмена давно исчезнувшего народа? — украшали высокие стены саркофага. Тяжелая крышка с вырезанным на ней изображением безобразного чудовища — точь-в-точь подобного тому, в которое превратилась несчастная чернокожая девушка,— была сдвинута в сторону.

Сирхан подошел, попытался отодвинуть крышку еще дальше, но как ни напрягал мышцы гирканский воин, ему не удалось даже пошевелить тяжелую крышку.

— Проклятие! Да она неподъемная! — удивленно вскрикнул Сирхан.— Какой это силищей надо обладать, чтобы сдвинуть эту машину с места?

Соня не ответила. Ей показалось, что она начинает понимать смысл бессвязных предостережений Мгонги, и холодок пробежал у нее по спине.

— Смотрите! — вскрикнула Энна.

Соня резко повернулась, ожидая увидеть какое-нибудь чудовище... И замерла.

Из-под земли, из голых стен пещеры начали проступать алмазы и золотые слитки. Сокровища, впитанные святилищем за столетия поклонения связанныму богу, вываливались из стен, из потолка. Вскоре на трех искателей приключений хлынул настоящий дождь алмазов, рубинов, изумрудов, жемчугов, золотых и серебряных колец, ожерелий, диадем...

Защищаясь от этого ливня, все трои спрятались в саркофаг и прижались друг к другу.

— Хорошо, что эта крышка такая прочная,— проворчал Сирхан.— Иначе нам раздробило бы все кости.

— Да,— раздался наверху чей-то голос.— Крышка прочная.

С этими словами неведомый враг легко сдвинул крышку и запер Соню, Сирхана и Энну в каменном саркофаге.

Они оказались в ловушке!

* * *

Ужас объял всех троих. В наступившей тишине слышно было, как постукивают зубы гиркан-

ца, как всхлипывает Энна. Соня молчала. Покусывая губы, она проклинала себя за непредусмотрительность.

Кто же запер их здесь? У кого хватило сил сдвинуть крышку каменного гроба?

Неужели Мгонга? Но жрец был ранен и связан по рукам и ногам...

Может быть... Может быть, это был сам божок? Какое же обличье он принял — отвратительного монстра или могучего человека?

Они в западне, и сейчас надо быстро решать, как отсюда выбраться.

— Может быть, попробуем поднять ее? — предложил Сирхан.— Втроем.

— Ее и вдесятером не сдвинешь,— возразила Соня.— Нет, надо вступить в переговоры с нашим пленителем. Узнать хотя бы, каковы его цели.

Над крышкой разнесся громкий хохот.

— Каковы мои цели? Ах вы, жалкие черви! Моя цель — выйти на свободу! Другой у меня нет — уже несколько тысячелетий как я страдаю, вынужденный выполнять ничтожные желания ничтожного племени. Иногда меня балуют — подсовывают очередную дрожащую и ревущую от страха девку, чтобы я потешился. Все они скучны и ленивы, ни одна еще не доставила мне настоящего наслаждения. Глупые дикари!

— Ты — бог? — спросила Соня.

— Бог? — Тот, наверху, казалось, был очень удивлен этим вопросом.— Конечно, нет! Что за дурацкая мысль! Я — могущественное существо, демон, назови как хочешь, но не бог. Я был нео-

сторожен, они поймали меня и связали... А теперь вы освободили меня.

— Зачем же ты держишь нас в плена? — спросила Соня.— Ты ведь знаешь, что это мы сняли с тебя путы!

— Да! И опутали ими этого бедного дурака Мгонгу, моего жреца! — Демон расхохотался.— Он думает, что я приду к нему на помощь, что исцелю его раны, как делал это прежде! Несчастный болван! Нет, я оставлю его подыхать — вот что я сделаю!

— Туда ему и дорога,— проворчал Сирхан.

Демон не рассыпал. Он упивался обретенной свободой.

— И теперь *его* дух будет заключен в оболочке глиняного истукана! — ликовал освобожденный демон.— Теперь сам Мгонга отведает, каково томиться день и ночь в плена, каково выслушивать разные глупости, которые несут безмозглые чернокожие жрецы и их жирные девки! Каково наслаждаться любовью с трясущейся от ужаса дурой, которая не умеет даже как следует приласкать мужчину! Теперь *его* дух займет мое место — поделом ему!

Демон рассмеялся. Судя по грохоту и звону, он пустился в пляс, погружая свои огромные ноги по колено в ворох драгоценностей.

Соня решилась вновь подать голос.

— Выпусти нас отсюда! — попросила она.— Мы возьмем немного драгоценных камней в награду за то, что сняли с тебя путы, и уйдем отсюда!

— И больше вам ничего не нужно? — спросил демон.

— Нет! — ответила Соня.— Клянусь! Только свобода и немного золота.

Демон призадумался, а потом объявил:

— Или одно, или другое. Выбирайте.

— Тут и выбирать нечего,— кисло проговорил Сирхан.— Золото ни к чему, если нет свободы...

— Свобода! — крикнула Соня, опасаясь, что демон передумает.

— Свобода,— прошептала Энна.

— Хорошо,— милостиво позволил демон.— Я отпускаю вас.— И добавил, ухмыляясь: — До встречи...

* * *

Мгонга извивался в своих путах. Снова и снова взвывал он к божеству, которому служил сызмальства, еще будучи подручным своего отца, старого хамана.

О, Мбонга, отец Мгонги, был великим жрецом! Он никогда не позволил бы чужакам с отвратительно бледной, как могильный червь, кожей проникнуть в святилище и осквернить его!

Добыть для связанныго бога белокожую супругу — каким ужасающе нелепым, каким роковым оказался этот замысел для всего народа Мгонги! Лишь теперь молодой чернокожий жрец осознал это в полной мере.

Много столетий назад черные хаманы, объединившись, начали великую охоту. Они высledили древнего бога, они загнали его, как дикого зверя, и тот попал в тщательно приготовленную для него магическую ловушку.

И вот теперь все их усилия пропали втуне. И все из-за поспешности решений, принятых Мгонгой, его неопытности и желания услужить божеству!

Мгонга перестал извиваться и затих. Веревка больно впивалась в его тело. Молодому чернокожему жрецу вдруг показалось, что он как будто сделался крупнее телом... Что происходит? Должно быть, что-то ужасное!

Мгонга попытался крикнуть, но влажная липкая глина забила ему рот. Языка и зубов больше не было — они превратились в глиняные комки, размоченные слюной.

От ужаса глаза Мгонги вылезали из орбит. Зрение его тоже изменилось. Теперь он видел не то, что находился в поле его зрения, здесь и сейчас. Он различал бездны и пики каких-то иных, древних времен. Ему был внятен ход звезд, но и звезды располагались на небе иначе — не так, как во времена какого-то там Мгонги...

Ему было больно и неудобно. Ноги затекли. Руки больше не слушались. Пальцы, всегда такие ловкие, исчезли. Они просто рассыпались прахом. Уродливые беспалые лапы еще шевелились, стянутые веревкой, и бессильно скребли пол пещеры.

Мгонга еще раз попытался крикнуть. Из его груди вырвалось нечеловеческое рыдание.

Он ощущал жгучий голод. Он хотел есть! Вся его новая мощная, демоническая плоть изнемогала от голода. И еще его разрывала на части похоть. Его бедра непроизвольно тряслись и содрогались. Он вертелся и стонал, пытаясь хоть

как-то погасить этот пожар. Тщетно! Какая-то часть сознания Мгонги, который уже не был больше Мгонгой, отдавала себе отчет в том, что насытить этот голод ему не удастся теперь никогда.

Может быть, минут сотни лет, прежде чем люди отыщут в этих пещерах — ведомые древними преданиями и легендами своего народа — вечно жаждущего глиняного истукана. Они водрузят его на пьедестал, начнут приносить ему жертвы, класть к его ногам подношения... И вечно держать его в пленау, связанным!

А он должен будет насытить дожди на их поля и следить за тем, чтобы их скотина была мясной и плодовитой!

Мгонга закрыл глаза, тщетно борясь с отчаянием. Да, он обрел то, о чем люди могли только мечтать, отдавая годы и годы на овладение мистическими тайнами. Он стал бессмертным.

И чего не отдал бы сейчас чернокожий жрец за то, чтобы от этого проклятого дара избавиться!

* * *

Соня не могла понять, во сне все происходит или наяву, бредит она или грезит. Вместе со своими спутниками, Сирханом и Энной, Соня оказалась в ловушке. Оживший истукан запер их в саркофаге. Кем он был, этот «связанный бог»? Древним демоном? Таинственным вместилищем каких-то мистических сил? Какая, в сущности, разница!

Теперь Соню занимало совсем другое — как отсюда выбраться? В том положении, в котором

она оказалась, ей явно было не до мистических тайн!

Тесный саркофаг неожиданно перестал казаться гробом. Соня словно бы проваливалась кудато... Внезапно, как сквозь пелену, она увидела впереди широкую темную равнину, по которой, колеблемые ветром, бродили чьи-то тени... Где-то далеко впереди горел костер. Он горел тускло, словно Соня смотрела на пламя сквозь закопченное стекло.

И кто-то шел на огонь, простирая к пламени руки, точно загипнотизированный или влекомый никому неведомой грозной силой. Соня хотела окликнуть его, но не смогла — язык словно прирос к гортани...

* * *

Сирхан слышал пение. Пел женский голос, пронзительный, тонкий, завораживающий. Было в этом пении что-то пугающее, словно оно звучало прямо из преисподней, но слышалось в нем и другое: обещание неземного блаженства. Высокий голос загадочной невидимой певицы проникал в самую душу Сирхана, он манил, тянул, звал к себе...

Сирхан не понимал, где он находится. Да это его и не беспокоило. Он уже утратил всякую способность рассуждать. Он просто знал, что не пойти на властный призыв выше его сил.

* * *

Энна была в руках работников. Они напали на нее неожиданно, когда она прогуливалась по саду в доме своего отца — еще там, в Кхитае.

Беседки, увешанные по карнизам колокольчиками, дрожали, словно в испуге, и серебряные и медные колокольчики и бубенцы громко пели вразнобой.

Бородатые люди с завязанными лицами, так что видны были только их сверкающие безжалостные глаза, выскакивали отовсюду: из фонтана, из беседок, из кустов, из маленьких садиков, где были рассажены яркие, необычные растения, встречающиеся только на Востоке.

Совсем близко Энна увидела чье-то черное лицо. Оно скалило зубы в ужасной ухмылке.

Энна закричала, рванулась...

И вдруг хватка ослабла. Кто-то расшивыривал негодяев, одного за другим, и те падали на дорожки сада. Упав, они больше не могли подняться — что-то не позволяло им даже шевельнуться. Какая-то неведомая сила, спасшая Энну в последний миг, пригвоздила их навсегда к земле, где они и корчились, бессильно проклиная все на свете.

Энна смотрела, как они корчатся, как бьют руками и ногами, не имея возможности даже оторвать от земли голову, и вдруг начала смеяться. От этого безудержного веселья тело ее словно наполнилось каким-то легким светом...

Она увидела *его* — человека, который спас ее от насилия и всего того ужаса, что пришлось бы пережить Энне, если бы работоговорщикам удалось схватить ее.

Этот человек... Лицо его терялось в тумане. Но Энна ощущала теплоту и властный призыв, исходящие от него. Девушка встала и пошла навстречу

чу своему спасителю, радостно простирая к нему руки...

* * *

Соня проваливалась в небытие. Спала ли она? Грэзила ли? Что происходило с ней, пока она была заперта в тесном саркофаге, где томился связанный бог? Может быть, коварные чернокожие жрецы наполнили воздух дурманящими туманами?

Или это коварство самого связанныго бога, которого люди освободили столь опрометчиво?

Она не могла ответить на этот вопрос. Внезапно она очнулась и получила горькую радость в полной мере изучить свое бедственное положение.

Она находилась в саркофаге. Запертая. Крышка над головой была неподъемно тяжелой — еще бы, ведь ее изваяли из цельной каменной глыбы много столетий назад! Сдвинуть ее под силу было лишь богу... или демону? Соня затруднялась определить ту демоническую силу, которую народ Мгонги держал у себя в плену.

Ни Сирхана, ни Энны рядом не было.

Соня содрогнулась. Сперва она заставила себя медленно вдохнуть и выдохнуть несколько раз, затем, не спеша, прочитала первый попавшийся на ум детский стишок — чтобы выровнять дыхание и прийти в себя.

Только после этого она еще раз огляделась в почти кромешной тьме и пошарила вокруг руками.

Пустота.

— Энна! Сирхан! — позвала Соня, заранее зная уже, что на ее призыв никто не ответит.

Холодная испарина покрыла лоб Сони. Куда исчезли ее спутники? Они ведь были с нею! Более того — Соня была убеждена в том, что покинуть саркофаг они не могли. Это невозможно. Ведь они втроем пытались поднять крышку и убедились в том, что такое не под силу трем людям.

Остается предположить худшее.

Но что именно? На этот вопрос у Рыжей Сони не находилось ответа.

Неожиданно ее ищащие руки нашупали что-то в темноте. Это что-то было липким и твердым. Соня еще раз провела по «этому» пальцами и прикусила губу, едва сдерживая вопль: под ее ладонью оказался обглоданный человеческий череп. Влагой была кровь!

Теперь Соня не сомневалась в том, что ее спутники погибли. Но каким образом? Какой зверь проник в саркофаг и убил их? И почему он пощадил саму Соню?

* * *

И снова она, как сквозь туман, видела темную равнину. Какой-то зверь быстрыми прыжками убегал от растерзанного трупа, в котором Соня смутно различала Сирхана. Да, конечно! Здесь, на равнине, и произошло все самое ужасное. Энна и Сирхан поддались на зов и погибли. Теперь Соне это почему-то не казалось ни странным, ни сверхъестественным. Может быть, потому, что она и сама стояла на этой мрачной равнине и слышала какой-то невнятный зов.

Ее звала мать... Ее окликнул отец...

Соня стиснула зубы.

— Это ты, связанный? — спросила она наугад. — Ведь это ты мстишь нам всем, убивая нас по очереди? Ведь это ты заманиваешь нас сюда, в долину смерти, и уничтожаешь? Какую ловушку ты приготовил Сирхану? А Энне? Они не смогли устоять перед твоим зовом!

Связанный бог — если только это действительно был он — не ответил. Вместо этого голос матери еще раз окликнул Соню по имени. Затем мать тяжело, горестно вздохнула.

— Дочка... — донесся и зов отца.

Ох, только не это! Сколько же времени прошло с тех пор, как Соня слышала эти голоса! Как давно никто не называл ее «дочкой»! Горше всего было сознавать, что никто — ни один человек на земле — никогда так ее больше не назовет. У человека бывает только одна мать, только один отец...

— Ложь! — закричала Соня. — Не смей меня дурачить, ты, глиняный мерзавец!

— Соня... Соня... — звали голоса давно умерших родных. — Мы хотим только обнять тебя, Соня! Прижать к себе! Помнишь, как однажды в детстве ты бегала босиком и наступила на гнездо лесных ос, спрятанное в траве? У тебя распухла нога, когда несколько ос укусило тебя! Помнишь, как ты плакала? А потом вытерла слезы и сказала, что эти — последние в твоей жизни?

Соня чувствовала, как горячие потоки слез текут по ее щекам.

— Мама, — прошептала она, — нет, те слезы были не последними... Какими же сладкими они, ока-

зывается, были! В те годы я не знала, какова на вкус настоящая горечь!

— Забудь все, Соня! — сказал отец.— Иди к нам! Соня сделала шаг, другой...

Неожиданно перед ней распахнулся огромный изумрудный мир. Яркие цветы горели на кустах и в высокой сочной траве. Птицы невероятных расцветок парили в воздухе, плавно усаживаясь на ветви деревьев. Бабочки с золотыми и белыми крыльями порхали с цветка на цветок.

А впереди стоял белый дом с большими окнами, и на пороге этого дома Соня увидела свою мать в великолепном изумрудном платье...

Соня сделала еще шаг.

Теперь от изумрудного мира ее отделяло всего несколько локтей.

— Что ты медлишь? — проговорил кто-то у нее над ухом.— Иди же к ним, Соня! Ты видишь — они ждут! Они истосковались по тебе, Соня!

Соня вздрогнула.

Так вот на какую хитрость пустился связанный бог, когда задумал уничтожить тех, кто вторгся в его обиталище!

— Ты лжешь! — закричала Соня вне себя от ярости.— Ты проник в наши мысли и создал ловушки, избежать которых мы не можем!

Ответа не было.

Мертвая долина и изумрудный мир застыли в одинаковом молчании. Казалось, они ждали — что предпримет Соня.

— Самое дорогое, о чём грезил каждый из нас,— вот что ты показывал и Сирхану, и Энне, и мне!

— Ну и что? — раздался голос, и демон, освобожденный людьми, вдруг возник перед Соней.— Это получилось забавно!

— Но ты убил их!

— Они оказались слабы перед искущением. Соня была вне себя от ярости.

— Как ты посмел! Как ты посмел так зло издеваться над самым дорогим, что есть у человека,— над его мечтами, над его сокровенными мечтами!

— Милая Соня,— проникновенно проговорил освобожденный демон,— а как люди посмели охотиться на меня, поймать, связать и заставлять много лет исполнять их жалкие пожелания? Я был оскорблен! Ты знаешь, как я страдал?

— Ни Энна, ни Сирхан, ни я — никто из нас не участвовал в этой охоте,— возразила Соня.— Если уж на то пошло, то именно мы тебя и освободили. И вот твоя благодарность!

— Слыхал я одно людское поверье,— вкрадчиво проговорил демон.— Люди утверждают, что пока человек не умер, невозможно сказать, счастлив он был или несчастлив. И лишь те, кто удостоился высшего счастья в момент кончины,— лишь те избранныки судьбы. Так что, можешь считать, я сделал для твоих друзей самое лучшее, о чём только грезят люди: я устроил им счастливую кончину. Оба умерли в объятиях тех, кого страстно полюбили.

— Это чудовищно! — воскликнула Соня.

Освобожденный демон хмыкнул.

— Да я ведь и сам чудовище! Знаешь, как я поступил с Мгонгой?

Соня повернулась к демону, но увидела лишь сгусток тьмы.

— Говори, если хочешь.

— Хочу. Знай, Соня: я отдал ему часть моей силы и часть моего бессмертия. Теперь он сам — связанный бог. Я превратил его в глиняного истукана, вечно жаждущего, вечно голодного, вечно сотрясаемого похотью и вечно неудовлетворенного. Кроме того, он теперь может выполнять кое-какие желания людей: например, вызывать дождь, прекращать дождь, управлять плодовитостью скота... Интереснейшие занятия для того, кто обречен на бессмертие, не так ли? — Освобожденный бог хихикнул.— Пусть на своей шкуре испытает, каково это!

— Частица бессмертия? — переспросила Соня.— Значит, ты можешь...

— А, девушка! — зарычал освобожденный демон.— Вот, значит, где твоя главная слабость! Не тоска по отцу с матерью, как я предполагал, когда заглядывал в твои мысли! Хорошо же ты сумела спрятать от меня свою главную цель. Молодец! Ты ищешь бессмертия? Ладно...— Он помялся, словно бы раздумывая о чем-то.— За твою дерзость я накажу тебя. Я не дам тебе ничего... Вообще ничего.

— Поклянись,— сказала Соня.

— Ты что, с ума сошла? — возмутился демон.— С какой стати я должен давать тебе какие-то клятвы?

— Поклянись водами Вечной Смерти, что не обманываешь. Ты не дашь мне ничего.

Демон помолчал еще немного.

— Ты надоела мне,— сказал он.— Я клянусь водами Вечной Смерти, что ничего не дам тебе. А теперь иди вперед и не оглядывайся.

Соня стиснула зубы. Смерть? Небытие? Бессмертие? Встреча с давно умершими родными? Что ждет ее, когда она переступит черту, отделяющую изумрудный мир от мертвого?

Все ближе нестерпимо яркий ковер сочной травы. Еще шаг, еще...

Соня глубоко вздохнула и перешагнула невидимую границу...

* * *

Пели птицы. Это были яркие тропические птицы, но совсем не те фантастически прекрасные пернатые, что порхали с ветки на ветку в волшебном саду, который Соня видела в иллюзии, вызванной демоном.

Бабочки перелетали с цветка на цветок. Крупные, яркие, но обыкновенные для тропиков.

И цветы были совсем обычными.

Над головой светило горячее солнце, от травы поднимался одуряющий аромат. Но Соня, которая обычно с трудом переносила жару и всегда страдала в тропическом климате, радостно засмеялась, оглядываясь по сторонам.

Она была на свободе.

Никто не преследовал ее. Никто ее не сопровождал. Но вокруг был обычный, реальный мир, и это неожиданно наполнило Сонину душу огромным, светлым счастьем.

Она тряхнула головой, словно избавляясь от последних клочьев запредельного тумана, который окутывал ее в подземном мире иллюзий, и легким шагом направилась в джунгли — туда, где в просвете между деревьями видна была узкая тропинка.

КОЛЬЦО СУДЬБЫ

Блюститель Амирес — длинный худосочный туранец в роскошных одеждах — бросил насмешливый взгляд на юную девушку, стоящую перед ним с таким гордым видом, будто она была сама богиня.

— Я же сказал тебе, Соня, — неожиданно мягким голосом произнес он, — мне не нужны деньги. Я отдам тебе и кинжал, и меч, и даже лук со стрелами — за кольцо Эгида.

— Ха! — удивилась Соня. — Да где же я возьму кольцо Эгида? Посмотри на меня внимательно, Амирес, я похожа на богатую наследницу?

Амирес посмотрел внимательно. Конечно, девушка вовсе не была похожа на богатую наследницу. Одетая в простое мужское платье, потертые кожаные сандалии и дырявый плащ, она выглядела обычновенной бродяжкой, коих в последнее время слишком много развелось в Багдаруне. Однако он слышал о ней совершенно невероятные вещи. Например, говорили, что она владеет любым оружием лучше любого воина из туранс-

кой армии; что она ловка и хитроумна, как демона; что она к своим семнадцати годам прошла сотню дорог и на дорогах сих ограбила и сгубила сотню купцов. Наверное, по большей части все это были сплетни, но Амирес точно знал: дыма без огня не бывает. Конечно, эта юная особа с гривой густых рыжих волос истройной гибкой фигурой не так проста, как кажется. Вон как сверкнули ее прекрасные серые глаза, когда он сказал ей об оружии киммерийского героя, которое купил за две сотни золотых у пройдохи из Шема...

— Сядь, сядь, Соня.— Он ласково улыбнулся гостье и кивком указал ей на скамью напротив.— Я знаю, что ты не богатая наследница и кольца Эгидея у тебя нет. Но я знаю и кое-что другое: я назову тебе имя его нынешнего владельца, и через три дня это кольцо у тебя будет.

— Ты хочешь, чтобы я украла для тебя кольцо? — возмутилась девушка.— Я не могу. Воровство противно моей натуре.

Амирес взглянул на нее насмешливо.

— К чему лукавить, моя красавица. Не ты ли позапрошлой луной стянула золотой пояс у вдовы Кассими? Она сама с прискорбием поведала мне об этом.

— Кассима слишком много болтает,— с неудовольствием заметила Соня, надкусывая сочное яблоко и тут же отправляя его обратно в корзинку.

— Тем не менее она сказала правду.

— Эта глупая курица на каждом углу кудахтала, что ей некуда девать огромное богатство усопшего супруга,— вот я и решила помочь ей...—

Девушка взяла грушу и впилась в нее своими крепкими, белыми зубами.

— Пропажа золотого пояса не облегчила ее страданий.

— Зато облегчила мои. Я одиннадцать дней жила, как королева,— в таверне «Золотой лев» мне подавали самое лучшее вино и самые изысканные кушанья, а Толстяк Донно называл меня «любезнейшей госпожой Рыжей Соней»...— Огрызок груши полетел в корзинку и приземлился рядом с надкусанным яблоком.

— Не будем спорить,— решил Амирес.— Ответь сейчас, любезнейшая госпожа Рыжая Соня, согласна ли ты украсть для меня кольцо Эгидея?

— Да.

— Вот и отлично. Тогда я расскажу тебе...

— Подожди, Амирес, мы еще не договорились о цене. Если я принесу тебе это кольцо, ты отдашь мне оружие киммерийца?

— Незамедлительно,— заверил ее он.

Девушка задумалась. Насколько она знала, Амирес был самым настоящим ублюдком — он не имел ни чести, ни совести, ни иных добродетелей. В городе Багдаруне он занимал высокую должность блюстителя порядка, но соблюдал более собственные интересы, нежели общественные. В трактире «Золотой лев» один нищий, прибывший сюда в золоченом паланкине и с двумя охранниками, упившись, вдруг расплакался и поведал Соне любопытную историю. Оказалось, что все воры, побирушки и девицы легкого поведения половину своих доходов отдают Амиресу, который по-

зволят им за это вештить свои гнусные дела беспрепятственно,— городская стража обходит их стороной, предпочитая обирать и преследовать людей честных и простых. Этот нищий, достойно простояв на своем посту у базара пять лет, на шестой нарушил правила и отдал сборщику Амиреса лишь четверть дохода, составляющую пять медяков, и теперь ожидал заслуженной кары.

Тогда Соня выслушала его невнимательно, но спустя несколько дней узнала о том, что труп несчастного нищего нашли в пруду. У него было перерезано горло, а изо рта, набитого песком и травой, торчали пять медяков...

О том, что блюстителю платит дань большая часть городских таверн, постоялых дворов, притонов, лавок и мастерских, в Багдаруне знали все. О том, что он вор и проходимец, знали даже в окрестностях. Бесславное имя Амиреса произносилось непременно шепотом и с пугливой оглядкой по сторонам — никто не хотел проснуться утром в подвале темницы, а то и не проснуться вовсе...

— Договорились,— решительно сказала Соня, забирая со стола едва початую бутыль и прикладываясь к горлышку.

Амирес незаметно вздохнул: это вино стоило ему десятка золотых, а юная разбойница хлещет его, словно дешевое пойло. Дабы не слишком огорчаться, он отворотил взор и принял смотреть на буйно цветущую вокруг акацию. Акация ему нравилась, однако бульканье великолепного красного вина, исчезающего в глотке девчонки, сбивала его с поэтического настроения. Блюститель с

трудом подавил в себе желание отнять у гостьи бутыль, про себя решив твердо, что более приглашать ее не станет, и сдавленным голосом молвил:

— Что же, Соня, ты выслушаешь меня, наконец?

— Ах, Амирес, не сердись. Твое вино так прекрасно, что я забыла даже о нашем деле.— И девушка водрузила на стол пустую бутыль.

Если б Амирес не был так раздражен, он увидел бы лукавый блеск в ее красивых серых глазах. Соня сразу заметила перекошенную физиономию хозяина, стоило ей взять со стола бутыль. И, хотя сначала она намеревалась всего лишь отпить глоток, намеренно выпила все до капли — ее искренне порадовало отчаяние жадного Амиреса, лишившегося малой толики из своих немеренных сокровищ.

— Так вот,— откашлявшись, начал блюститель — уже не столь любезно, как прежде.— Ныне кольцом Эгиде владеет коринфиец Панишеро...

— Ха! Вот так имя! — перебила хозяина девушка.— В жизни не слыхала ничего смешней.

— Имя как имя,— пожал плечами Амирес и не удержался от колкости: — Не хуже твоего.

Соня помрачнела. Обнаглевший блюститель попал в точку: с детства Соне хотелось прозываться как-нибудь поизысканнее. Например, Энелиной, или Алусией, или Саломеей... Если бы она могла сама добыть оружие киммерийца, она двинула бы Амиреса кулаком по лысому черепу и ушла бы восвояси. Но она даже не знала, где оно спрятано! У Амиреса во всем Туране довольно потай-

ных мест — можно искать хоть всю жизнь и ровным счетом ничего не найти! Поэтому девушка ограничилась презрительным фырканьем и продолжила прерванный разговор:

— И где живет этот Панишеро? Кто он такой?

— Коринфиец, богатый купец. Живет недалеко отсюда, в доме бывшего сотника городской стражи. Он всегда останавливается там, когда приезжает в Багдарун.

— А каков он на вид?

— О-о-о! — оживился Амирес.— Ты узнаешь его сразу! Он ростом с кошку, безус и безбород, но очень волосат. Нос свернут набок, глаза маленькие, хитрые, губы толстые... Ко всему прочему на груди у него горб!

И блюститель тихонько захихикал, весьма довольный тем, что нашелся в Багдаруне кто-то, более уродливый, чем он сам.

— А где он хранит кольцо?

— Ну уж это твое дело, моя красавица. Если бы я все знал, я не просил бы тебя о помощи...

— Мне нужны деньги,— потребовала Соня.— И побольше.

— Зачем еще? — нахмурился Амирес.

— Я же должна познакомиться с твоим Падишеро. Какая таверна в городе самая дорогая? «Золотой лев». Все приезжие купцы заказывают трапезу именно там...

— Понял,— со вздохом согласился жадный Амирес.— Хорошо, я дам тебе денег, только потом ты представишь мне список всего, что съела.

— И всего, что выпила?

— Конечно.— Блюститель задумчиво посмотрел на пустую бутыль, словно решал, учесть ли стоимость его собственного вина, выпитого Соней.

— Ладно, будет тебе список,— пренебрежительно махнула рукой гостья.— Все, я пошла.

— Иди, иди,— с облегчением отпустил ее Амирес.— Только не медли: Падишеро уедет в начале следующей луны и в Багдарун вернется уже не скоро. И вот еще что! Узнай, где этот проходимец взял кольцо Эгидея — это весьма, весьма интересно...

* * *

На постоялом дворе под названием «Крошка Бижу» Соня снимала маленькую комнату на втором этаже.

Хозяйка, госпожа Бижу, вовсе не была крошкой. Напротив, почтенная женщина отличалась весьма внушительными размерами. Но походка ее была легкой, улыбка милой, душа — доброй. В больших темных глазах ее редко вспыхивал гнев, и никогда — злоба. Посетители любили ее как родную мать, а она любила их. Соню, к ее негодованию, госпожа Бижу просто обожала и однажды даже вознамерилась удочерить. Девушка не раз серьезно подумывала о том, чтобы переселиться в «Золотой лев». Там всегда было шумно и суettно, зато Толстяк Донно, владелец сего заведения, скорее повесился бы, чем взял в дочери такую лихую разбойницу, как Рыжая Соня. Уже дважды она разбивала о его голову кувшин с пивом, трижды швыряла в него кости и четырежды плевала в физиономию. И все только потому, что ей, ви-

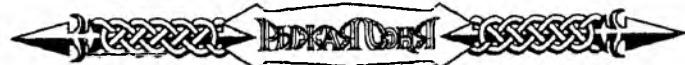
дите ли, не было оказано должного почтения. Нет, Толстяк Донно скорее утопился бы или закололся, чем удочерил Рыжую Соню...

С такими мыслями Соня спустилась с улицы на пару ступеней вниз, потянула на себя тяжелую дверь и вошла в обеденный зал «Крошки Бижу». Как всегда, здесь было тихо, мирно. В середине небольшого зала на высоком табурете сидел лютнист и наигрывал что-то очень грустное, но прекрасное. Подавальщик в чистом белом фартуке бегал между столами, ловко раскидывая кувшины, кубки и блюда. Посетители — в основном добродорядочные граждане Багдаруна — пили пиво, ели похлебку, лепешки и сыр. Все это небогатое угощение было приготовлено умелыми руками самой хозяйки и стоило весьма дешево.

Пышнотелая Бижу, завидев свою любимицу, немедленно устремилась ей навстречу. Радостная улыбка могла согреть своим теплом целую армию сирот, но только не Соню. Фыркнув, девочка увернулась от объятий почтенной женщины и села за свободный стол.

— Да что с тобой сегодня? — хмуро сказала Соня. — Ты же знаешь, я не люблю всех этих нежностей.

— Я волновалась, — ответила Бижу, в подтверждение своих слов шумно задышав. — Когда пришел стражник и велел тебе идти к Амиресу, сердце мое едва не выскочило из груди.... — Она прижала ладонь к могучему бюсту. — Весь Багдарун знает, какая тварь этот Амирес. Он мог посадить тебя в темницу, а то и вовсе изгнать из города.

— Я не совершила ничего дурного, — кратко заметила Соня. — Зачем же меня изгонять?

Госпожа Бижу потупилась. Конечно, если не считать дурным несколько разбойных нападений, с десяток краж и четыре драки, то ее гостья может с полным правом называться благонравной приличной девушкой

— Э-э-э... — пробормотала хозяйка. — От Амиреса всего можно ожидать.

Соня зевнула.

— Наплевать на него... Пожалуй, пойду вздремну. Скажи подавальщику, чтоб принес воды, — блюститель напоил меня каким-то дрянным вином, теперь горло так и жжет...

Она направилась к узкой винтовой лесенке. За ней, повинувшись знаку хозяйки, устремился подавальщик с большим кувшином в руках.

Крошечный пятничок второго этажа сверкал чистотою — госпожа Бижу мыла дом сверху донизу два, а то и три раза в день. Разморенная полуденной жарой, Соня с облегчением вдохнула прохладный воздух, пропитанный запахом мокрой древесины, толкнула неплотно прикрытую дверь слева, шагнула внутрь и оказалась в своем жилище.

Не раздеваясь и не делая лишних телодвижений, она прямо с порога бросилась на кровать. Кроме кровати, табурета, стола и окованного медью сундука, здесь ничего не было. Вселяясь сюда, Соня с трудом убедила хозяйку не вешать на окно бархатные занавеси, не расстилать на полу толстый туранский ковер, не ставить огромное глубокое кресло и не окуривать помещение благово-

ниями, что Бижу намеревалась делать каждый вечер. Суровая простота устраивала постоялицу вполне. Вот и сейчас, сонным взором окинув комнату, Соня удовлетворенно кивнула самой себе: с кровати можно дотянуться рукой и до стола, и до сундука, и до табурета. Какой прок ей путаться в бархатных занавесях и задыхаться в приторных благовониях?

Размышления девушки неожиданно прервались робким покашливанием подавальщика, который устал стоять в проеме двери и осмелился наконец напомнить Соне о себе.

— Ну? — суровым голосом вопросила та.
— Изволишь ли выпить воды, госпожа?
— Изволю.

Приподнявшись, девушка приняла из рук его кувшин с водой и сделала пару глотков. Нет, уже и пить ей не хотелось. Она закрыла глаза. Спустя несколько мгновений, когда слуга закрывал за собою дверь, Соня уже крепко спала.

* * *

Багдарун, основанный лет двести назад полководцем Багидаром, находился на самой границе Турана и Шема. Хитроумный полководец, туранец по происхождению, как-то очень ловко умудрился передвинуть границу в глубь Шема, отчего с тех пор между соседями время от времени случались стычки.

В одной из таких стычек Толстяк Донно повредил себе ногу. Вернее, даже не саму ногу, а только пятку, но и того было вполне достаточно

для жалоб, стенаний и причитаний, кои этот страдальц излагал на удивление складно.

Плакал Донно по большей части с раннего утра, так что постоянные посетители его заведения предпочитали приходить вечером или ночью. Соня и пришла вечером, но, как назло, утром Толстяк был занят иными важными делами, а потому жалобные вопли перенес на более позднее время — стоило девушке войти в зал, как он немедленно скрючился на своем табурете, вцепился в пятку, сморщился, открыл рот и завизжал.

— Проклятье, — сказала Рыжая Соня огорченно.
— Тысяча проклятий! — вздрогнув от неожиданности, поддержали ее посетители.

Их хорошее настроение было испорчено. Они знали: белобрысый толстяк Донно теперь не успокоится до полуночи. Конечно, они могли встать и уйти в другую таверну, однако только в «Золотом льве» разрешалось буйствовать, драться (разумеется, с последующей оплатой хозяйственных убытков), орать во все горло и все в том же роде. Приличным багдарунцам такие преимущества были ни к чему, но в таверну Толстяка Донно приличные багдарунцы не забредали.

Девушке надоело наблюдать за кривляньями Толстяка, и она устремила взор на дверь. Если Панишеро действительно богатый купец, он не преминет заглянуть в знаменитую и очень дорогую багдарунскую таверну. Памятую о малом росте владельца кольца Эгидея, Соня смотрела на нижнюю половину двери и на ступеньки, так что видела только ноги входящих. Ноги в основном были

кривые, некоторые грязные и с нестриженными ногтями, торчащими из сандалий; иные красовались в парчовых туфлях, а прочие парились в кожаных сапогах. Карлика Соня не обнаружила. Вздохнув, она заказала кружку вина и лепешку с сыром. Да, нынче Толстяк точно не назовет ее «любезнейшей госпожой Рыжей Соней» — подумает, что денег у нее опять нет, и очень ошибется: золотые Амиреса бренчали на дне ее вместительного кошеля. Если б она хотела, то купила бы и хорошего вина, и мяса, и свежего хлеба...

В этот момент дверь снова скрипнула и... На ступеньку прыгнул крошечный господин, коего блюститель описал совершенно верно: лицо безусое и безбородое, нос кривой, глазки маленькие, губы толстые... Без сомнения, Амирес был красивее его.

Мимолетная усмешка скользнула по губам девушки и сменилась робкой, милой, нежной улыбкой. Ресницы дрогнули, лучистый взор обратился на нового гостя «Золотого льва» с таким доверием, что тот сейчас же его почувствовал и тоже посмотрел на Соню. Личико карлика сморщилось — тонкие губы расположились, обнажая кривые желтоватые зубы. Похоже, он подарил Соне самую свою обаятельную улыбку.

На кривых ножках он подбежал к ее столу и ловко взобрался на скамью. В его масленых глазах так и плавилась похоть, от чего девушку передернуло и она мысленно произнесла пару оскорблений в адрес этого сластолюбца. При этом, конечно, взор ее остался робок и доверчив...

— Вокруг одни красавцы,— с ходу пожаловалась она Панишеро,— а они, как известно, заботятся только о себе. А кто же позаботится об однокой девушке?

— Я,— сообщил ей карлик незамедлительно.— Я, купец Панишеро.

— Какое счастье,— с облегчением вздохнула Соня.— Я уж думала, что никогда не найду крепкой мужской руки, на кою смогу опереться.

— Вот она! — Панишеро протянул девушке руку.— Скажи мне, как тебя зовут, и я вручу тебе ее на некоторое время.

— Почему ж только на некоторое время? — удивилась та.— Твоей рукой я хочу владеть вечно.

— Вечно не получится — я женат. Но на половину луны вполне можешь рассчитывать. Так как же тебя зовут, красавица?

— Рыжая Соня,— мрачно буркнула она в ответ.

* * *

Только к ночи они появились в великолепном доме, ранее принадлежавшем сотнику городской стражи.

Панишеро накачался дорогим вином Толстяка Донно так, что левая ножка его, бывшая немного короче правой, ослабла в колене и все время подворачивалась. Карлик, само собой, норовил упасть прямо на Соню, но девушка была начеку: она незаметно отклонялась в сторону, а после с удовлетворением наблюдала, как коринфиец падает на землю и барабхается, не в силах подняться, пока она не соизволит взять его за шиворот и поставить на ноги...

Утратив устойчивость, купец тем не менее сохранил четкость мысли. Он подробно описал спутнице дорогу к дому и сам дом, поведал о цели прибытия из Коринфии в Туран и даже развлек девушку милой историей о своем дедушке, который был настоящим великаном, а после ссоры с одним злокозненным колдуном стал карликом.

Соня усомнилась в правдивости сего рассказа, и, как выяснилось потом, не напрасно. Панишеро оказался величайшим лгуном на свете. Из десяти его слов девять с половиной были наглой ложью, и только наипоследний глупец умудрился бы ей поверить.

В доме, изнутри обставленном с утомляющей роскошью, Панишеро усадил гостью за стол и засыпал байками о своей многочисленной родне, сплошь состоящей из великанов. И только после полуночи, заметив наконец, что девушка устала, он всучил ей кубок с вином и проворно посеменил в свои покой, дабы подготовиться к любовным утехам.

Рыжая Соня слыхала, что в Коринфии принято предаваться любви в халате и в туфлях. Этот странный обычай сейчас был ей только на руку: пока карлик облачался в подобающий случаю наряд, она намеревалась обшарить зал. Однако Панишеро вернулся на удивление быстро — Соня не успела даже подойти к большому ларцу у зеркала.

— Вот и я! — обрадовал ее он.— Ну пойдем же скорее со мной, моя милая!

Соня обозрела его с нескрываемым отвращением. Халат на карлике был парчовый, яркого

красного цвета, кокетливо распахнутый на горбатой груди; расшитые золотом туфли с виду напоминали копыта...

— Что ж, пойдем,— усмехнулась она.

Счастливый карлик, подпрыгивая и напевая, устремился в коридор. Соня шла за ним, напряженно раздумывая, где же все-таки отыскать кольцо Эгидея. Ясно, что хитрый купец не стал бы прятать его в огромных сундуках с товаром, что стояли у входа в зал и охранялись всего одним сторожем. Скорее всего, Панишеро укрыл сокровище в своих покоях...

Как раз в этот момент они вошли в его комнату.

Девушка равнодушно оглядела богатое убранство, затем присела на край огромной кровати. Она намеревалась осторожно выспросить у пьяного Панишеро про кольцо Эгидея, а потом уже действовать по обстоятельствам. Можно было просто прикончить коринфийца и уйти — вместе их видели только в «Золотом льве», так что Соня ничем не рисковала. Однако убийство ради обладания какой-либо вещью или имуществом ей всегда претило. Вот если бы Панишеро согласился на честный бой... Девушка с сомнением глянула на подпрыгивающего у зеркала карлика, вздохнула и покачала головой: нет, он ни за что не будет с ней драться. Да и сама она тоже не станет связываться с таким малюткой...

— Моя бабушка была красавицей,— вдруг сообщил ей Панишеро.

— Ты говорил, она была великаншей.

— Это дедушка был великаном, а бабушка — красавицей.

Соня не стала спорить. Потомок красавицы и великана, как ни странно, ее почти не раздражал. Во всяком случае, Амирес вызывал куда более неприятные чувства...

Разбежавшись, Панишеро запрыгнул на кровать и испустил дикий вопль, предвкушая всю сладость предстоящих любовных утех. Девушка слегка отодвинулась, задумчиво глядя на свое отражение в большом, от пола до потолка, серебряном зеркале. Внезапно она насторожилась. В красивых серых глазах ее вспыхнуло удивление, потом радость, а губы дрогнули, расплываясь в довольной улыбке.

— Как ты мне нравишься,— ласково сказала она карлику.

Соня не лукавила. В сей момент Панишеро ей действительно нравился, ибо в зеркале она разглядела на толстом мизинце его левой руки прекрасное золотое кольцо, которое тотчас узнала по описанию Амиреса. О такой удаче она и не мечтала: не нужно убивать купца и затем рыться в его сундуках — стоит только прижать на миг его руку к сердцу и ловко стянуть с пальца кольцо.

— Можно, я прижму к груди твою руку? — вежливо спросила Соня.

Панишеро понимающе хмыкнул.

— Можно,— великодушно разрешил он и протянул девушке руку — увы, правую, на которой не было кольца Эгидея.

Соня сделала было вид, что не заметила жеста Панишеро, и потянулась к его левой руке, но тот

сразу убрал ее за спину. Тогда девушка решила действовать иначе.

— Да что рука! — воскликнула она, с трудом поборов желание стукнуть коринфийца головой об стену.— Я с удовольствием обниму тебя всего!

Карлик радостно захочотал и кинулся было к девушки, но она оттолкнула его.

— Только не сейчас.

Панишеро обиженно засопел.

— Сначала расскажи мне что-нибудь еще... Твой голос завораживает... Наверное, ты волшебник...

Эти слова Соня произнесла влюбленным шепотом, молясь всем богам, чтобы не взорваться от смеха. Но карлику в голову не пришло усомниться в ее искренности. Он никогда не сомневался в своей удивительной власти над женщинами. Ему даже не приходило в голову, что их может привлекать в нем нечто иное, нежели красота и мужская сила...

С сожалением отодвинувшись от девушки, Панишеро взял с ночного столика чашу с вином, отпил глоток и занудливо начал вещать:

— Один мой прадедушка — великан Гудилла...

Однако Соня вовсе не собиралась снова выслушивать рассказы о великанах. Наполнив взор нежностью, она тихо и ласково сказала:

— Не говори мне о дедушке, прошу. Расскажи лучше об этом колечке, что так мило посверкивает на твоем мизинце...

Карлик подозрительно посмотрел на гостью, потом перевел взгляд на кольцо Эгидея.

— Может, сначала мы будем любить друг друга? — неуверенно спросил он.

— Ну уж нет,— отказалась Соня.— Я не могу этим заниматься, не послушав интересной истории. Такова моя привычка.

— Но я же рассказывал тебе о...

— Панишеро! О великанах я уже знаю все! Прошу тебя, поведай мне об этом колечке...

— Ладно,— согласился покладистый карлик.— Только... Только странно все это. Другие девушки мечтали о том, чтоб я их приласкал, а ты...

Соне надоел этот спор.

— Я не такая, как другие! Разве ты этого еще не понял?

Карлик вздохнул. Верно. Таких красивых и таких колючих девушек он еще не встречал. По отдельности — или красивую, или колючую — да, сколько угодно... Мельком он подумал, что проще было бы немедленно расстаться с Рыжей Соней, однако где он найдет сейчас другую?..

— Моя восставшая плоть... — робко начал он, надеясь привлечь все же внимание этой особы к более интересным вещам, нежели рассказ о кольце Эгидея, но сразу замолчал, наткнувшись на уничтожающий взгляд гостью.— Не сердись, я начинаю свой рассказ. Посмотри на мои руки — на восьми пальцах ты видишь перстни и кольца...

— У тебя десять пальцев,— удивленно перебила девушка.

— Да, но перстни и кольца лишь на восьми,— усмехнулся карлик. Вот теперь он совершенно пришел в себя, когда понял, что девица столь же глупа, как все остальные. О боги! И они еще хотят сравниться с мужчинами! Приосанившись, Пани-

шеро продолжал — теперь уже не робко, с долей опаски и почтения, а снисходительно: — Знаешь, сколько стоит вот этот перстень с рубином? Чуть меньше, чем весь «Золотой лев» вместе со слугами и хозяином. А это тонкое, изящное кольцо, сплетенное из нити чистого золота, куплено мною за целый воз моего отборного вина... Вот еще перстень... О, он не так прост, как кажется на первый взгляд! Ранее он принадлежал одному бритунскому колдуна, а после его смерти — лет так триста назад — достался моему предку...

— Великану? — почтительно спросила Соня.

— Вот-вот,— милостиво кивнул карлик,— именно великанию.

Панишеро отпил вина из чаши и глубоко вздохнул, показывая гостью, как же она утомила его своими расспросами. Но останавливаться уже и сам не хотел.

На его толстых пальцах сейчас переливалось под светом ночной лампы целое состояние, а о своем богатстве — равно как и о великанах — он мог говорить бесконечно, получая от этого почти чувственное наслаждение.

— Могу похвалить тебя, моя милая,— покровительственно обратился Панишеро к Соне, выставив перед собой мизинец с кольцом Эгидея.— Ты верно подметила: эта побрякушка стоит всех остальных. В мире она известна уже более пяти сот лет, и мне досталась по наследству. Видишь ли, Эгидей... Ты, надеюсь, знаешь такого?

— Нет,— чуть подумав, ответила девушка.— Я с ним не встречалась.

— Ха! — сказал карлик. — Как ты могла с ним встречаться, если он умер лет за сто до твоего рождения! Так вот, Эгидей — двоюродный дядя моей троюродной прапрабабушки. Бесславен был жизненный путь его. Он занимался магией — увы, не имея к тому никаких способностей. Но упорство превозмогает все! И однажды он добился невозможного: открыл секрет долголетия! Представь себе, неудачливый маг, который не умел даже таких простых вещей, как превращение мышки в зайца и сотворение мороков, сделал порошок, могущий увеличить срок земного существования в три, а то и в четыре раза!

К несчастью нашей семьи, Эгидей обладал нравом угрюмым и замкнутым. Этот человек никого не любил — пятнадцать лет от роду он удалился в дебри аргосских лесов и там остался навсегда. Он никому не открыл состав чудодейственного порошка. Более того! Как гласит наша семейная легенда, перед смертью он развеял по ветру остатки его, а малую толику заключил вот в это кольцо, наказав потомкам беречь его, не являть воде, солнцу и огню, и... И все.

— Значит, ты теперь будешь жить пятьсот лет? — недоверчиво глядя на карлика, спросила Соня.

— О нет, — со вздохом ответствовал он. — Проклятый Эгидей оставил после себя лишь кольцо без указаний, как вытащить оттуда волшебный порошок. Видишь, оно из сплошного золота. Здесь нет даже крошечной дырочки, даже щелочки...

— Может, расколоть его? Или разбить? — предположила девушка.

— Пробовали... Ничего не получается.

Соня задумалась. Теперь она понимала, зачем Амиресу понадобилось кольцо Эгидея. Хочет жить пятьсот лет. Интересно, знает ли он, как выскресть оттуда порошок? Если знает, то... Девушка нахмурилась. Ей совсем не хотелось, чтобы Амирес отравлял жизнь людям еще несколько веков подряд. Может, отдать ему кольцо, забрать оружие киммерийца, а затем зарезать хитроумного блюстителя?

— Ну, красавица, — прервал Панишеро размышления гостьи. — Давай же, наконец, насладимся любовью. Я смотрю, ты заскучала? Потерпи, я быстро тебя развеселию.

Он запыхтел и потянул к девушке свои кривые ручонки, не догадываясь о том, что она только в этот миг окончательно отказалась от идеи убить его. Однако и уступать его гнусным домогательствам Соня отнюдь не собиралась. Оттолкнув его, она приставила кинжал к горлу карлика и хмуро произнесла:

— Я хочу спать. Ты утомил меня своей болтовней. Сейчас я лягу на твою кровать, а ты иди в кресло. Если до утра ты хоть пальцем меня коснешься, я перережу тебе глотку. Ясно?

Панишеро было все ясно. В знак согласия он испуганно моргнул и, как только девушка опустила клинок, послушно побежал к креслу. Проклиная себя за излишнюю доверчивость, он промстился между подлокотниками, свернулся в клубок и замер. Сквозь полуоткрытые ресницы он смотрел, как бессовестная гостья располагает-

ся на его милой уютной кроватке, грязными сандалиями, пачкая дорогое кхитайское покрывало, и скрежетал зубами от злости и отчаяния. О, как хотел бы он быть рядом с нею! Она так красива, так юна! Стан ее гибок, а рыжая пышная грива отливает золотом...

Несчастный испустил глубокий вздох, все еще тая надежду, что неприступная красотка сменит гнев на милость.

— Спи! — резко ответила ему Соня, поворачиваясь на бок и подминая под высокую упругую грудь розовую подушку.

Карлик не выдержал.

— Я заплачу тебе! — пискнул он.— Я заплачу тебе за эту ночь семь монет!

В ответ она швырнула в него ночную лампу. Панишеро оцепенел. Лампа была настоящим произведением искусства и стоила столько же, сколько хорошая скаковая лошадь,— около сотни золотых. Врезавшись в подлокотник кресла, она не разбилась, но слегка потнулась у основания. Панишеро поднял ее, повертел осматривая. Пожалуй, мастер сможет исправить этот изъян... За работу он спросит не меньше трех монет... Ну уж нет. Панишеро не даст ему и двух...

Мысли купца заработали в привычном направлении. Погрузившись в расчеты, он совершенно забыл обо всех обидах и плотских радостях... Он складывал, вычитал, умножал, приравнивал и под водоворот цифр наконец тихо и мирно уснул. Ему снилась Соня. Она стояла перед ним на коленях и умоляла подарить ей одну ночь. Панишеро гордо

отказывался, а Соня плакала... Затем ему снились деньги — в сундуках, в кошелях, в сумках; драгоценные камни — просто россыпью на лиловом мраморном полу; слитки золота и серебра, сложенные аккуратными кучками... Он вздрогнул, когда отвергнутая им Соня одним ударом ноги разрушила это великолепие, после чего схватила его за руку и снова принялась просить о снисхождении. «Одну ночь! — восклицала она со слезами на глазах.— Всего одну ночь!» Панишеро уже готов был сжалиться...

Яркий солнечный луч оборвал сон в самом интересном месте. Карлик, еще не открывая глаз, недовольно заворчал — он едва успел вытянуть губы трубочкой, чтобы одарить неприступную красавицу поцелуем, а дрема уже поплыла от него кудато вдаль, вверх, растворяясь в утреннем свете...

— Просытайся! — Насмешливый голос гости вытолкнул его из зыбкого, такого приятного забытья.— Мне пора идти.

— Куда? — проскрипел Панишеро, в недоумении глядя на девушку.

— Не задавай мне вопросов,— отрезала она.

И исчезла.

Панишеро бездумно смотрел на дверь, считая Сонины легкие шаги по коридору. Когда стало совсем тихо, он испустил тяжелый вздох и выполз из кресла.

Хотя утро было солнечное, нежное, душа карлика молчала. В ней не было ни радости жизни, ни горечи, ни грусти — лишь какая-то необъятная пустота, в самой глубине которой царапалось

мягкими коготками чувство тревоги, смешанной со страхом и облегчением одновременно. Панишеро не понимал истоков такого состояния души. Впрочем, он не особенно и ощущал его — так, что то томило слегка, и все.

Стоя посреди комнаты, он огляделся. Взор его упал на развороженную кровать. Карлик вздрогнул. Наверное, гостья его нынче ночью неважно почивала — об этом свидетельствовали раскиданные подушки, свернутое в жгут покрывало и наполовину сорванный полог. Вдобавок ко всему своими грязными сандалиями Соня замарала белоснежную простынь; в черных разводах Панишеро рассмотрел какие-то жуткие картинки, что то похожее на кривляющихся демонов, поежился и в печали отвернулся.

Далее день пошел своим чередом. Были встречи с багдарунскими купцами, коих коринфиец почитал за величайших в мире плутов, с лавочниками, с перекупщиками и прочей мелочью; были мимолетные знакомства и деловые беседы; в перерывах он ел, пил, считал деньги; потом снова говорил, договаривался, уговаривал, заговаривал; с одними он ругался, другим льстил, третьих откровенно презирал — так он жил всегда, лишь к самому позднему вечеру позволяя себе расслабиться и отдохнуть от суматохи. Ныне привычное течение было нарушено в середине дня.

Мелкий лавочник Бухуз, который обычно покупал у Панишера ткани, вдруг заныл, что не может более платить по одиннадцать монет за штуку кхитайского шелка.

— Только по восемь, месьор Панишеро. Только по восемь,— нудно бубнил он.
— Нет, по одиннадцать,— не соглашался купец.
— По восемь... — твердил Бухуз.
— По одиннадцать! — стоял на своем карлик.
— Ну хорошо, по девять,— отступил лавочник.
— Нет, по десять,— заявил Панишеро.
— По девять,— не унимался Бухуз.
— По десять! По десять! По десяты! — И Панишеро, дабы жестом закрепить свое последнее слово, вытянул вперед ручонки и растопырил прямо перед носом лавочника все свои десять пальцев. Вопль, сразу вслед за тем вырвавшийся из его глотки, так напугал Бухзу, что он уже готов был сдать позиции и согласиться даже на двенадцать, однако не успел сказать и слова.

Карлик выскочил из его лавочонки как ошпаренный и ринулся к паланкину, бешено вращая глазами и дико визжа.

Позже, рассказывая соседям об этом странном происшествии, Бухуз вспомнил, что коринфийский купец ворил о каком-то кольце. «Мое кольцо! Кольцо Эгида!» Соседи удивлялись: «Может, над ним подшутили демоны?» — гадали они.

Но нет. Не демоны подшутили над коринфийским купцом Панишеро...

* * *

— Ну что, достала ты кольцо Эгида? — спросил Амирес Рыжую Соню, на сей раз не приглашая ее присесть.

— Да,— спокойно отвечала ему она.

— Давай сюда!

От нетерпения блюститель вскочил, протянув Соне свою костиистую руку ладонью вверх.

— Э нет,— девушка отступила на шаг, усмехнулась.— Ты слишком торопишься, Амирес. Покажи-ка мне оружие киммерийца.

Амирес нахмурился. С самого начала он решил не отдавать Соне оружия, а взять у нее кольцо и приказать своим охранникам прогнать ее в шею. Так и получилось бы, но девчонка оказалась осторожнее и хитрее, чем он предполагал.

— Так и быть,— согласился блюститель.

По его знаку стоящий за спиной Сони громила развернулся и вышел из залы. Амирес снова сел, вперив в девушку недоверчивый взор.

— Если ты вздумала обмануть меня, красавица...— угрожающе начал он.

— Почему ты мне не веришь? — поинтересовалась Соня, и не подумав возмутиться.

— Потому что прошла всего ночь с того момента, как я велел тебе выкрасть у купца кольцо Эгидея.

— Ты? Мне? Велел? — Девушка рассмеялась. Так легко и искренне, что Амирес опешил на миг, не ожидая такой дерзости от юной разбойницы.— У меня нет хозяев, и никто не вправе приказывать мне! Запомни это, Амирес.

— Не в Багдаруне! Это мой город!

— Я сама по себе,— продолжила Соня,— в Багдаруне, в Мессантии, в Тарантии — везде. Никто не смеет приказывать мне. Я делаю то, что хочу. А то, что хочу, я делаю тогда, когда хочу.

Блюститель онемел. Уже лет двадцать никто не смел разговаривать с ним таким тоном. Если бы кольцо Эгидея было сейчас у него, он не задумываясь убил бы строптивую красотку. Но он даже не знал, принесла ли она его с собой!

Громила появился как раз вовремя. Вывалив на стол гору оружия, охранник молча отошел и снова замер за Сониной спиной.

— Вот тебе оружие киммерийца,— буркнул блюститель.— Но ты не получишь его, пока не отдашь кольцо!

Но девушка уже не слушала его. Не отрывая завороженного взгляда от кинжала, меча и лука, она приблизилась, наклонилась...

— Это не то! — презрительно бросила Соня, отходя от стола.— Вздумал обмануть меня, Амирес?

— Хм-м...— Амирес несколько растерялся. Он действительно надеялся ее обмануть, полагая, что все оружие одинаково и она не сможет отличить то, что принадлежало киммерийскому воину, от любого иного.— Я просто пошутил, красавица. Просто пошутил.

Криво усмехнувшись, блюститель махнул рукой охраннику. Тот забрал со стола отвергнутое гостьей железо и вновь вышел, едва не оборвав тяжелый полог мессантийской работы.

— Я пошутил,— повторил Амирес, стараясь придать своему скрипучему голосу больше мягкости и приятности. Несдержаный нрав рыжеволосой воровки пугал его не на шутку. Он был уверен, что в ярости она способна зашвырнуть драгоценное кольцо Эгидея в сточную канаву, а по-

том забраться сюда, в его владения, чтобы украсть оружие киммерийца.— Признаюсь, я был не прав. И не надо сверкать глазами, Соня. Сейчас ты увидишь то, что тебе так нужно...

В тот же момент громила вернулся в залу. В руках он держал кинжал, меч, лук и колчан со стрелами. Положив все это на стол, он вновь встал за спиной Сони.

Девушка наклонилась, вглядываясь в оружие. Щеки ее порозовели и в красивых глазах появился влажный блеск желания. «Тьфу! — про себя удивился блюститель.— Что за девчонка? Она жаждет не любви, а оружия! Не поцелуя, а битвы!» Умный Амирес не ошибался. Такова была Рыжая Соня.

— Можно мне... взять его? — спросила девушка, и Амирес с облегчением и удовлетворением обнаружил в голосе ее явную робость. Он сразу почувствовал себя прекрасно, ибо привык именно к такому тону — нерешительному, просительному и уважительному...

— Возьми,— разрешил он, ощущая себя чуть ли не божеством, дарующим слепому зрение.

Криво ухмыляясь, он смотрел, как девчонка благоговейно, словно святыню, берет огромный, похожий на меч кинжал. Для ее тонких рук он казался слишком тяжел, однако Амирес не заметил, что ей было трудно его держать. Напротив, рукоять кинжала точно легла в ее маленькую ладонь, а клинок полыхнул голубоватым светом, отражая солнечный луч. Неужели верно говорят, что оружие может чувствовать и понимать? Ами-

рес видел собственными глазами, как мертвый до того кинжал киммерийца ожила, едва попал в руки Рыжей Сони.

Блюститель тряхнул головой, отгоняя наваждение. Вздор, все вздор. Просто юная красотка повернула клинок к солнцу, вот и все чудеса.

— Полюбовалась — и хватит,— строго сказал Амирес.— Положи оружие на место.

Соня послушно положила кинжал на стол.

— А теперь давай кольцо.

— Я не взяла его с собой.

Амирес взъярился:

— Зачем же ты пришла?

— Я хотела посмотреть оружие... Да, оно стоит кольца Эгидея. Но как ты собираешься добывать бессмертие?

— А! Панишеро раскрыл тебе семейную тайну? А он не сказал, как ему досталось это кольцо?

— По наследству,— ответила Соня. Магия оружия уже не действовала на нее так сильно, и в голосе ее снова появились насмешливые, неуважительные нотки.

— Лгун! — осуждающе покачал головой Амирес.— Подлый и наглый лгун! По наследству оно досталось не ему, а его родному брату. Год или два назад брата кто-то отравил, вот я и подумал: не Панишеро ли?

— Возможно.

Соню не волновал этот вопрос. Она стояла и равнодушно ждала, когда блюститель наболтается вволю и отпустит ее. Конечно, она могла бы уйти сама, но кто знает этого хитреца... Вдруг

кольцо Эгидея не так уж нужно ему — тогда он, обиженный и раздраженный ее непочтительным поведением, не отдаст кинжала, меча и лука со стрелами...

— Что ж... Я отвечу тебе, красавица... Да, я знаю, как добыть из кольца бессмертие. Хотя можно ли назвать бессмертием лишнюю пару сотен лет?

На этом беседа закончилась. Соня договорилась с Амиресом о встрече нынешним вечером и ушла, провожаемая недовольным взглядом хозяина и холодным взглядом темноволосого громилы...

* * *

— Какое красивое колечко,— молвила госпожа Бижу, присаживаясь за стол напротив Сони.

— Это не простое кольцо,— гордо ответила девушка.— Это кольцо Эгидея. Внутри его заключен порошок, который может продлить жизнь человека на несколько столетий.

— Да что ты? — удивилась хозяйка.— А как его оттуда достать?

— Не знаю,— беззаботно пожала плечами Соня, не отрываясь от сътной трапезы, которой потчевала ее хозяйка постоялого двора.

— И где же ты его взяла?

— Украла у коринфийского купца. Этот похотливый недомерок возжелал провести со мной ночь. Ну нечего и думать, чтобы я согласилась!.. А когда он уснул, я сняла кольцо у него с пальца.

— Но зачем оно тебе, если ты не знаешь его секрета?

— Амирес обещал мне за него оружие киммерийского воина.

— Так, значит, теперь Амирес будет жить триста лет? — Круглое румяное лицо Бижу омрачилось.

— Посмотрим,— задумчиво отозвалась Соня.— Это мы еще посмотрим

В это раннее утро посетителей на постоялом дворе еще не было. Небольшая зала, как всегда, сверкала чистотой и благоухала ароматами кухни. Подавальщик дремал в углу, свесив голову набок, и время от времени тоненько всхлипывал.

— А ты хочешь жить триста лет? — в задумчивости не отрывая взора от трещины в крышке стола, спросила Бижу.

— Ну уж нет,— фыркнула Соня.— Двести — куда ни шло, но не больше.

— Почему?

— Надоест.

Хозяйка вздохнула, не в силах решить этот вопрос для себя. Пожалуй, она согласилась бы добавить к своему сроку лет сто, но... Одной ей было бы скучно. Вот если бы у нее были дети, муж... Но тогда и детям, и мужу тоже надо продлить жизнь... Нет, слишком много хлопот. Бижу еще раз вздохнула и выбросила из головы эти глупости.

— Наелась,— удовлетворенно выдохнула Соня, откидываясь на спинку скамьи.

— Вот и хорошо,— улыбнулась ей хозяйка.— Можно мне примерить это милое колечко?

Подобно большинству женщин, она была неравнодушна к украшениям.

Соня усмехнулась, сняла с пальца кольцо Эгидея и протянула его Бижу.

Пухлые короткие пальчики доброй женщины ловко управлялись с метлой, вертелом и котлами, но такую крохотную изящную вещицу держать не привыкли. От волнения руки ее задрожали, и кольцо Эгидея, блеснув золотой искоркой в солнечном свете, выскользнуло из них — прямо в большую глиняную кружку с водой, стоявшую на середине стола.

— Ах.—Хозяйка стукнула себя ладонью по лбу.— Вот растила!

Запустив в кружку пятерню, госпожа Бижу принялась шарить в воде, разбрызгивая жидкость во все стороны.

— Ты облила меня с ног до головы,— засмеялась Соня.

— Прости, прости...— В добрых темных глазах хозяйки мелькнуло беспокойство.— Прости...

Девушка посмотрела на нее удивленно. Бижу сосредоточенно шарила в кружке, расплескав на стол почти всю воду, но безрезультатно.

— Да что с тобой такое? Неужели так сложно отыскать это проклятое кольцо?!

— Соня... Там его нет...

Лоб бедной женщины покрылся испариной. Она замерла, не вынимая руки из кружки и в ужасе уставившись на девушку.

— Там нет кольца! — шепотом выкрикнула она.

— Не может быть.— Соня подняла брови.— Куда же оно могло деться, скажи на милость?

— Смотри! — И Бижу, перевернув кружку, вылила остаток воды на стол.

Кольца действительно не было.

— Наверное, упало на пол...

— Но я видела, как оно утонуло в кружке! — взволнованная Бижу на всякий случай все-таки наклонилась и внимательно осмотрела только что вымытый пол.— Его здесь нет!

— Может, закатилось в трещину? — Судя по виду рыжеволосой грабительницы, судьба магической безделушки не слишком взволновала ее.

— Соня! До опомнишь же! — Чуть не плача, хозяйка потрясла Соню за плечо.— Кольцо пропало! Как же быть? Куда оно могло деться?

— Не знаю,— откликнулась Соня.— Я видела, как оно упало в кружку. Ты хорошо там посмотрела?

— Очень хорошо.

— Тогда... Тогда остается лишь одно...

— Что? — Луч надежды вспыхнул и озарил близкое будущее приятным розовым светом. Пламенный взор Бижу впился в Соню, желая, моля и требуя немедленного ответа.

— Ты открыла секрет Эгидея.

Соня улыбалась. Она была довольна. То, что не давало ей покоя всю ночь и начало дня, разрешилось слuchаем.

— Теперь я знаю, как добыть из кольца порошок!

— Как? — выдохнула Бижу.

— Теперь уже никак! — засмеялась Соня. Увидев, как вытянулось лицо доброй женщины, она поспешила поправиться: — Панишеро рассказал мне, что Эгидей велел потомкам беречь кольцо и

«не являть его воде, солнцу и огню». Судя по всему, в этих словах и таился ключ к разгадке! Ни к чему извлекать из кольца порошок! Надо только бросить его в воду, где оно растворится, а потом эту воду выпить, вот тебе и эликсир долголетия!

— Какая ты умница! — восхитилась Бижу.— Но при чем тут солнце и огонь?

— Ни при чем. Думаю, что этот Эгидей был старик не промах... Он постарался запутать своих потомков, опасаясь, видимо, что среди них найдется хоть один смысленный карла, который догадается кинуть кольцо в воду. Напрасно он опасался...

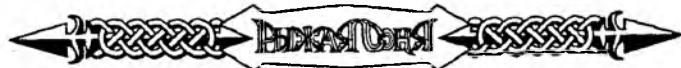
— Погоди... Но как теперь быть с оружием киммерийца? — растерянно спросила хозяйка.— Ведь я... пролила эликсир...

— Что-нибудь придумаю,— легкомысленно отозвалась Соня.— Не тревожься понапрасну.

* * *

Когда наступил вечер встречи с рыжеволосой красавицей, Амирес занервничал. В ее обществе он почему-то не чувствовал себя спокойно. Взор прекрасных серых глаз пугал его, усмешка на нежных девичьих губах настораживала, а дерзкий тон чарующего голоса внушал ужас.

Конечно, будь на месте блюстителя обычный человек, он и не обратил бы внимания на такие мелочи, как взор, усмешка и голос. Но Амирес, который привык к почтению и подобострастию, чутко улавливал проявления иных чувств по отношению к своей особе, и они немало его оскорбляли.

С Рыжей Соней он познакомился недавно, однако она уже неоднократно умудрилась оскорбить его. Посланцев, предлагавших ей отчислять Амиресу часть своих доходов, она попросту выгнала взашей. В Багдаруне вела себя как дома и отнюдь не чтила городскую власть. Поскольку властью этой был именно Амирес, то враждебность его к дерзкой пришельце возрастала с каждым днем.

Нечего и говорить, что блюститель уже не раз предпринимал попытки избавиться от Рыжей Сони, подсыпая к ней лучших из своих убийц, которые всегда помогали ему совладать с непокорными. Но те всякий раз возвращались к утру посрамленные и даже не могли толком объяснить, что случилось и почему затея не удалась.

Когда Амирес узнал об очередном приезде в Багдарун коринфского купца Панишера, он тут же вспомнил о Рыжей Соне. Вот кто добудет для него волшебное кольцо! Панишеро хитер и изворотлив, девчонка — решительна и ловка. А в их поединке победителем станет Амирес. Или у него будет кольцо Эгидея, или у него будет труп Сони. Мысль, что он может не получить ни кольца, ни трупа, блюстителю даже не пришла в голову.

Сейчас, сидя во внутреннем дворике своего дома-крепости, он заранее хмурил жидкие брови и надувал тонкие губы. Так он готовился к новой встрече с Соней. Исполненный подозрений, он вздыхал и возводил очи к небесам, ломал пальцы, тихо и кротко произносил грязные ругательства, адресуя их ни в чем не повинным туранским богам, скреб длинной костлявой рукою без-

волосую впалую грудь. Короче говоря, Амирес страдал. Пока он не находил приемлемого способа расправы с девицей, зато отлично предвидел ее дерзкое поведение и насмешливый взгляд таких красивых и таких пронзительных глаз.

Солнце уже садилось, а Соня не появлялась. Амиресова душа — вернее, ее бренные останки — скучожилась, превратившись в шершавый плотный комок плесени. Блюститель встал, ногой оттолкнул легкий плетеный табурет, побродил по саду, втянул полной грудью влажный воздух — бесполезно. Комок застрял над желудком и не давал дышать. Это был верный признак сильного волнения. Да и кто бы не волновался на месте Амиреса?

— Эй, приятель...

Негромкий голос юной красавицы заставил его вздрогнуть. Впрочем, он немедленно справился с собой и двинулся к ней навстречу, всем видом своим изображая равнодушие.

— А, это ты, Соня, — слабым голосом ответил он, давая понять ей, что едва не уснул, а уж коли едва не уснул, то, значит, ничуть не волновался.

— Не расстраивай меня, Амирес, — предупредила она как-то слишком серьезно. — Прошу, не расстраивай меня.

— С чего бы это? — Блюститель так удивился, что забыл притвориться.

Выходя к ней из-за деревьев, он подозрительно посмотрел на девушку.

Соня стояла неподвижно, не сводя с блюстителя надменного взора серых глаз. В обеих руках

она держала большую кружку, а более при ней ничего не было.

— Не расстраивай меня, — повторила она. — Не то я могу пролить воду.

Блюститель глянул на нее с неудовольствием. Что за странная шутка! Право, он ожидал от этой девчонки большего.

— Ты принесла кольцо? — отрывисто спросил он.

— Да. Вот только... — замялась девушка.

— Что «только»? — В это мгновение Амирес с невероятным облегчением ощутил охвативший его гнев, неукротимый и опасный, — совсем как в лучшие времена. Теперь он был за себя спокоен. Он не покажет девице свою слабость. Он снова силен...

— Только я уронила его в воду... — опустив голову, тихо вымолвила она.

Амирес побледнел.

— Вот сюда, в эту кружку, — продолжала Соня. — Я хотела достать его оттуда, но...

— Его там не было? — овладев собой, спросил Амирес.

— Точно, — вздохнула девушка.

— Дай сюда кружку!

Она протянула ему кружку — осторожно, стараясь не пролить ни капли. Наблюдательный Амирес криво усмехнулся:

— Ты уже поняла, в чем дело?

— Да, — простодушно кивнула девушка. — Порошок растворился вместе с золотом, и получился чудодейственный эликсир долголетия.

— Умна, ничего не скажешь, — похвалил Амирес. — Надеюсь, ты не пила отсюда?

— Что ты! Посмотри, кружка полна до краев. Мы же договорились: кольцо Эгидея — на оружие киммерийца. Мне нужно только оружие.

Она смотрела ему прямо в глаза, и на этот раз блюститель поверил ей сразу. Любой на ее месте непременно отпил бы — хотя бы глоток. Но рыжеволосая демоница оказалась на свой лад честна и соблюла уговор. А может, попросту не поняла, что за сокровище попало к ней в руки.

Амирес с мгновение глядел в таинственную муть волшебной воды, потом быстро приблизил кружку к губам и выпил все. Вода показалась ему чуть странной на вкус, но не более того. Должно быть, это порошок.

— Тебе стало хорошо? — осведомилась Соня.

Блюститель коротко кивнул, не желая открывать рот для ответа. Сейчас он занимался тем, что напряженно вслушивался в себя: не забывается ли четче и сильнее сердце? не затрепещет ли, разрастаясь, желудок? не дрогнут ли дряблые мускулы, молодея? Нет, вроде бы ничего такого с ним не происходило.

— Тогда теперь твоя очередь, — потребовала справедливости Соня. — Я хочу получить оружие. Оно принадлежит мне по праву.

Амирес улыбнулся, посмотрел на охранника и повел глазами в сторону дома. Тот молча развернулся и зашагал за оружием киммерийца.

— Ты — девушка, — изрек блюститель очевидное. — Зачем тебе меч, кинжал, лук со стрелами? Хочешь, я подарю тебе красивое платье? Или изумрудное ожерелье?

Нежное лицо юной разбойницы исказил гнев.

— Плевала я на твои подарки, — презрительно сказала она. — Отдай мне то, что должен, и я уйду.

— Бери, — пожал плечами Амирес. Благодушное настроение его испарилось бесследно.

Блюститель лукавил и сам это знал. Придав тощему длинному лицу своему скучающее выражение, он принял смотреть в фиолетовое небо, по коему проплывали серые облака. Вот вернулся охранник — он и глазом не повел; вот строптивая гостья взяла оружие в руки — он не шевельнулся; вот она хмыкнула и не спеша направилась к воротам...

— Взять ее! — сквозь зубы приказал Амирес, так и не повернув головы.

Громила, до того истukanом стоящий посреди двора, ожила. В его руке блеснул длинный тяжелый меч, а в глазах злоба. Он двинулся за Соней — ни единого лишнего движения, ни единого звука... Блюститель искренне им восхищался.

Девушка не оборачивалась. Казалось, она не слышит, не чувствует за спиной своей мерные шаги убийцы...

Амирес напрягся. Вот сейчас один точный удар свалит ее с ног, она вскрикнет, будто подстрелянная птица, обернется... На ее лице Амирес увидит удивление и растерянность, и еще — страх. Пожалуй, более всего он жаждал увидеть страх на этом тонком, слишком красивом лице...

Громила поднял руку.

В первый момент блюститель не понял, что же произошло. Его охранник, выученный сворачивать

шеи, затягивать удавки, прокалывать насеквозд сердца, вдруг тонко и протяжно взывал и начал медленно валиться на землю. Падая, он повернул голову к хозяину, и Амирес увидел на плоской тупой физиономии удивление, растерянность и страх...

— Ну что, Амирес? — холодно вопросила девушка, не опуская кинжала киммерийца, с которого капала темная бурая кровь.— Теперь твоя очередь?

— Нет...— хрипло шепнул блеститель.

— Что ж,— усмехнулась Соня.— Живи... Пятьсот лет.

Она рассмеялась и ушла. Амирес проводил ее затравленным взором, потом посмотрел на охранника. Тот был мертв.

* * *

— И он выпил воду, что мы с тобой набрали в луже у сточной канавы? — изумленно спросила Бижу.

— Ну да,— легко ответила Соня.— Почему бы ему не выпить воды из лужи? Пьет же он то отвратительное вино, которым я едва не отравилась — то ли туранское, то ли аргоское...

— О-о-о,— покачала головой хозяйка. Сомнения одолевали ее. Теперь она больше прежнего беспокоилась за свою отчаянную постоялицу. Кто знает, что она может еще натворить во вред самой себе, если уж так запросто решилась обмануть самого блестителя? — Смотри, Соня. С Амиресом нельзя шутить.

— Я с ним не шутила.

— Но ты подсунула ему вместо эликсира...

— А что мне оставалось делать? — перебила хозяйку девушка.— Ты же вылила настоящий эликсир на стол! Не могла же я притащить ему крышку стола и предложить ее вылизать! А оружие киммерийца... Сама знаешь, я давно о нем мечтала.

— Да,— согласилась Бижу.— Это оружие прямо создано для тебя.

— Точно,— удовлетворенно кивнула Соня.— А Амиресу оно без надобности.

— Без надобности,— вздохнула хозяйка.

Сомнения не оставляли ее, и все дальнейшее представлялось ей совсем не таким простым, как Соне. Она прожила в Багдаруне всю жизнь, так что отлично знала натуру Амиреса — коварного, расчетливого и жестокого блестителя порядка. Он никогда не простит Соне того, что она сделала. И суть не в том, что вместо волшебного эликсира он выпил воду из сточной канавы — в конце концов, он сможет обнаружить подлог только тогда, когда будет лежать на смертном одре, удивляться охватившей его слабости и постепенно прозревать, вспоминая странный вкус эликсира и слишком честные глаза Рыжей Сони. А суть в том, что Соня переступила черту, нарушила негласный закон — никогда не спорить с сильными мира сего и никогда, никогда их не побеждать. В этой схватке победа равна гибели...

— Ах, зачем ты убила охранника! — вдруг вырвалось у Бижу.

— Тебе его жаль?

— Мне жаль тебя.

— Не стоит,— улыбнулась девушка.

— И этот маленький страшный господин... у которого ты украла кольцо. Пока ты была у Амiresа, он прибегал сюда — тряс кулачками и грозился растерзать тебя...

— Ну и что?

— Я, конечно, прогнала его, но...

— Ну и что? — повторила Соня.

— Слишком много врагов,— покачала головой Бижу.— Слишком много врагов...

— Разберемся. А пока...

Добрая женщина выжидательно уставилась на постоялицу, надеясь, что сейчас та раскроет план избавления от преследований Амiresа и коринфского купца Панишера. В свои неполные семнадцать лет Соня не раз демонстрировала чудеса силы и ловкости. Удача всегда была на ее стороне — может, и теперь ей повезет? Бижу была готова молить об этом всех богов, вот только готовы ли они выслушать ее мольбы?

— Что?

— А пока...— Соня серьезно посмотрела на хозяйку.— Налей-ка мне еще вина.

И протянула Бижу свою большую кружку.

СОДЕРЖАНИЕ

*Джордж Бейли
ОБИТЕЛЬ ТЕНЕЙ*

5

*Дуглас Брайан
СОКРОВИЩА СВЯЗАННОГО БОГА*

329

*Нолан Майлз
КОЛЬЦО СУДЬБЫ*

397

Литературно-художественное издание

РЫЖАЯ СОНИЯ И КОЛЬЦО СУДЬБЫ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*

Обложка *Сергея Шикина*

Шрифтовой дизайн *Дмитрия Вяземского*

Художники *Кирилл Рожков, Владислав Асадуллин*

Художественный редактор *Андрей Татарко*

Верстка *Анны Новиковой*

Корректор *Вера Чаленко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 31.08.98.
Формат 84x1081/32. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 8000 экз. Заказ 781.

Издательство «Северо-Запад».

Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197046, Санкт-Петербург, а/я 771.
E-mail: sevzap@infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

•Северо-Запад®

ЧИТАЙТЕ дилогию **«ПОЛУНОЧНАЯ ГРОЗА»**

том 49

«Конан и подземный огонь»

том 50

«Конан и матеж четырех»

Роман выдающегося мастера
героической фэнтези Олафа Бьорна
Локнита заставит вас пережить
катастрофу, едва не погубившую
Хайборию, и позволит раскрыть
самую сокровенную тайну мира
Конана.

СЕКУЛЯР

Читайте
новый том
захватывающей
«Саги о Кулле»

КУЛЛ И БРАТСТВО МЕЧА

•Северо-Запад®

Впервые в России!

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
МАСТЕРА ФАНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»**

РОБЕРТА ГОВАРДА

Вместе с героями Говарда
окунитесь в мир
головокружительных приключений,
где клинки и отважные сердца
противостоят
чёрному колдовству.

***** fantasy *****

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «FANTASY»

ОДИН ТОЛЬКО ШАГ В СТОРОНУ —
И МИР ИНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ОТКРОЕТСЯ ПЕРЕД ВАМИ.
ВООБРАЖЕНИЕ — КЛЮЧ К ЕГО ВРАТАМ

МУЖЕСТВО И ВЕРНОСТЬ —
НАДЕЖНЫЙ щит против зла

**БАРБАРА ХЭМБЛИ и МАЙКЛ МУРКОК,
РОБЕРТ ГОВАРД и ТЭНИТ ЛИ,
ДЖОН М. РОБЕРТС и МЕРСЕДЕС ЛЭКИ**

СТАНУТ ВАШИМИ ПРОВОДНИКАМИ
В ЗАГАДОЧНОМ МИРЕ ФАНТАЗИ

Впервые в России!
ЗНАМЕНITАЯ ЭПОПЕЯ

МАЙКЛА МУРКОКА
**“САГА ОБ ЭЛЬРИКЕ
МЕЛНИБОНЭЙСКОМ”**

в 4-х томах

- ♦ ПОХИТИЛИ СНОВ ♦
- ♦ СТРАЖ ХАОСА ♦
- ♦ МЕСТЬ РОЗЫ ♦
- ♦ ПРИНОСЯЩИЙ БУРЮ ♦

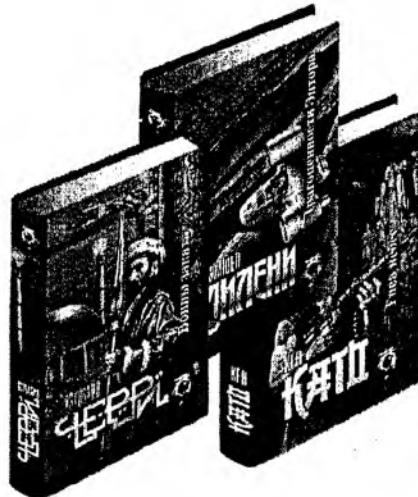
SCIENCE FICTION

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «SCIENCE FICTION»

МИРИАДАМИ СВЕРКАЮЩИХ ГРАНЕЙ
ВСПЫХИВАЕТ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ,
ОГРАНЕННЫЙ ТАКИМИ МАСТЕРАМИ КАК

**КЕН КАТО, МИКАЭЛА РОССНЕР,
КЭТРИН КЕРР и КЭРОЛайн ЧЕРРИ,
КИТ ЛАУМЕР, СЭМЮЕЛ ДИЛЕНИ**

КАЖДЫЙ ИЗ НИХ ВОВЛЕЧЕТ ВАС
ВО ВСЕЛЕНСКУЮ ИГРУ, ПРАВИЛА
И ЗАКОНЫ КОТОРОЙ — ЗАГАДКА.
НО ЕСЛИ ВЫ ВЫЙДЕТЕ ПОБЕДИТЕЛЕМ —
ВАМ ЭТОГО НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ!

ПЕРЕКРЕСТOK
МИРОВ

Читайте в новой серии
издательства «Северо-Запад»
лучшие книги отечественных
авторов!

Научная фантастика и фэнтези,
альтернативная история и мистика
ждут вас на

"Перекресток миров"

ПЕРЕКРЕСТOK
МИРОВ

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

"СЕВЕРО-ЗАПАД"

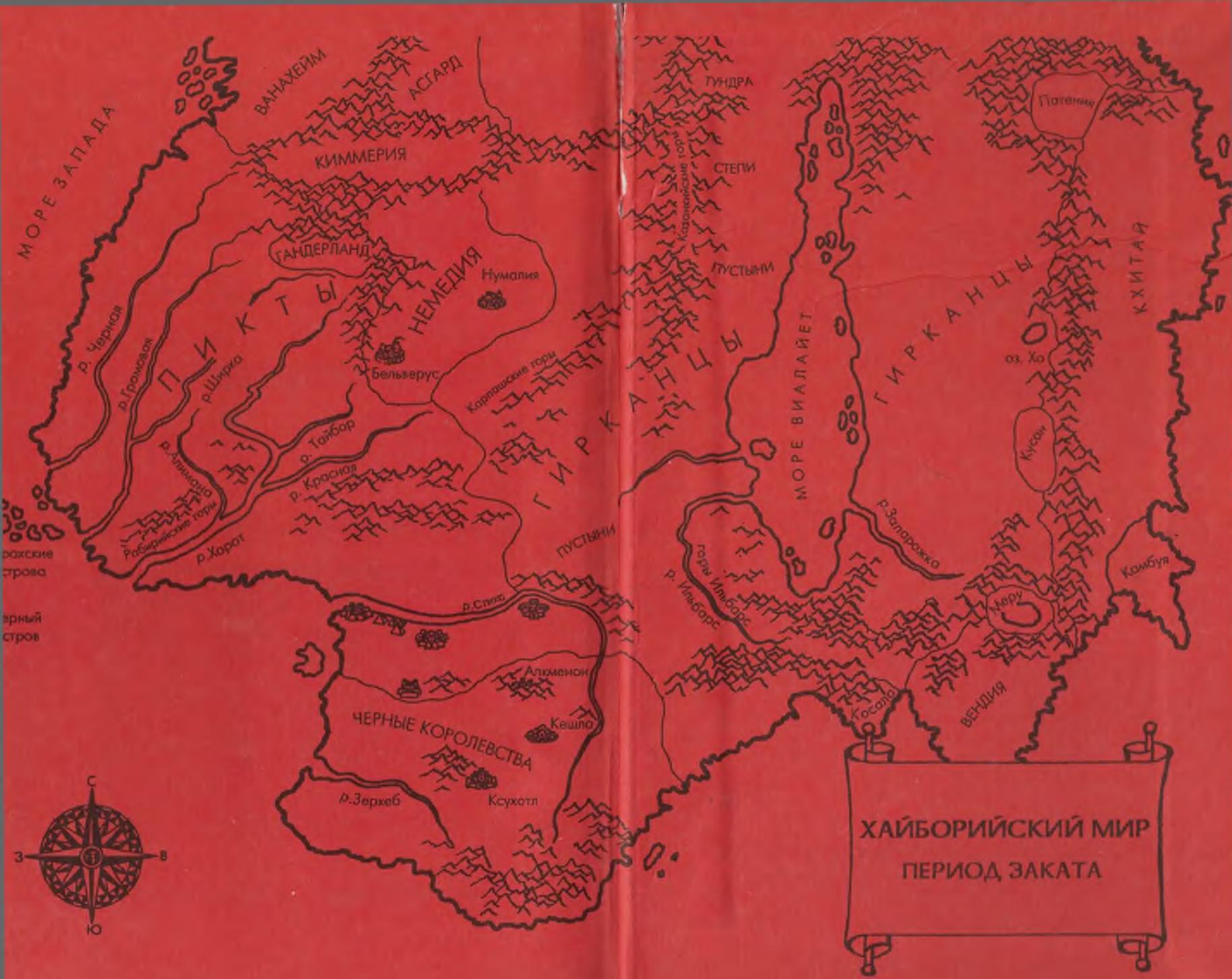
ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

"ACT"

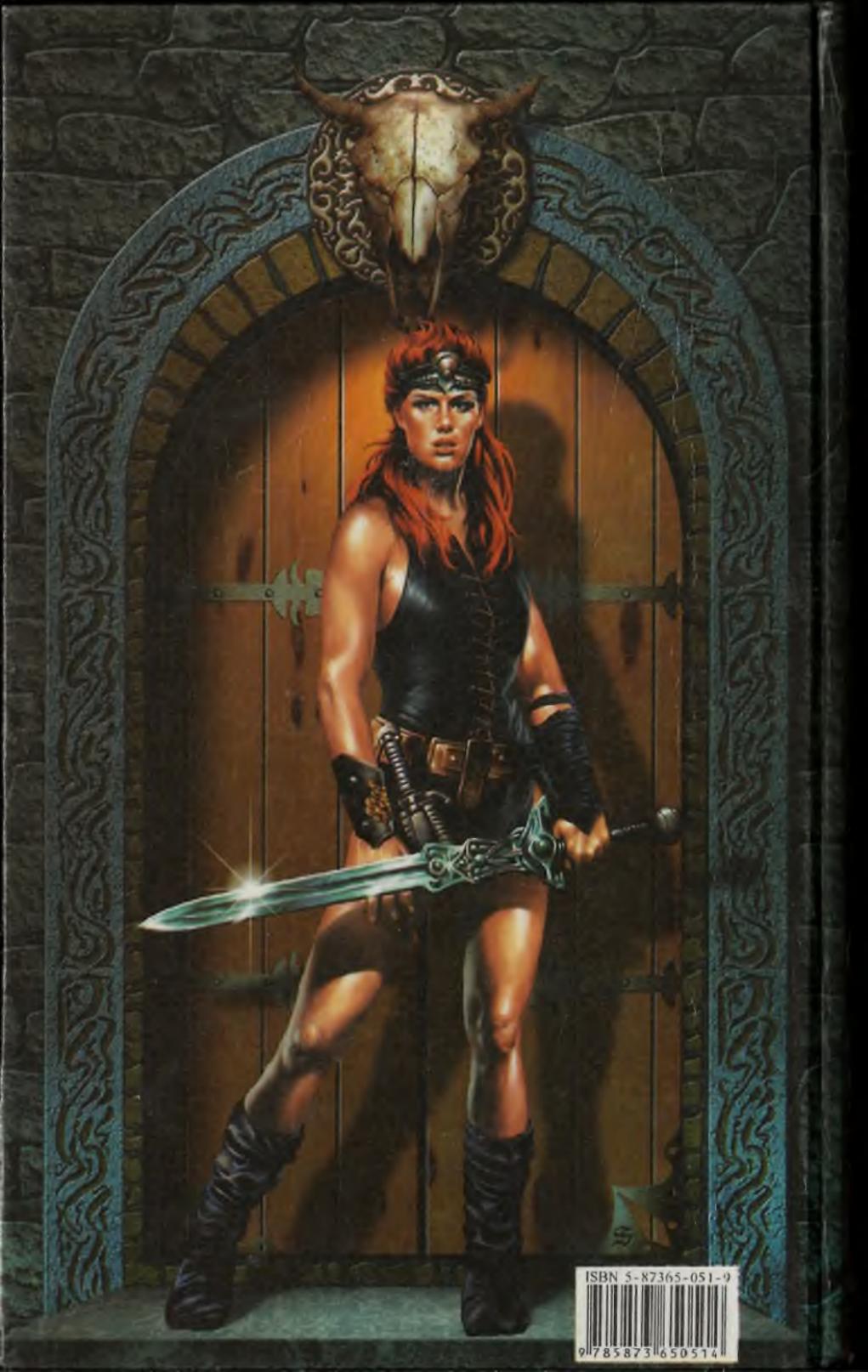
По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г.Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

ХАЙБОРИЙСКИЙ МИР
ПЕРИОД ЗАКАТА

ISBN 5-87365-051-9

9 785873 650514